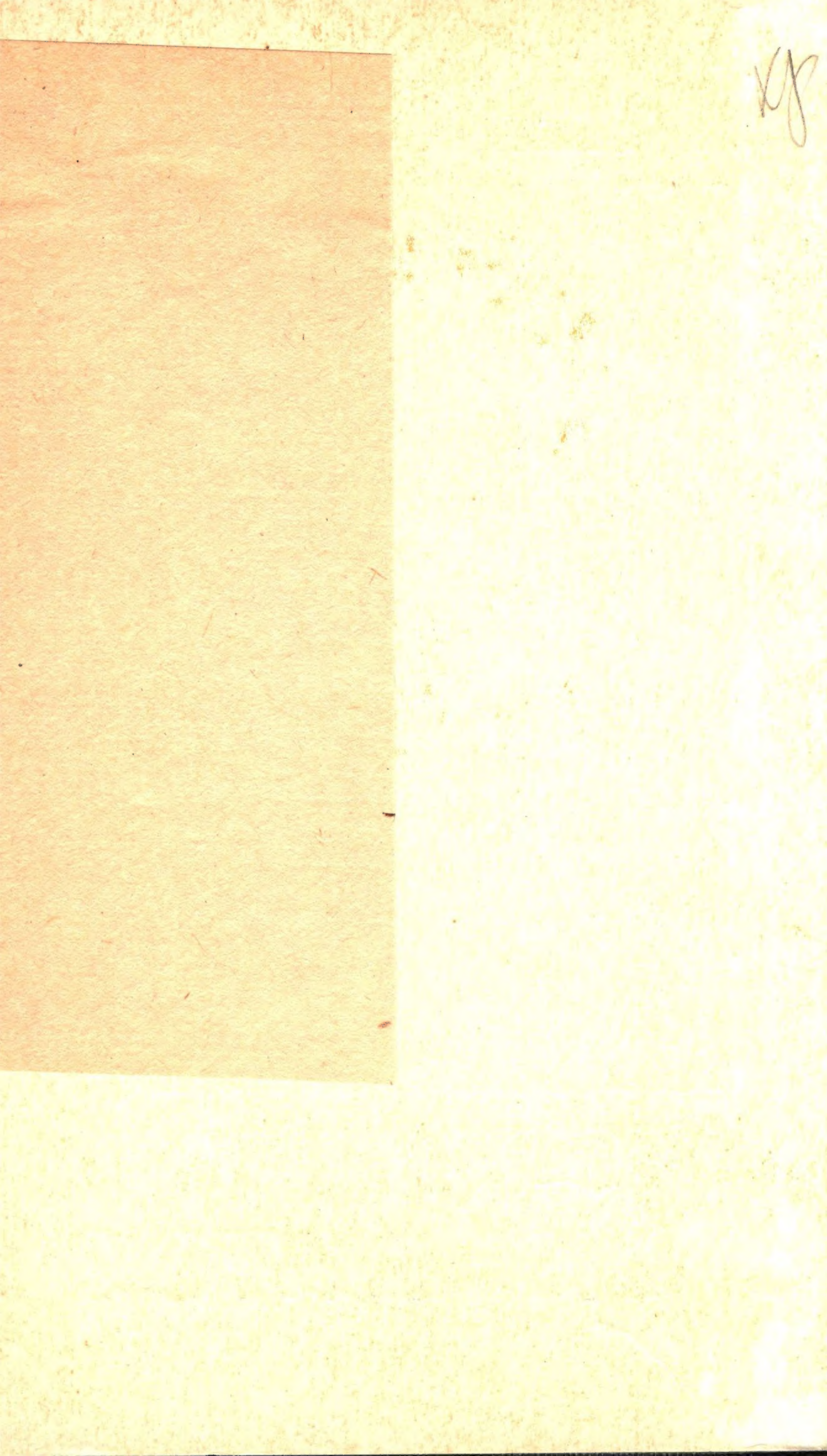
Л. Бат-Очир
Д. Дашжамц

Сухэ-Батор

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ ПРИ ЦК МНРП
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН МНР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

ОП.

Л. Бат-Очир, Д. Дашжамц

Дамдины Сухэ-Батор

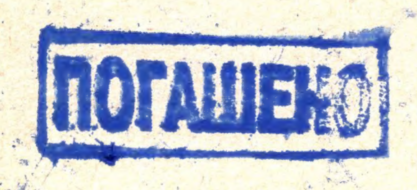
БИОГРАФИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1971

Л. БАТ-ОЧИР, Д. ДАШЖАМЦ
Д. СУХБААТАРЫН НАМТАР.
УЛАН-БААТАР, 1967

Перевод с монгольского
Г. И. ВАСИНА и А. И. ТАКСУБАЕВА
Ответственный редактор
М. И. ГОЛЬМАН

Книга монгольских ученых рассказывает о жизни выдающегося политического и государственного деятеля, основателя Монгольской Народно-Революционной партии и Монгольской Народной Республики Сухэ-Батора, о его политической борьбе и военной деятельности, о встрече с В. И. Лениным.

1-6-3
109-70

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В связи с исполнившимся в 1963 году семидесятилетием со дня рождения основателя Монгольской Народно-Революционной партии и монгольского национального государства, вождя антиимпериалистической и антифеодальной народной революции 1921 года, верного сына монгольского народа, выдающегося полководца Дамдины Сухэ-Батора ЦК МНРП принял решение, согласно которому Институт истории партии при ЦК МНРП и Институт истории Академии наук МНР провели большую работу по изучению биографии Сухэ-Батора; результатом явилась публикация в 1965 году первого издания предлагаемой читателю книги. (Впервые биография Д. Сухэ-Батора, написанная академиком Ш. Нацагдоржем, была издана в 1943 году.)

При создании данной биографии Сухэ-Батора авторы тщательно изучили документы Центрального архива истории Монгольской Народно-Революционной партии, Центрального архива истории МНР, рукописные материалы, хранящиеся в Государственной публичной библиотеке МНР, Институте истории Академии наук, неоднократно изданные ранее сборники документальных материалов о Сухэ-Баторе, а также воспоминания его современников, соратников и членов семьи.

В связи с решением ЦК МНРП об изучении биографии Сухэ-Батора в системе партийно-политического просвещения было подготовлено опубликованное в 1967 г. второе издание этой книги, в которой нашли отражение новые публикации и воспоминания о Сухэ-Баторе, а также советы и пожелания читателей. Ниже публикуется перевод этого второго издания.

Первая, вторая и третья главы книги написаны научным сотрудником Института истории Академии наук МНР Д. Дашжамцсм, четвертая, пятая и шестая — научным сотрудником Института истории партии при ЦК МНРП Л. Бат-Очиром.

Издательство убеждено, что подробный рассказ о жизни и деятельности Дамдины Сухэ-Батора, пламенного революционера, верного сына своего народа и убежденного интернационалиста, друга Советского Союза, будет с интересом и симпатией встречен советскими читателями.

Глава первая

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ДАМДИНЫ СУХЭ-БАТОРА

В конце XIX — начале XX века, когда многие страны достигли в своем развитии значительного прогресса, Монголия, сильно отставшая от них, находилась на стадии средневекового феодализма. Маньчжуро-китайские колонизаторы угнетали и притесняли монгольский народ.

В жалобах и прошениях, с которыми обращались к властям эксплуатируемые, разоренные араты, описывались бедственное положение трудящихся масс и многочисленные тяжелые повинности, возложенные на них в тот период. В конце XIX века только в Тушетуханском и Цецен-ханском аймаках страны свыше 80 тысяч бедняков, не имевших никакой собственности, вынуждены были заниматься бродяжничеством [1].

Все ярче разгоралось пламя борьбы монгольского народа против внутреннего и иностранного гнета, против эксплуатации.

Родственники мужественного сына монгольского народа Сухэ-Батора, так же как и все трудящиеся Монголии, испытали на себе всю тяжесть феодально-колониального угнетения.

Родители Сухэ-Батора

Прапрадед Д. Сухэ-Батора, Тугс, по прозвищу Бор, был бедным аратом, крепостным дзасак-ноёна [2] Цэдэндамба в бывшем Цецен-ханском аймаке. В 1815 году в местности Бударбумбат того же хошуна у Тугса родился сын Элбэг — прадед Сухэ-Батора.

Элбэг рос в бедности, работал на богачей. За выступления против местного князя в 1848 году он был

схвачен, подвергнут пыткам и брошен в тюрьму, где умер в 1851 году в возрасте тридцати шести лет[3].

Первый сын Элбэга, Того, родился в 1837 году. Рано осиротев, Того воспитывал младших братьев и, чтобы зарабатывать на жизнь, был вынужден прислуживать богатым соседям. После женитьбы у него родилось двое детей. Один из них, Дамдин, родившийся в 1860 году, и был отцом Сухэ-Батора. Родители Дамдина, бедные крепостные, владели лишь несколькими овцами, козами и рабочими лошадьми. Дамдину исполнилось восемь лет, когда умерла его мать — Сугар.

Когда Дамдин немного подрос, он тоже стал помогать отцу и сестре пасти скот богачей и занимался поденной работой. О том, чтобы учить мальчика, не могло быть и речи. Однако любознательный Дамдин сам немного выучился грамоте. Кочуя по степи, он оказался однажды в местности Ховор Жаргалант, где познакомился с человеком по имени Элт. Дамдин стал часто бывать в семье Элта, помогая ей по хозяйству. Здесь же он познакомился с девушкой Ханд — приемной дочерью Элта. Дамдин и Ханд договорились пожениться, уехать от суровых родителей девушки и начать самостоятельную жизнь. С большим трудом им удалось осуществить свои замыслы. В 1885 году у них родился первый сын, Дэндэв, а в 1886 году — второй сын, которого назвали Ранжин.

Элт был очень недоволен браком дочери. Он с неприязнью относился к Дамдину, человеку низкого происхождения, и всячески старался разлучить молодых. Как раз в это время серьезно заболел отец Дамдина — Того, и Дамдину пришлось спешно уехать домой, чтобы ухаживать за отцом. Того умер в 1886 году. Дамдин оставил своей сестре плохонькую юрту и нескольких овец, а себе взял только белого коня.

Летом, весной и осенью Дамдин ходил в старом, выгоревшем дэли[4] и только зимой надевал овчинный дэли без верха, за что его прозвали «цаган дээлт» — «имеющий белый дэли». Единственным близким человеком, который поддерживал семью Дамдина и Ханд, был Дондов. В прошлом он был монастырским послушником в Урге, а затем вернулся в родные места. Видя бедственное положение молодой семьи, Дондов посоветовал Дамдину и Ханд вместе с детьми отправиться в Ургу, или Их-Хурэ[5], как называли его монголы.

В то время множество бедняков в поисках средств к существованию стекались в Ургу. В народе говорили: «Здесь и бродячая собака жиреет, и страждущий находит счастье».

Дамдин и Ханд решили сбежать в Ургу и стали готовиться к тайному побегу, ожидая удобного случая. Но отец Ханд, Элт, и тайджи[6] Илдэн заподозрили неладное и установили слежку за окрестными дорогами. Уехать незаметно стало трудно, но Дондов все же нашел выход. Он показал молодым людям дорогу, о которой мало кто знал, помог им запасти немного провизии, дал денег.

В последний месяц весны 1890 года Дамдин и Ханд погрузили на белого коня свои пожитки, посадили в седло старшего сынишку, а младшего — в корзину за спину и двинулись в путь. Опасаясь погони и стараясь запутать следы, они направились сначала на запад от монастыря Мандал (хошун Гадин Цецен-ханского аймака), а затем через Бударчулут к Урге. Путь был нелегким. Маленького сына несли по очереди отец и мать. Приходилось идти незнакомыми местами, иногда ночевать прямо в степи. Когда по дороге им встречались погонщики скота или богомольцы-паломники, они шли вместе с ними. В зной и ветер, под дождем, плохо одетые, питаясь впроголодь, Дамдин и Ханд с детьми прошли более двадцати уртонов (свыше семисот километров) и наконец добрались до ургинского Маймачена[7]. Здесь на окраине они разыскали семью Дава, к которому у Дамдина было рекомендательное письмо от Дондова. По мере сил Дава позаботился о приезжих, поселил их в своей глинобитной пристройке. Так семья Дамдина начала самостоятельную жизнь.

Вначале постоянной работы у Дамдина не было. Вместе с Дава он то охранял местный монастырь Дарх или китайские лавки, то пас чужой скот. Таким образом ему удавалось немного заработать. Ханд, оставаясь дома, присматривала за детьми, собирала аргал[8], шила одежду, пришивала подметки к обуви, стараясь как-нибудь помочь мужу. Сторожам монастырей и лавок платили гроши: обычно давали остатки еды или чай.

С помощью друзей Дамдин поставил себе небольшую юрту.

Дава и его жена Хишигт жили тоже в бедности, но

всегда старались помочь семье Дамдина, были их опорой и поддержкой. Хишигт, хорошо знавшая жизнь семьи Дамдина, впоследствии вспоминала: «Мать Сухэ-Батора, Ханд, обычно ходила в заплатанном дэли, когда-то желто-зеленом, а потом выцветшем, иногда в гутулах[9], иногда — босиком. Это была худенькая женщина, смуглая, с маленьким лицом, ослепительно белыми зубами. Дома она все время чем-нибудь занималась: то шила, то возилась с посудой. Отец Сухэ-Батора, Дамдин, был худощав и смугл лицом, без бороды, у него был нос с горбинкой, густые брови, спокойный взгляд. Сидя в юрте, он любил покуривать трубку. Дамдин был спокойным, добродушным человеком.

Семья Дамдина жила в серой юрте с войлочной дверью. В переднем углу стояли два сундучка, между ними — деревянная фигурка коня с привязанной ленточкой и бурханчик[10]. Пола в юрте не было, его заменяла постланная прямо на землю невыделанная шкура и тюфячок. В центре юрты — очаг, рядом — деревянные чашки»[11].

Урга была политическим, экономическим и культурным центром тогдашней Монголии. Тяжелое положение народа, страдавшего под колониальным и феодальным игом, здесь было особенно невыносимым, а социальные противоречия и контрасты были обнажены до предела. Со всех концов огромной страны собирались в Ургу толпы обездоленных. Согласные на любую подвернувшуюся работу, они искали заработка в многочисленных ургинских монастырях, в лавках китайских и русских купцов. Бедноту называли тогда «харчул» («чернь») и «борчул» («серый люд»). Харчул и борчул составляли многочисленную группу населения Урги.

Как отмечал Ф. Энгельс, в период распада феодализма «значительно увеличилась масса людей, лишенных определенной профессии и постоянного места жительства»[12]. К. Маркс рассматривал эту категорию людей как «предпролетариат».

Отец Сухэ-Батора был как раз одним из тех, кто перешел из рядов сельских батраков в «харчул-борчул». Ф. Энгельс писал, что именно такие беднейшие слои населения в первую очередь вовлекаются в классовую борьбу, в общественные волнения.

2 февраля 1893 года в семье Дамдина родился третий сын. Обрадованные родители и соседи стали выбирать новорожденному имя. Как раз в это время Дамдин, заготовлявший дрова на берегу реки Улиастай, нашел там маленький топор (по-монгольски — сух.— *Прим. пер.*). Отец решил, что это счастливый знак, и сына назвали Сухэ-Батор. В семье Дамдина стало пять человек.

Дамдин и Ханд мечтали о том, что их младший сын вырастет образованным человеком, поступит на государственную службу и будет хранителем семейного очага.

Между тем прежние хозяева Дамдина — хошунный князь Гадин и Илдэн-туслакчи[13] — после исчезновения Дамдина из родных мест пытались разыскать беглеца. О нем не забыли, как не забыли и о неповиновении и дерзости его отца. Однажды Гадин услышал, что Дамдин обосновался в Урге. Осенью 1896 года в Ургу прискакал хошунный чиновник, которому помимо прочих дел было приказано вернуть Дамдина и Ханд к прежним хозяевам. Над маленьким Сухэ-Батором и всей семьей нависла угроза. Дамдин и Ханд не на шутку испугались. Их сосед и друг Дава попытался выручить Дамдина, спасти его от пыток, суда и тюрьмы, которые неминуемо ждали беглеца по возвращении в хошун, где он раньше жил и где обязан был оставаться. Дава пошел в канцелярию Цецен-ханского аймака и начал хлопотать, чтобы Дамдина взяли на службу и официально разрешили постоянно проживать в Урге. Разрешение удалось получить, и Дамдин стал истопником в аймачной канцелярии. Семья осталась в Урге.

Поступив на работу, Дамдин переехал из ургинского Маймачена в Ургу. В сентябре 1896 года он поселился неподалеку от аймачной канцелярии на западном склоне Махур-толгой. Здесь жило много бедняков, перекочевавших из разных хошунов Цецен-ханского аймака. Тут же обитали и родственники заключенных, находившихся в аймачной тюрьме. Дамдин, Ханд и их дети влились в эту массу, делили со своими соседями радость и горе.

Таким образом, детские годы Сухэ-Батора прошли среди городской и сельской бедноты. Он хорошо узнал тяготы ее бесправной жизни. Бедняков в Урге было много, далеко не все из них могли найти работу и средства

к существованию. Бывали дни, когда в семье Сухэ-Батора не было ни крошки и дети ложились спать голодными. Дамдин и Дава в свободное время ставили силки и капканы в Улиастайской пади, охотились на тарбаганов и сусликов. Это было подспорьем в их бедной жизни.

Маленький Сухэ летом ходил в рубашонке и штанишках, босой. Зимой он носил дэли, сшитый из обрезков овчины. Мальчик рос ловким и сообразительным. Смастерив рогатку, он охотился на воробьев, мышей. Играл в бабки с местными ребятишками. Среди ровесников у него было много друзей.

С десяти лет Сухэ-Батор вместе со старшими братьями в любую погоду ходил в горы, на речку, бегал по городским улицам, на ургинский рынок. Он помогал родителям, собирая дрова и щепки. Мальчик часто играл с русскими детьми в Консульском поселке Урги и понемногу начал говорить по-русски. В то время в Монголии не было школ для детей аратов, но отцу очень хотелось научить Сухэ-Батора грамоте. В 1907 году он отдал его в учение к известному в Урге учителю Онгуудын Жамъяну [14], который на дому учил мальчика письму, чтению, началам арифметики.

Супруга О. Жамъяна, Янжин, в своих воспоминаниях пишет: «Однажды весенним вечером Дамдин привел к моему мужу в ученики своего четырнадцатилетнего сына Сухэ-Батора. Как и другие дети, Сухэ-Батор стал приходить к нам каждое утро с букварем под мышкой. Учился он старательно, был стеснителен и побаивался своего учителя. Обучение Сухэ-Батора продолжалось два-три года» [15].

Мальчик много помогал родителям и днем обычно бывал занят множеством разных дел, так что на приготовление уроков времени не оставалось. Лишь поздно вечером, при тусклом свете масляной лампы он садился за чтение, писал, учил заданное. Отец по мере своих сил помогал Сухэ-Батору в учебе. В минуты радости он шутливо говорил: «Отец и сын — одна душа, мы оба разговариваем письменно». Но учеба Сухэ-Батора длилась недолго. Семье жилось трудно, и, когда Сухэ исполнилось шестнадцать лет, отец решил послать его на заработки. В 1909 году Сухэ-Батор стал уртонщиком [16] на участке Хунцал — Хуримт, одном из одиннадцати уртонов почтового тракта Урга — Кяхта.

Днем и ночью, часто голодный и невыспавшийся, Сухэ-Батор сопровождал проезжающих по тракту. Работа была нелегкой. Высокомерные и спесивые князья, чиновники, полицейские, грубые и безжалостные китайские и русские курьеры нередко обрушивались на Сухэ-Батора с бранью, а иногда пускали в ход кулаки. Юноше все труднее было терпеть их бесчинства и произвол. Проработав на этом уртоне несколько месяцев, он вернулся в Ургу и вскоре нанялся погонщиком на Тумэтском уртоне, куда входили четыре главные дороги. Однажды по дороге из Урги лошадь важного чиновника, которого сопровождал Сухэ-Батор, на полном скаку споткнулась — и чиновник упал. Поднявшись с земли, он в ярости набросился с кулаками на Сухэ-Батора, крича, что уртонщик подсунул ему уставшую лошадь, и чуть не убил его. Сухэ-Батор смело ответил ему: «Если упал, вини землю и лошадь». И, не обращая внимания на взбешенного чиновника, ускакал.

Кроме работы погонщиком Сухэ-Батор искал другие способы заработать, стараясь помочь семье: занимался разноской мяса с рынка, собирал дрова и сучья в горах Богдо-ула, косил сено и продавал его жителям Урги, державшим скот.

В это время отец Сухэ-Батора стал работать сторожем в тюрьме (тюрьма была расположена около моста через реку Сельбу, в районе нынешнего министерства сельского хозяйства МНР). Юрта Дамдина переместилась в хашан[17] около тюрьмы. Сухэ-Батор внимательно приглядывался к тюремной жизни, к тамошним порядкам. Тюрьма была построена из толстых бревен, скрепленных для прочности глиной и камнями, и была окружена забором из толстых кольев. В нее не проникали ни луч света, ни свежее дыхание ветра. Везде была грязь, стояло зловоние, кишели тараканы. Здесь-то и томились заключенные — с шейными колодками, в ручных кандалах, со связанными ногами, в грязи и вшах. Все это Сухэ-Батор видел собственными глазами. Он подолгу раздумывал над тем, за что подвергают людей страшным пыткам и мучениям.

Бедняки выбивались из сил, но жизнь их оставалась беспросветной, тогда как князья, ламы, китайские торговцы, ничего не делая, утопали в роскоши. Эти социальные контрасты, с которыми Сухэ-Батор сталкивался

на каждом шагу, естественно, оказывали значительное влияние на формирование его сознания, зарождали в душе юноши сочувствие ко всем страдающим и угнетенным, ненависть к жестоким и сумасбродным богачам.

Сухэ-Батору было тогда около восемнадцати лет. С детства узнав тяжелый труд, голод и холод, лишения и трудности, он получил хорошую закалку, всесторонне узнал жизнь. Годы, проведенные в Урге, несомненно, оказали огромное воздействие на становление характера и всю дальнейшую жизнь Сухэ-Батора.

В Урге он впервые столкнулся с социальными противоречиями общества.

В городе появлялось все больше лавочек и магазинов, принадлежавших китайским, русским, английским, американским, немецким и японским торговцам. Создавались небольшие предприятия. Влияние империалистической политики все сильнее сказывалось на Монголии.

[1] Ш. Нацагдорж, Аратское движение во Внешней Монголии, Улан-Батор, 1956, стр. 29 *(на монг. яз.)*.

[2] Дзасак-ноён — княжеский титул.

[3] С. Галсан, Предки полководца, — «Залуучуудын унэн», 1966, № 14 *(на монг. яз.)*.

[4] Дэли — национальная одежда.

[5] Их-Хурэ (букв. «Большой монастырь») — так называлась ставка хутукты или монастырь богдо Жавзандамбы. Здания были построены в начале XVII в. С 1911 г. поселок назывался Нийслэл-Хурэ, в 1924 г. он был переименован в город Улан-Батор.

[6] Тайджи — дворянин, князь.

[7] Маймачен — селение, расположенное восточнее Урги. В настоящее время — поселок Амгаланбатор.

[8] Аргал — сухой помет, употреблявшийся как топливо.

[9] Гутулы — национальная кожаная обувь с загнутым носком.

[10] Бурханчик — изображение буддийского божества.

[11] «Воспоминания о Сухэ-Баторе», Улан-Батор, 1945, стр. 88—89 *(на монг. яз.)*.

[12] Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 7, М., стр. 354.

[13] Туслакчи — помощник хошунного князя.

[14] Онгуудын Жамъян (1864—1930) был чиновником министерства финансов в период автономии Внешней Монголии. В 1919 г. вступил в подпольный революционный кружок. В 1921 г.— заместитель министра финансов, в 1920—1930 гг. был председателем комитета наук, министром просвещения.

[15] «Воспоминания о Д. Сухэ-Баторе», стр. 95—96.

[16] Уртонщик — погонщик почтовых лошадей.

[17] Хашан — двор, огороженное пространство.

Глава вторая

Д. СУХЭ-БАТОР В БОРЬБЕ ЗА ЗАЩИТУ НЕЗАВИСИМОСТИ МОНГОЛИИ

Провозглашение независимости Монголии

На рубеже XX столетия в Монголии резко обострились социальные противоречия, активизировалась борьба против маньчжурского колониального режима. Значительные изменения произошли и за пределами страны, что оказало существенное влияние на Монголию. Центр мирового революционного движения переместился в Россию. Как писал Ленин, благодаря буржуазно-демократической революции 1905 года в России «сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию» [1]. Под воздействием первой русской революции и китайской революции 1911 года в Монголии развернулось мощное национально-освободительное движение против маньчжурского гнета.

В результате победы национально-освободительного движения в 1911 году было свергнуто более чем двухсотлетнее правление маньчжуров, и Внешняя Монголия была провозглашена независимым государством. Маньчжурский губернатор (амбань), маньчжурские чиновники и войска были изгнаны с территории Монголии. 30 декабря 1911 года в 12 часов дня в Урге около Желтого дворца состоялась церемония провозглашения независимого монгольского государства во главе с богдо-гегеном. Сухэ-Батор с отцом были свидетелями этого торжественного акта.

Монголия была объявлена независимой, было установлено новое летосчисление, по которому годы правления богдо-гегена назывались годами «многими возведенного». Урга стала столицей монгольского государства. Все это вселяло радость и гордость в души монголов.

На церемонию провозглашения независимости собралось множество народа, повсюду царила атмосфера радостного возбуждения, только маньчжуры и китайцы ходили сумрачные.

Длительная борьба монгольского народа против чужеземных поработителей увенчалась успехом. Все эти события оказали значительное влияние на формирование идейных взглядов и политического сознания Сухэ-Батора.

Сухэ-Батор на военной службе. Борьба за безопасность монгольских границ

28 ноября 1911 года Временное правительство, называвшееся «Временным управлением делами халхаского Хурэ (Урги)», решило призвать на военную службу по тысяче солдат от каждого из четырех халхаских аймаков. Во исполнение этого решения был призван в армию и Сухэ-Батор, бывший в то время подданным хошуна Доржжава Цецен-ханского аймака. В начале 1912 года он прибыл в казармы, где размещались призывники из его аймака, — в местечко Шар-Хад, к северо-востоку от Урги. Он стал истопником, а также выполнял обязанности денщика.

Монгольская армия делилась на две части: столичную, которая размещалась в Урге и ее окрестностях, и худонскую — удельную, которая дислоцировалась в провинции. Солдатам воинских подразделений, которые находились в столице, полагалось ежемесячно выплачивать 9 лан [2] серебра, а на питание и топливо ежедневно — по 3 цэна [3]. Однако военные чиновники любыми путями стремились присвоить эти деньги, и положенные суммы попадали в руки солдат очень редко. Требуя выплаты обещанных денег, солдаты подавали многочисленные жалобы и прошения, но их нигде не принимали. Что касается худонских солдат, то им вообще ничего не платили. Обмундирование, провиант и лошадей для них должны были поставлять араты соответствующего хошуна. Однако араты, и без того задавленные многочисленными феодальными повинностями, не могли содержать армию. Сухэ-Батор служил сперва в удельных войсках, а затем был переведен в столичные. Он имел возмож-

ность узнать, как нелегко жилось монгольским солдатам, где бы они ни служили.

Правительство Монголии пригласило военных инструкторов из России, и в 1914 году в Худжирбулане, в десяти километрах от Урги, открылась школа по подготовке младших командиров. В числе солдат Цецен-ханского и Тушетуханского аймаков, отобранных военным министерством для обучения в этой школе, оказался и Сухэ-Батор.

П. Тогтох, поступивший в школу вместе с Сухэ-Батором, вспоминает: «Примерно в феврале — марте 1912 года по приказу военного министерства всех цириков Цецен-ханского и Тушетуханского аймаков собрали на смотр. После смотра было отобрано человек тридцать. Из Цецен-ханского аймака взяли человек семнадцать — восемнадцать, среди них и нас с Сухэ-Батором. Нам приказали назавтра собраться в Худжирбулане... На следующий день мы отправились в Худжирбулан» [4].

Сухэ-Батор немного знал русский язык, учился монгольской грамоте и математике. Обладая к тому же замечательными способностями к военному делу, он начал успешно овладевать военной тактикой и другими дисциплинами.

Те, кто учился тогда с Сухэ-Батором, восхищенно рассказывали о том, как он занимался кавалерийской ездой: «В Худжирбулане было много молодых монголов, но никто из них не мог сравниться с Сухэ-Батором». Он «стремительно проносился на коне, ловко соскакивал с него, на ходу резко наклонялся вперед и назад, и все это проделывал в мгновение ока...». «Подняв стремена, он вставал на спину лошади и так продолжал скакать, нанося удары шашкой направо и налево». «Никто не мог лучше Сухэ-Батора на полном скаку поднять лежащий на земле кусок серебра. Он делал стойку на руках, сохраняя равновесие на ходу. Сидя на крестце быстро мчащегося коня, он метко стрелял в любом направлении» [5].

Сухэ-Батор блестяще выполнял все спортивные упражнения, которые полагалось проделывать по программе военной школы. Гибкий и подвижный, он получил среди цириков прозвище «гоймон-батор» — «ловкий богатырь». Так его называли многие. Особенно хорошо получались у него упражнения на брусьях, кольцах и коне, которые были совершенно новым видом занятий

для монгольских цириков. Очевидцы вспоминают: «Когда Сухэ-Батор делал упражнения на брусьях или кольцах, трудно было понять, где у него ноги, а где голова. Однажды в военной школе устроили соревнования по прыжкам через деревянного коня с участием русских и монголов. На коня клали папаху и деньги, прыгающий должен был успеть на лету схватить их. К концу соревнований из монголов остался один Сухэ-Батор, а из русских — трое солдат. Последние четыре прыжка Сухэ-Батор совершил с легкостью, а его соперники лишь бессильно покачали головами и поздравили Сухэ-Батора»[6]. Проявляя недюжинные способности, Сухэ-Батор добросовестно и аккуратно относился к занятиям в школе. Он служил примером для всех монгольских цириков.

Прошло около года. Сухэ-Батор закончил военную школу. За успехи ему был пожалован белый шарик 5-й степени и павлинье перо на шапку[7]. Всего школу закончило около 40 человек. Пятеро лучших, в их числе Сухэ-Батор, были назначены младшими командирами. Сухэ-Батор стал командиром пулеметной роты.

В это время правительство Монголии предпринимало меры по перевооружению армии. Луки и стрелы, сабли, пики, секиры, кремневые ружья и другое средневековое оружие, оставшееся со времен маньчжурского господства, заменялось купленными в России винтовками, пулеметами, пушками и другой современной техникой. Сухэ-Батору, таким образом, представилась возможность получить хорошую военную подготовку и овладеть современным оружием.

Он понимал, что без сильной регулярной армии Монголия не сможет отстоять свою национальную независимость. Сухэ-Батор прилагал все усилия к тому, чтобы его подчиненные получали больше знаний, овладевали оружием, техникой. 3 июня 1915 года правительство Монголии наградило Сухэ-Батора и нескольких других командиров, успешно обучавших солдат воинскому делу, шариком 4-й степени. В указе правительства говорилось, что «подданный хошуна бэйсе[8] Доржжава Батор[9] не только в совершенстве овладел оружием, пешим и конным строем, но и хорошо обучил большое число цириков. За безупречную службу, постоянное усердие и рвение он заслуживает поощрения и награждается шариком 4-й степени»[10].

Примерно в 1910 году Сухэ-Батор познакомился с девушкой по имени Янжима[11], дочерью Нэмэнда. Семья Нэмэнда жила в Маймачене. Зажиточные родственники Янжимы недоброжелательно косились на бедного цирика. Родители девушки были против брака. Но Янжима была непреклонна и соединила свою судьбу с Сухэ-Батором. В 1911 году у них родился сын Галсан[12]. В 1913 году Сухэ-Батор и Янжима поселились в Худжирбулане. Янжима доила коров, которых держали русские инструкторы и командиры, стараясь хоть чем-нибудь помочь мужу. Янжима и Сухэ-Батор вместе переживали тяготы бедняцкой жизни, вместе страдали под гнетом князей, лам и иностранных захватчиков. Вместе с Сухэ-Батором Янжима пришла в революцию, в партию.

Сухэ-Батор прослужил в армии девять лет. Он принимал активное участие в охране границы на востоке и юго-востоке страны. В те годы монгольским пограничникам много беспокойства причиняли китайские солдаты и всякого рода банды, грабившие население пограничных районов Монголии. В 1917 году, когда отряд под командованием Хатанбатора Максаржава[13] был послан из Урги к восточной границе, в его составе находился командир пулеметной роты Сухэ-Батор. Воинская часть расположилась в безлюдной местности в районе реки Халхин-Гол. Однажды несколько цириков под командой Сухэ-Батора по приказу Хатанбатора Максаржава отправились в разведку и захватили в плен нескольких грабителей вместе с их главарем. После этого 46 цириков во главе с Сухэ-Батором четверо суток прочесывали всю округу в поисках оставшихся бандитов. По пути они собирали награбленный и угнанный бандитами скот. Неожиданно их отряд попал в окружение. Сухэ-Батор и его солдаты вступили в бой. В этом бою были убиты русский инструктор и несколько монгольских цириков.

Обращаясь к бойцам, Сухэ-Батор сказал: «Сейчас темнеет, а ночью винтовки нам не помогут. Надо выходить из окружения и пробиться в степь. Другого выхода нет». Для маскировки цирики легли на седла и стали пробираться между овцами к краю стада, а затем внезапным броском вышли из окружения. Потери были небольшими. Продвигаясь дальше, отряд достиг горы Дархан-уул, где вновь столкнулся с противником. Разделив роту на две группы, Сухэ-Батор атаковал с обоих флангов.

Враг был уничтожен. Позже Хатанбатор Максаржав вспоминал: «Сухэ-Батор был командиром пулеметной роты, которая в числе других войск была направлена из Урги к восточной границе. Много раз участвуя в стычках с противником, с разного рода грабителями, он умело командовал подчиненными ему цириками, сам ходил в разведку и нес караульную службу. Главарь бандитов, так называемый министр Даржа, у которого было больше тысячи всадников-чахар, действовал в районе монастыря Жанжин-Овоо в Барге и Хандагайта. Цирики под командованием Сухэ-Батора при поддержке пулеметов разбили части чахар, взяли в плен одного из командиров, гуна[14] Самбу, и захватили много оружия и лошадей. Наш товарищ Сухэ-Батор выполнил поставленные задачи, но из-за неприязни к нему со стороны высшего начальства о его заслугах умолчали. Тем не менее впоследствии военное министерство разобралось в истинном положении вещей. Заслуги Сухэ-Батора и его товарищей, которые в ожесточенных схватках разбили бандитов и захватили их главарей, были оценены...»[15].

Умелые действия Сухэ-Батора по охране границ, в борьбе за установление порядка на востоке страны, образцовое выполнение боевых заданий были отмечены правительством Монголии. В правительственном указе от 9 декабря 1917 года о награждении Сухэ-Батора и ряда других военнослужащих говорилось: «Отмечая многократное участие и героизм в боях с противником на границах нашей страны... беззаветное и целеустремленное исполнение долга и усилия, приложенные к изгнанию врага и очищению нашей священной земли... наградить... Сухэ-Батора шариком 3-й степени»[16].

Доблесть и героизм, проявленные Сухэ-Батором в борьбе за сохранение территориальной целостности родины, снискали Сухэ-Батору славу национального героя — батора.

Борьба против несправедливостей в армии

Сухэ-Батор, находясь на военной службе, близко познакомился с цириками, собравшимися в армию со всех уголков Монголии. Они рассказывали друг другу о своей прежней жизни, о тяжелом положении аратов в род-

ных местах, об их борьбе за свои права. Сухэ-Батор видел, что положение трудящихся повсюду остается крайне тяжелым и что чаяния и стремления всего народа едины. Жизнь самих цириков тоже была нелегкой. Жилье и питание были плохими, казенное обмундирование не выдавалось, и солдатам приходилось донашивать то, в чем они приехали в армию из дому. Оторванные от дома, от родных мест, цирики ходили в рваной, заплатанной одежде, голодали, ютились в ветхих казармах. Поэтому очень часто, с разрешения начальства или самовольно, они уходили в город, бродили по юртам, выполняя любую подвернувшуюся работу: кололи дрова, убирали мусор, таскали грузы, — лишь бы получить чашку чаю, немного денег, переночевать в теплой юрте, залатать рваный дэли, высушить промокшие худые сапоги.

Сухэ-Батор, который всегда находился в солдатской среде, видел все это, сам испытывал тяготы военной жизни, делил с цириками все их невзгоды.

Люди, знавшие в то время Сухэ-Батора, вспоминают: «Он всегда был жизнерадостен и бодр... На первый взгляд он мог показаться суровым, но в действительности это был приветливый, общительный человек... Своим обаянием Сухэ-Батор умел привлечь к себе окружающих... Он говорил всегда прямо и откровенно. Был хорошим, надежным другом». «...Сухэ-Батор радушно встречал всякого, кто приходил в его дом. На службе бывал строгим, сам не терял попусту ни минуты и того же требовал от окружающих... В часы отдыха веселился, как ребенок... никого не обижал». «Простой, умный... Сухэ-Батор испытывал чувство глубокой привязанности к родителям, с почтительностью и уважением относился к старшим, был верным в дружбе, доброжелательным по отношению к окружающим, никогда не заискивал перед вышестоящими, не завидовал равным себе, не унижал тех, кто был ему подчинен. Он был честен и справедлив... Всегда стремился к знаниям, любил учиться, особенно военному делу» [17].

Много сил отдавал Сухэ-Батор обучению цириков. Для них он был не только командиром, но и наставником. Недаром они уважительно называли его «батор багш» — «герой-учитель».

Став командиром, Сухэ-Батор не отрывался от простых цириков, он стал еще ближе своим подчиненным,

оказывая им помощь и поддержку. Жена одного из сослуживцев Сухэ-Батора пишет в своих воспоминаниях: «Мой муж... служил в Худжирбулане, где находился и Сухэ-Батор. Мы жили в холодном и пустом помещении, а у меня был грудной ребенок. Об этом узнал Сухэ-Батор. Как-то раз мой муж Цаган прибежал домой обрадованный и сказал: „Гоймон-батор получил у инструктора разрешение поселить нас у себя". Так мы больше трех месяцев прожили у Сухэ-Батора, как одна семья...»

«Мой муж тяжело заболел, — продолжает она, — и пролежал в постели больше месяца. Тогда Сухэ-Батор сам написал рапорт, повел меня с детьми к инструктору Васильеву и рассказал ему, что мой муж серьезно болен, а у меня маленький ребенок. „Их семье приходится здесь очень трудно, — сказал Сухэ-Батор, — нельзя ли освободить Цагана от воинской службы?" Разрешение было получено... Сухэ-Батор уложил мужа на повозку, служившую для доставки провианта цирикам, дал нам муки из своих припасов и отправил нас в Ургу» [18].

Гуманное отношение к людям, готовность помочь им в беде — эти качества резко отличали Сухэ-Батора от остальных командиров. Внимательность к солдатам, к тяготам их жизни снискала ему глубокое уважение среди цириков. Сухэ-Батор терпеть не мог подхалимства, заискивания перед высшими чинами. Видя несправедливость, он решительно восставал против нее. Его сослуживец П. Тогтох [19] рассказывает: «Однажды ночью, когда мы уже спали, за нами приехал рассыльный от начальника гарнизона. Начальник — его звали Дамдин — был пьян. Он собрал у себя командиров аймачных полков и приказал приготовить шахай — орудие наказания и пыток.

— Кто вам позволил жениться и поставить юрты в гарнизоне? — спросил он.

— Командир аймачного полка Жамсран, — отвечал Сухэ-Батор.

— Вы показываете плохой пример цирикам. Сегодня же ночью будем вас судить и отправим в военное министерство, — разбушевался Дамдин.

Я порядком оробел, а Сухэ-Батор спокойно поднялся с колен, отряхнул дэли и сказал:

— Я не собираюсь отвечать на вопросы пьяного начальника. Мне дал разрешение командир полка, и я дей-

ствовал по закону. А если мы плохо влияем на цириков, то какой пример показываете им вы?»[20].

Сухэ-Батор в конце концов добился справедливости, и начальник гарнизона Дамдин за самодурство и произвол был оштрафован на 25 лан.

Военное начальство смотрело на цириков свысока, относилось к ним хуже, чем к скоту. Оскорбления и побои были обычным явлением. Среди инструкторов, приглашенных из России, тоже было несколько грубых и жестоких офицеров, с которыми у Сухэ-Батора происходили столкновения.

М. Ярин[21], служивший тогда в Худжирбулане, вспоминает: «Среди военных инструкторов был один очень грубый и неприятный человек, которого наши солдаты прозвали „шойв“[22]. Как-то раз он ударил прикладом Нанзада из хошуна Дайчина. Нанзад упал. Вокруг него столпились цирики, один из них бросился к лежащему без сознания товарищу, приподнял его с земли, положил себе на колени и отер ему кровь. „Военный, — сказал он гневно, — должен погибать на войне. А нас здесь бьют, как бешеных собак“. Человеком, вступившимся за Нанзада, был Сухэ-Батор. Этот случай получил широкую огласку, и инструктора посадили на пять суток под арест. Мы видели, что Сухэ-Батор — хороший товарищ, который может помочь нам и постоять за нас»[23].

Решимость и смелость, с которыми Сухэ-Батор выступал против самодурства монгольского начальства в защиту цириков, еще более сблизили его с солдатами. Авторитет Сухэ-Батора в армии неуклонно рос.

Однажды во время учебной стрельбы из берданок начальство решило, что допущен перерасход патронов. На солдат обрушились с бранью, а некоторых стали избивать кнутами. Один из командиров, бурят Миндаев, ударил солдата саблей. Ударил плашмя, но так сильно, что разрубил ему лопатку. Сухэ-Батор и другие цирики возмущенно запротестовали. Сухэ-Батора арестовали как зачинщика волнений и должны были подвергнуть наказанию бандзами[24]. Но солдаты зашумели: «Если будут наказывать Сухэ-Батора, пусть наказывают всех нас». Цирики, занимавшиеся поблизости строевой подготовкой, бросили занятия и сбежались с криками: «Пусть нас всех наказывают!» Перепуганный инструктор вынужден был освободить Сухэ-Батора. Эта вспышка возмущения была

проявлением растущего в армии недовольства, которое переходило в открытое сопротивление творившемуся беззаконию.

В этот период в стране обострилась борьба между двумя основными классами монгольского общества — аратством и феодалами. Участились случаи народных волнений. Развертывалось движение аратов во главе с Аюши, выступления аратов происходили в хошунах вана Тудэна и Доржпалама Цецен-ханского аймака, в хошуне вана Цэрэнбавай Тушетуханского аймака.

Антифеодальная борьба монгольского народа захватила и армию. Дело дошло до открытого сопротивления солдат реакционному начальству. В армии происходили многочисленные групповые выступления цириков. Так, в 1912 году против командования поднялась группа солдат во главе с Дамча из хошуна Дайчин-бэйсе, в июне 1913 года солдаты в Худжирбулане вступили в конфликт с известным своей жестокостью русским инструктором, арестовали и избили его. В 1914 году в Урге солдаты Тушетуханского аймака потребовали немедленно обеспечить их провиантом и устроили демонстрацию под лозунгом «Обязательно сбросим тайджиев» [25]. В том же году начались волнения среди солдат в Цаган-Тунхэле. Захватив оружие, они разъехались по домам. Одной из широко распространившихся в армии форм борьбы стало дезертирство, уклонение от военной службы. Только за восемь месяцев 1913 года из Худжирбулана дезертировало более ста солдат. Министр-наместник Западного края писал управителям Засактуханского и Сайнноенханского аймаков: «Солдаты из Засактуханского и Сайнноенханского аймаков дошли до невиданных мерзостей — они лгут, ропщут, покушаются на своих командиров, не выполняют приказов и никому не повинуются, позорят честь государства, избивают людей, занимаются грабежами и разбегаются» [26].

Одним из проявлений недовольства и возмущений в армии было восстание 1914 года в Худжирбуланском гарнизоне под руководством Сухэ-Батора [27].

В конце июня 1914 года в Худжирбулан привезли мясо, которое оказалось хуже обычного. Солдаты потребовали прислать им хорошего мяса. Однако свежее мясо в тот день они так и не получили. Среди солдат начались разговоры: «Нас хотят проучить, потому и не дают мя-

са». Лишь на следующий день около полудня в лагерь прибыли две телеги с мясом.

Сухэ-Батор был в тот день дежурным по лагерю. Солдаты тут же сбежались к телегам, но привезенное мясо оказалось протухшим. Это вызвало в гарнизоне взрыв возмущения. Поднялся шум, солдаты набросились на возчика и едва не убили его. Один цирик из роты Сухэ-Батора опрокинул телегу с мясом. Сухэ-Батор достал керосин, и протухшее мясо подожгли. Обо всем случившемся стало немедленно известно командирам полков и начальнику гарнизона.

Испуганный начальник попытался успокоить солдат и восстановить порядок. Но солдаты решили идти с протестом прямо в военное министерство в Ургу. Сухэ-Батор, используя свое положение дежурного, распорядился не оставлять в лагере никого. По пути в Ургу к ним присоединились другие солдаты Худжирбуланского гарнизона. В конечном счете в столицу шло в колонне около тысячи человек. Командиры аймачных полков попытались было уладить дело, обещая во всем разобраться. Когда уговоры не помогли, они с плетями и шашками в руках попробовали преградить дорогу солдатам, но тщетно. Преисполненные решимости солдаты продолжали шагать вперед. Начальник гарнизона, опередив колонну, примчался в военное министерство. Там он переговорил с начальством и выехал навстречу солдатам. «Цирики, остановитесь, пожалуйста! — теперь уже просил он. — Из военного министерства приедет специальный чиновник, вас хорошо накормят, возвращайтесь!» Солдаты неохотно повернули обратно. Когда они вернулись в казармы, их действительно накормили хорошим мясом, взятым с русского военного склада.

Возмущение цириков, их сопротивление несправедливостям и беззаконию ярко проявились и во время суда над участниками этой демонстрации. Для наказания шестерых солдат, признанных главными зачинщиками и смутьянами, в Худжирбулан приехал чиновник военного министерства. Виновных должны были наказывать на специально сооруженном по этому случаю помосте, вокруг которого разместили остальных солдат. «Как только арестованных поднимут на помост и начнут наказывать бандзами, — предупредил Сухэ-Батор собравшихся солдат, — надо по сигналу всем сразу вскочить и в сума-

тохе утащить бандзы». Экзекуция началась. По условному знаку Сухэ-Батора солдаты бросились к помосту. Он зашатался и рухнул. Представитель военного министерства оказался на земле. Его шапка с павлиньим пером валялась в пыли, волосы растрепались. Дрожащий от страха, весь в грязи, он вскочил и испуганно закричал: «Солдаты, остановитесь! Мы во всем разберемся. Теперь вас будут нормально кормить, и жить вам станет лучше! Только чтобы впредь такого не было!» Наказание солдат отменили. Таким образом, восстание увенчалось успехом, общими силами солдаты спасли своих товарищей от расправы.

Феодальная знать Урги ненавидела солдат, презрительно называя их «бандитами из Худжирбулана».

В то время солдаты еще не осознали полностью, что тяжелые условия их жизни прямо связаны с феодальным строем всего общества. Однако они постепенно начинали понимать, какое значение имеет коллективная борьба за выполнение их требований.

Выступления в армии за элементарные человеческие права являлись составной частью борьбы монгольского народа против феодального гнета.

Неоднократное участие Сухэ-Батора в солдатских волнениях знаменовало начало его борьбы за освобождение трудящихся.

[1] В. И. Ленин, Пробуждение Азии, — Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 146.

[2] Лан — мера веса, равная 37 граммам.

[3] Цэн — мера веса, равная приблизительно 4 граммам.

[4] «Воспоминания и рассказы о Сухэ-Баторе», Улан-Батор, 1945, стр. 46 *(на монг. яз.)*.

[5] Там же, стр. 45, 54, 97.

[6] Там же, стр. 249.

[7] ЦИА МНР, ф. Д. Сухэ-Батора, разд. I.

[8] Бэйсе — княжеский титул.

[9] На военной службе Сухэ-Батора обычно называли Гоймон-Батор, но в некоторых документах он значится как Батор.

[10] ЦИА МНР, ф. Д. Сухэ-Батора, разд. I.

[11] Нэмэндийн Янжима (1894—1962) — видная партийная, государственная и общественная деятельница МНР. В 1922 г. вступила в МНРП. С 1924 г. в течение долгого времени работала заведующей женотделом при ЦК МНРП. В 1927—1930 гг. училась в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве. С 1924 по 1926 и с 1940 по 1947 г. являлась членом Президиума

ЦК МНРП. В 1941—1947 гг. — секретарь ЦК МНРП, в 1928—1949 гг. была заместителем председателя Президиума Малого Хурала МНР.

[12] Сын Сухэ-Батора Галсан в настоящее время полковник Монгольской Народно-Революционной армии.

[13] Хатанбатор Максаржав (1877—1927) —выдающийся участник борьбы за национальное освобождение Монголии, за изгнание белогвардейцев с монгольской земли. С 1924 по 1927 г. — военный министр МНР.

[14] Гун — княжеский титул.

[15] «Ардын цэрэг», 1925, № 3.

[16] ЦИА МНР, ф. Д. Сухэ-Батора, разд. I.

[17] «Воспоминания и рассказы о Сухэ-Баторе», стр. 14, 22, 23, 24, 55, 96.

[18] Там же.

[19] Пунцагийн Тогтох (род. в 1889 г.) в 1911 г. вместе с Сухэ-Батором служил в армии Автономной Монголии в Худжирбулане. В 1921 г. был партизаном. После революции долгое время находился на ответственной работе в армии, государственных и общественных организациях.

[20] Рукописный фонд Института истории АН МНР, папка Д. Сухэ-Батора (Из воспоминаний).

[21] Мятавын Ярин (род. 1884 г.) в период автономии Монголии служил в Худжирбуланском гарнизоне вместе с Сухэ-Батором. Получил титул «батор» — «герой». Партизан 1921 г.

[22] Шойв — вероятно, искаженное «шайтан» *(Прим. пер.)*.

[23] «Воспоминания и рассказы о Д. Сухэ-Баторе», стр. 96—98.

[24] Бандзы — деревянные колодки, надеваемые на шею.

[25] Гомбо, Положение армии в Автономной Монголии (1911—1919), Улан-Батор, 1958, стр. 14 *(на монг. яз.)*.

[26] Там же.

[27] Там же.

Глава третья

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУХЭ-БАТОРА

Влияние Октябрьской социалистической революции на Монголию Создание революционных кружков в Урге

7 ноября 1917 года в России победила социалистическая революция. Это событие знаменовало собой великий исторический поворот, начало новой эры в истории человечества — эры перехода от капитализма к социализму. Революционизирующее влияние Октября сказалось на всем мире. Громовые раскаты Октябрьской революции прокатились и по степям Монголии. Перед отсталыми странами, находившимися на докапиталистических стадиях развития, открылась историческая возможность перехода к социализму.

Начался, по выражению Ленина, период «триумфального шествия» Октябрьской революции, Советской власти по всей России. Установление Советской власти в пограничных с Монголией районах России еще более способствовало проникновению революционных идей в Монголию. В январе 1918 года Советская власть была провозглашена в Иркутске, в феврале — в Верхнеудинске, Чите, Троицкосавске.

В марте 1918 года народный комиссар иностранных дел Советской России Г. В. Чичерин направил монгольскому правительству ноту, в которой сообщалось о смещении дипломатических представителей царского правительства в Монголии и о назначении Советским правительством новых представителей. Однако богдогегеновская верхушка, вступив в сговор с царским консулом в Урге Орловым, заявила о том, что она не признает представителя Советского государства, и распорядилась не

пропускать его через монгольскую границу. Реакционные правители Монголии смертельно боялись проникновения идей Октябрьской революции в свою страну и предпринимали отчаянные попытки преградить им дорогу. Но влияние революционных идей невозможно было остановить полицейскими кордонами, оно неудержимо распространялось по просторам монгольской земли. В 1917 году вспыхнула борьба тувинского народа против царизма, реакционных князей и феодалов. События в соседней Туве произвели глубокое впечатление на жителей Северо-Западной Монголии [1].

В 1918 году вести об Октябрьской революции достигли Западной Монголии [2]. Разными путями правда о событиях в России распространялась в северных, пограничных с Россией областях Монголии и в центре страны. Через восточную границу известия о победе российской революции проникли в Восточную Монголию [3].

Жители Урги были свидетелями того, как большинство русских, живших в городе, с радостью восприняли сообщения о великом историческом событии, совершившемся у них на родине. В январе 1918 года около здания русского консульства собралось несколько сот русских, которые приветствовали установление новой власти в России и заявили о своем неподчинении царскому консулу и другим представителям старого режима. Прогрессивно настроенные русские были и среди инструкторов в Худжирбулане, где проходил военную службу Сухэ-Батор.

В июне 1918 года один из воинских начальников в Худжирбулане писал в военное министерство: «Довожу до вашего сведения, что среди военных инструкторов у нас в Худжирбулане есть, кажется, люди, вступившие в новую партию. Двое таких находятся в одном из полков, и есть опасность, что они могут совершить враждебные действия» [4]. Действительно, в числе русских инструкторов и военнослужащих в Худжирбуланском гарнизоне были честные, прогрессивные люди, такие, как Лопатин, Толбухин [5] и др.

От них монгольские цирики слышали о свержении царизма и победе Октябрьской революции в России [6]. Интересен такой эпизод. Однажды Лопатин поссорился с пьяным офицером Симоновым, который был известен своими реакционными взглядами. Скрываясь от разъя-

ренного Симонова, Лопатин поскакал в Ургу. Симонов порывался догнать его, но дежуривший в то время Сухэ-Батор категорически отказался дать коня пьяному самодуру.

С 1918 года правительство Автономной Монголии начало набирать грамотных и способных людей для работы в государственной типографии. Военное министерство послало туда и Сухэ-Батора на временную работу в качестве наборщика. Типография помещалась в двухэтажном деревянном доме на берегу реки Сельбы [7].

Работавший в типографии Ээндэн [8] пишет: «В 1918 году военное министерство назначило Сухэ-Батора в типографию, где он стал наборщиком. Сухэ-Батор был высоким, стройным и крепким молодым человеком. Он был ловок и проворен в работе, весел и дружелюбен... Здесь мы проработали вместе с Сухэ-Батором больше года» [9].

Чем же объясняется, что военное министерство Автономной Монголии послало в типографию командира пулеметной роты, такой важной боевой единицы монгольской армии? Причина этого перемещения была, видимо, двоякая. С одной стороны, возможно, что О. Жамъян, отвечавший за работу типографии, подыскивая грамотных людей, предложил военному министерству кандидатуру своего ученика Сухэ-Батора. С другой стороны, военные власти, с подозрением относившиеся к Сухэ-Батору, который был известен как зачинщик волнений в солдатской массе, возможно, решили воспользоваться удобным поводом, чтобы избавиться от опасного человека в армии.

Работа в типографии дала Сухэ-Батору возможность достаточно хорошо познакомиться с международным и внутренним положением страны, с политикой автономного правительства.

После свержения русского самодержавия китайское правительство, пользуясь сложившейся ситуацией, активизировало свои происки, направленные на ликвидацию автономии Монголии и полное подчинение страны своему господству.

Реакционные китайские политиканы, боявшиеся влияния Октябрьской революции и борьбы монгольского народа, через китайского сановника в Урге Чэн И начали переговоры, стремясь навязать монгольским феодалам во главе с богдо-гегеном документ из 64 пунктов под на-

званием «Об уважении Внешней Монголии правительством Китая и улучшении ее положения в будущем после самоликвидации автономии», принятие которого означало бы измену национальным интересам монгольского народа и уничтожение автономии Монголии. Таким образом, в середине 1918 года возникла прямая угроза автономному статусу Монголии. Однако прогрессивные круги, сторонники национальной независимости, были настроены против ликвидации автономии. Они хорошо понимали, какую опасность для будущего монгольского народа представляет банкротство правителей Автономной Монголии и активизация китайских милитаристов. Патриотически настроенные люди начинали сплачиваться, искать единомышленников. Как говорится в документах того времени, «к концу 1918 года, видя непрочность государственной власти и страдания масс» [10], они начали готовиться к развертыванию революционной работы.

Люди, озабоченные судьбами родины, своего народа, стремившиеся к активным действиям, встречались друг с другом, обсуждали создавшееся положение: «Давление гаминов (китайских милитаристов.— *Прим. пер.*) усиливается. Если никто не окажет им сопротивления, то все мы будем поглощены Китаем. Неужели нет таких, кто искал бы выход?» [11].

В эти суровые дни, когда страна, весь народ оказались перед лицом грозной опасности, группа патриотов, преисполненных решимости защищать независимость родины, бороться против чужеземных захватчиков, объединилась и создала в центре Урги — Хурэ (отсюда название зунхурэнский) — кружок. В зунхурэнский кружок вошли военнослужащий Худжирбуланского гарнизона Сухэ-Батор, чиновник таможенного ведомства Данзан [12], чиновники военного министерства Д. Догсом [13] и М. Дугаржав [14], начальник оружейного склада Дэндэв, а также Галсан, Тогтох, Цэнд и Даш.

Понимая, что «всякое дело легче обдумывать, чем осуществить», эти люди тем не менее «слили воедино свои помыслы и силы и, преодолевая трудности и страх, проявляя бдительность и осторожность» [15], объединились в революционный кружок.

Другой кружок возник на восточной окраине Урги — в районе так называемого Консульского поселка. «В 1918—1919 годах по европейскому летосчислению, в

8—9 годах по монгольскому летосчислению, произошло объединение группы людей, еще точно не знавших, что именно делать, но постоянно болевших душою за монгольское государство»[16]. Этот кружок объединил более десяти человек. Среди них — Х. Чойбалсан[17], который ранее учился в Иркутске, а затем был срочно отозван богдогегеновским правительством, опасавшимся влияния идей русской революции на монголов, корреспондент газеты «Нийслэл хурээний сонин бичиг», преподаватель монгольского языка в школе при русском консульстве лама Д. Бодо[18]; лама Д. Досол[19], который в 1908—1910 годах побывал в Шанхае, Пекине, а также в России, а в период автономии Монголии был ламой в армии; состоятельный лама Чагдаржав, бывавший в России и других европейских странах и занимавшийся торговыми делами; мелкие чиновники Автономной Монголии Жигмиддорж, О. Жамъян, Алтангэрэл, Баву и др.

Вначале между двумя кружками в Урге не было никаких связей, они действовали самостоятельно. На собраниях кружковцев критически обсуждалось политическое положение в стране.

Вот как, например, рассказывается об одном из заседаний зунхурэнского кружка.

«Один из кружковцев, Дэндэв, сказал:

— Похоже на то, что близко время, когда придется лизать зад китайцам и убирать за ними нечистоты.

Ему вторил Догсом:

— Наши образованные министры и другие высшие чины не делают ничего существенного, чтобы избавить народ от страданий. Нам, бедным аратам, как червякам, остается только ждать смерти. На кого же надеяться?

— Обо всем этом, — заметил Дэндэв, — видимо, знают в России, которая обещала защитить нашу страну. Сообщили ли наши правители в Россию о бедственном положении Монголии? Этого мы не знаем. Благожелательно ли относится к связям с Россией богдо-геген? Да, очень странные дела творятся у нас...

— Все они, — продолжал Догсом, — начиная от китайских представителей и кончая богдо, действуют заодно.

Дэндэв выпрямился:

— Мы будем насмерть драться с китайцами. Тогда

они струсят, и у них ничего не выйдет. А сидеть сложа руки — напрасная трата времени...» [20].

В первое время кружки не были оформлены организационно, не имели четкой и конкретной программы действий. В социально-классовом отношении состав кружков был неоднороден, их участники по-разному понимали задачи борьбы. Кружковцам недоставало опыта борьбы, теоретических знаний. Один из кружковцев, Догсом, говорил: «Хотя нас объединяет клятва верности, хотя мы едины в помыслах и стремимся начать активные действия, тем не менее замыслов у нас много, а силы наши незначительны. Сколько ни стремись, всего не охватить...» [21].

На первых порах члены кружков еще не вполне уяснили себе, на кого следует опираться, как вести борьбу. Представители зунхурэнского кружка дважды посещали богдо-гегена, встречались с царским консулом Орловым. Они призывали их к отражению агрессии китайских милитаристов и обращению за помощью к России. Однако эти их попытки успеха не имели. Кружковцы начинали понимать, что на богдо-гегена и царского консула надежда плоха.

Сухэ-Батор и другие кружковцы стремились расширить состав кружков, привлекая в свои ряды новых людей. Они следили за происками китайских милитаристов, за изменениями в политике богдогегеновского правительства. Собираясь в назначенное время, кружковцы рассказывали друг другу о том, что удалось узнать.

Через некоторое время революционерам стало известно о существовании в Урге второго кружка, они познакомились с его членами и поняли, что у них одни и те же цели. По взаимному соглашению состоялась встреча членов обоих кружков. На этой встрече обсуждались вопросы о задачах, которые ставили перед собой кружки, и была достигнута договоренность об их объединении. «Не преследуя никаких личных выгод и целей, будучи преисполнены решимости избавить от страданий религию, нацию и народ и открыть путь к счастью и благоденствию, записали эти слова на шелку молоком, воскурили благовония и поклялись неотступно следовать намеченному» [22].

Кружковцы были решительно настроены бороться за национальную независимость и свободу своей родины

Однако в условиях общей социальной и культурной отсталости Монголии среди некоторой их части было весьма велико влияние религиозных и националистических взглядов. Свои взгляды они формулировали еще в таких выражениях, как «борьба с китайцами», «защита религии и нации». Однако вскоре они нашли надежных друзей и союзников и в короткий срок значительно выросли в идейном отношении.

В условиях, когда феодальная верхушка изменила делу защиты национальной независимости, создание Сухэ-Батором и его соратниками подпольных кружков имело важное значение для дальнейших судеб освободительной борьбы монгольского народа. Основанные ими кружки стали зародышем организации, которая правильно понимала требования и цели прогрессивной борьбы и ставила перед собой боевую задачу — руководить этой борьбой. Революционные кружки явились значительным шагом вперед по сравнению с прежними формами борьбы, имевшими место на протяжении всей истории монгольского народа. Это была сила, которую ожидало большое будущее.

Борьба против ликвидации независимости Монголии

Политика китайского наместника в Урге, направленная на то, чтобы добиться ликвидации автономии Монголии, терпела неудачу. Решив открыто использовать силу для достижения своей цели, китайский генерал Сюй Шу-чжэн[23] с войсками перешел границу Монголии и в ноябре 1919 года был уже в Урге. Сюй Шу-чжэн вступил в тайный сговор с премьер-министром Монголии Бадамдоржем и феодальной верхушкой о «добровольной» ликвидации автономии страны. До Сухэ-Батора и его сторонников дошли сведения о том, что Сюй Шу-чжэн и предатели-феодалы собираются ликвидировать автономию.

15 ноября 1919 года в помещении министерства внутренних дел было созвано заседание верхней и нижней палат для обсуждения вопроса о ликвидации автономии. Узнав об этом, Сухэ-Батор вместе с Догсомом и Дугаржавом пошли на заседание нижней палаты. Около зда-

ния, где заседала палата, толпился народ — все с нетерпением ждали, какое будет принято решение.

Когда члены нижней палаты собрались, в зал вошли заместитель министра внутренних дел лама Чин ван Дашдэндэв и бейсе Цогт Очир. Они сообщили, что Сюй Шу-чжэн потребовал от монголов добровольно отказаться от автономии и немедленно направить прошение о принятии в подданство Китая. В противном случае генерал угрожал, что богдо-геген, премьер-министр и другие деятели будут арестованы. Поэтому, сообщили Чин ван Дашдэндэв и Цогт Очир, верхняя палата, обсудив положение, вынуждена была «добровольно» согласиться с требованиями Сюй Шу-чжэна. Это решение должна одобрить и нижняя палата, заявили они. В помещении воцарилось молчание. Сухэ-Батор и Догсом, обменявшись мнениями, договорились выступить против постановления верхней палаты. Догсом встал и сказал: «С давних пор мы испытывали мучения и скорбь, будучи под гнетом, а потому нижняя палата ни в коем случае не может согласиться с вступлением в китайское подданство» [24].

Чин ван Дашдэндэв и Цогт Очир удалились, чтобы сообщить о положении дел членам верхней палаты. Возвратились они крайне недовольные. Недопустимо, заявили они, чтобы нижняя палата отвергала решение, принятое верхней палатой. Если возникает война, то меньшинству никак не одолеть большинства, а в будущем это навлечет на страну еще бо́льшие беды. Если же мы уступим гаминам, то чиновники и весь народ обретут права и благополучие. Поэтому, не принимая во внимание мнение нижней палаты, мы объявим о принятии решения. Тут с места поднялся Сухэ-Батор. В своей речи он разоблачил членов верхней палаты, предающих национальные интересы. Он сказал: «Цирики и араты давно подозревали, что правители Монголии, заботясь о своих корыстных интересах, с готовностью продадут наше государство китайцам. Говорят, что приходится подчиниться силе и неблагоприятным обстоятельствам. Но когда наша Монголия отделялась от Китая, у нас не хватало подготовленных цириков и оружия. Тем не менее мы бесстрашно изгнали китайских наместников, чиновников и войска, сумели отвоевать у гаминов свою родину. Всякий раз, когда на границе возникали военные столкновения, войск хватало, они героически сражались,

добивались победы и славы. А если сравнить те времена с нынешними, то ведь наша армия стала значительно сильнее и оружия у нас больше. Армия совсем не боится возможных боев, если потребуется дать отпор китайцам. Теперь же говорят, что если мы сдадимся китайцам, то это принесет нам больше прав и благополучия, чем раньше. Но кто же поверит тому, что мы, потеряв свою государственность, получим права от китайцев, которые были нашими врагами? Как же можно, созвав нижнюю палату, нас, простых аратов, провозглашать решения, не прислушиваясь к мнению народа?» [25].

Таким образом, Сухэ-Батор, используя трибуну нижней палаты, смело разоблачил предательство феодалов и потребовал организовать борьбу народных масс против китайских агрессоров. Членам верхней палаты нечего было сказать в ответ на речь Сухэ-Батора, и они покинули помещение.

Члены нижней палаты и множество людей, собравшихся на улице, громко протестовали против принятого решения.

17 ноября 1919 года министры и их заместители подписали составленный Сюй Шу-чжэном документ о добровольной ликвидации автономии Монголии. Это означало, что богдогегеновская верхушка ликвидировала автономию, добытую народом в борьбе. Правители богдогегеновской Монголии позорно предали интересы своей родины.

Пока ургинская типография действовала, Сухэ-Батор продолжал там работать. Однако вскоре ее закрыли. Лучших, наиболее активных служащих наградили. В их числе указом от 8 декабря 1919 года был награжден и Сухэ-Батор [26]. В указе говорилось: «Поощрить лам и аратов, проявивших усердие в печатании законов... и издании религиозных сочинений... наградить Сухэ-Батора из хошуна бэйсе Доржжава, имеющего шарик 3-й степени, следующим знаком отличия».

Между тем Сюй Шу-чжэн готовился к проведению в Урге унизительной церемонии, оскорблявшей лучшие чувства монгольского народа, его стремление к национальной независимости. Эту специальную церемонию генерал Сюй устроил 19 февраля 1920 года. Под видом вручения богдо-гегену награды китайского президента он решил организовать демонстрацию своего полновластия

и ликвидации автономии Монголии. В числе цириков, участвовавших в церемонии, был и Сухэ-Батор. Вооруженные китайские солдаты выстроились в две шеренги от самых ворот богдогегеновского дворца. Богдо-геген, а вслед за ним высшие чиновники и ламы приблизились к портрету китайского президента, трижды поклонились ему. После каждых девяти поклонов раздавались три пушечных выстрела.

Чувство нестерпимой обиды и горечи охватило Сухэ-Батора и других кружковцев при виде происходящего. Как говорится в воспоминаниях очевидцев, у них в то время «сердце разрывалось, словно от прикосновения этих грязных разбойников».

У ворот дворца богдо-гегена были развешаны китайские пятицветные флаги. Собравшиеся у дворца араты и ламы срывали их, ломали и выбрасывали древки. Это было выражением всеобщего возмущения. Как вспоминали кружковцы, «даже богдо-геген помрачнел, когда монгольские солдаты остались за пределами дворца, а китайские — вступили на его территорию» [27].

Жители Урги «увидели, что вновь попали в кулак к китайцам. Об этом повсюду шли разговоры. Никто не поднимал головы, все ходили понурившись. Можно было видеть, как возле главного ургинского монастыря горестно причитают женщины, дети, старухи-монашки. У многих на глазах были слезы, слышались тяжкие вздохи» [28].

В сложившейся обстановке Сухэ-Батор и другие революционеры твердо решили: «Что бы ни было, мы будем работать ради осуществления нашего дела».

Всего за девять лет до этого Сухэ-Батор был на празднике провозглашения независимости Монголии, ее избавления от маньчжурского колониального гнета. И вот теперь он стал свидетелем того, как его родина вновь попала под власть Китая. Это порождало в нем чувство жгучей ненависти к захватчикам. Все свои силы, всю энергию он готов был отдать борьбе за освобождение своей родины от национального и социального гнета.

В конце февраля 1920 года печати всех пяти министерств автономного правительства были сданы в созданное Сюй Шу-чжэном так называемое «министерство по делам Внешней Монголии». Многие административ-

ные учреждения, существовавшие в период автономии, прекратили работу, а их служащие были распущены. Вскоре Сюй Шу-чжэн издал приказ о расформировании монгольской армии. В соответствии с этим приказом монгольские воинские части подлежали разоружению и роспуску. Сухэ-Батор и другие кружковцы, всего больше двадцати человек, собрались, чтобы обсудить положение. Разоружение армии означало, что все оружие оказалось бы в руках китайских милитаристов, а монголы оставались бы безоружными перед лицом врага. Участники собрания пришли к единому мнению, что в любом случае надо сопротивляться новой акции Сюй Шу-чжэна и добровольно оружия не сдавать.

Вечером Сухэ-Батор собрал большую группу младших командиров Худжирбуланского гарнизона. Он сказал: «Наши воинские части расформировывают, а цириков разоружают. Давайте подумаем, как сделать так, чтобы не сдавать оружие гаминам». Командиры во главе с Сухэ-Батором направились к начальнику Худжирбуланского гарнизона Галсан-мэйрэну и потребовали встречи с ним.

Галсан-мэйрэн вышел и спросил: «В чем дело?» Вперед выступил Сухэ-Батор: «Ходят слухи о том, что нас собираются разоружать. Мы не можем согласиться на это. Мы с боями доходили до Хух-хото, мы не бродячие собаки. Если мы больше не нужны, оставьте нам наше оружие. Поезжайте в военное министерство и скажите там об этом. Мы по семь-восемь лет учились владеть оружием и защищали с ним границу родины. Мы можем уничтожить жалкую кучку гаминов, которые находятся здесь, а потом пойдем к Дзамын-Удэ, и ни один китаец не сунется к нам через границу» [29].

Однако предательская верхушка, стоявшая у власти в Монголии, цепляясь за свои мелкие личные интересы, не хотела бороться за независимость нации и государства. Поэтому патриотические стремления цириков не только не получили поддержки, но и были резко отвергнуты.

Монгольская армия расформировалась, и Сухэ-Батор был демобилизован. Ему пришлось покинуть казарму, где он жил, и сдать все казенное обмундирование. Он переехал из Худжирбулана в Ургу, где поселился вместе с женой и детьми у своего родственника Увгунху в хороне Дархан Чин вана. Увгунху поставил еще одну

юрту и уступил ее семье Сухэ-Батора. Переезд Сухэ-Батора в Ургу способствовал дальнейшей активизации деятельности революционного кружка.

После разоружения армии Сухэ-Батор собрал в юрте Дэндэва больше двадцати кружковцев. Они думали о том, как достать оружие. Добыть оружие надо было любой ценой, поскольку оно могло понадобиться не только в будущем, но уже и сейчас — на случай самозащиты в период подпольной работы. Было решено прежде всего постараться достать из арсенала побольше винтовок и патронов, пока китайцы еще не успели отправить к себе все оружие, и спрятать их в потайном месте. Но когда и как это сделать? Поскольку Дэндэв временно отвечал за сохранность оружия в арсенале, ему поручили узнать, где хранится лучшее оружие. Однако задуманную операцию осуществить не удалось: китайские солдаты внезапно нагрянули в арсенал, забрали все документы на имеющееся оружие, а вокруг арсенала выставили охрану. Кружковцам пришлось искать другие пути вооружения. Они стали по дешевой цене скупать оружие у приезжавших из-за границы людей. Таким образом удалось собрать десяток гранат и достаточное количество револьверов. Все кружковцы получили личное оружие.

Члены кружка предпринимали попытки устранить китайских реакционных генералов, уничтоживших автономию Монголии, и некоторых феодалов-предателей. Однажды, тайно собрав своих друзей, Сухэ-Батор сказал: «Дело рискованное, но надо бы попробовать убить Сюй Шу-чжэна, а затем убрать Бадамдоржа и его приспешников, которые связались с гаминами». Все присутствовавшие согласились с этим.

Узнав о том, что Сюй Шу-чжэн собирается ехать в Кяхту, кружковцы решили организовать в пути внезапное покушение на генерала. Выполнение задания было поручено метким стрелкам — Дугаржаву и Догсому. Но как раз в это время на пороховом складе китайцев в Урге произошел сильнейший взрыв, вызвавший панику и сумятицу среди населения. Генерал Сюй счел это недоброй приметой и отказался от поездки.

Члены двух революционных кружков все ближе узнавали друг друга и с весны 1920 года начали действовать совместно. Это позволило значительно расширить масштабы подпольной революционной работы. Кружковцы вы-

пускали листовки, собирали сведения о вооружении и расположении китайских войск, об увеличении их численности, о политике лам и князей во главе с богдо-гегеном, о международном положении Монголии.

Однажды на собрании кружковцев Сухэ-Батор сказал: «Теперь мы хорошо знаем положение в лагере гаминовского отребья. Нельзя терять ни одного дня. Давайте составим и расклеим листовки, разоблачающие гаминов, поссорим наших верховных князей и лам с Сюй Шу-чжэном. Надо призвать народ к сопротивлению»[30]. Кружковцы полностью поддержали Сухэ-Батора, и работа закипела.

Листовка была написана и расклеена в многолюдных местах — на воротах бывшего министерства внутренних дел, на заборе штаба командующего китайскими войсками в Монголии, на хурдэ[31] в юго-западной части Урги.

Однажды ночью листовка появилась даже на воротах резиденции Сюй Шу-чжэна. В ней говорилось: «Доводим до вашего сведения, министр Сюй, что многие правители совсем забыли о науках и упорядочении государственных дел, кичатся своей знатностью и положением, угнетают честных и простых аратов, берут налоги сверх всякой меры, нарушают законы и забывают порядок. Они приближают к себе льстецов и гонят ученых, знающих людей... Они заботятся лишь о насыщении своей утробы и собственных наслаждениях. Все это нетерпимо в наше время...

Призываем всех честных аратов к борьбе за окончательную ликвидацию наследственной власти князей, за смену нынешнего безумного правительства, для установления выборной власти, которая ныне существует в других странах. Такая власть будет защищать интересы и права угнетенных аратов Монголии»[32].

Расклеиванием листовок руководил лично Сухэ-Батор, он сам участвовал в этой работе, причем проделывал это незаметно, так, что никто из часовых не видел его. Листовки читало много народу, их содержание передавалось из уст в уста, и они оказывали большое влияние на настроения масс.

Китайские чиновники и военные пытались схватить тех, кто занимался распространением листовок. При этом они использовали в качестве шпиков и соглядатаев некоторых монголов.

Сухэ-Батор и его соратники продолжали привлекать к себе активных помощников из аратской среды. Кружковцам, например, нужен был свой человек в тогдашнем ведомстве связи, чтобы через него узнавать о содержании секретной информации китайцев о внутреннем и внешнем положении страны и военные сведения, а в дальнейшем при возможности использовать его и для осуществления тайных связей.

В этих целях был привлечен к работе Бадарчин [33], который в период автономии служил на телеграфе. Бадарчин вспоминает: «В 1918 году я работал на телефонной станции в Дзамын-Удэ. В 1919 году Чойбалсан прислал мне письмо, в котором приглашал приехать на время или насовсем в Ургу. Я вернулся в Ургу. В юрте Жамъян-гуна я встретился с Чойбалсаном. Позднее видел и Сухэ-Батора... Дня через три-четыре мы еще раз встретились с Сухэ-Батором. Гамины,— сказал он,— все более свирепствуют. Хорошо бы узнать, что передается по телефону и телеграфу о положении китайских войск... Поскольку мы начали проводить партийную работу, тебе надо будет выполнить наше поручение. Я согласился. Иногда на службе мне приходилось исполнять обязанность курьера. Я приносил телеграфные сообщения в штаб Сы Лин-бу и кое-что слышал там из разговоров...»

Члены революционного кружка проделали значительную работу. Вместе с тем вначале они еще не могли полностью разобраться в международной ситуации и социально-экономической обстановке внутри страны. Недоставало опыта борьбы, силы кружковцев были немногочисленны. Однако в этот период они установили связи с надежными друзьями, оказавшими им помощь в сложной и трудной работе по руководству и организации борьбы за освобождение.

Установление связей с революционно настроенными русскими в Урге

В конце 1918— начале 1919 г., когда колчаковцы, поддерживаемые Соединенными Штатами Америки, Японией и другими империалистическими державами, захватили Сибирь, многие русские революционеры, спасаясь от террора белобандитов, оказались на территории Мон-

голии. Прогрессивно настроенные люди были и среди граждан русской колонии в Урге. Они создали там подпольный революционный комитет.

Среди них были, в частности, работавший в Урге кузнецом и заключенный в тюрьму за ведение революционной работы А. Л. Неволин, его брат В. Л. Неволин, один из руководителей русских революционеров в Монголии, В. Н. Чайванов, участник первой русской революции, бывший матрос Разин, один из руководителей подпольной революционной организации в Чите, большевик С. С. Сетянов, редактор русской типографии в Урге Ф. Парняков, председатель русского потребительского общества в Урге С. И. Попов, бухгалтер этого же общества И. Сороковиков, революционер А. М. Буйко, приехавший в 1918 г. из Читы, наборщик русской типографии в Консульском поселке Урги М. И. Кучеренко [34], телеграфист О. С. Маслаков, переводчик русского консульства В. Я. Кондаков, бухгалтер Я. В. Гембаржевский [35], П. И. Агафонов, бурятский врач С. Б. Цибиктаров.

Они сыграли большую роль в распространении идей Великой Октябрьской социалистической революции среди передовых людей Монголии.

Когда члены русского революционного комитета узнали о существовании подпольного кружка монгольских революционеров, М. И. Кучеренко и Я. В. Гембаржевскому было поручено установить связь с кружковцами. Они вступили в контакт сперва с членами кружка в Консульском поселке, а затем — с «городскими» кружковцами и завоевали их доверие.

Жена М. И. Кучеренко рассказывает: «Мой муж М. И. Кучеренко работал в Монголии в типографии. Иногда к нам тайком приходили люди. У нас бывал близкий друг мужа Гембаржевский, высокий и стройный Сухэ-Батор с каким-то грамотным монголом, говорившим по-русски» [36]. Следовательно, Сухэ-Батор был тесно связан с русскими революционерами.

Кучеренко и Гембаржевский знакомили кружковцев с международной обстановкой, рассказывали им о революции в России, о политике и задачах Советской власти. При встрече кружковцы откровенно говорили о своих трудностях, просили разъяснить непонятное, получали от русских друзей ценные советы. Как говорил сам Сухэ-

Батор, «от товарища Гембаржевского и его друзей мы впервые услышали о революционной ситуации в Советской России и стали надеяться на получение оттуда помощи и содействия нашему делу»[37].

Установление связей Сухэ-Батора и его соратников с русскими революционерами помогло кружковцам найти единственно верный путь к восстановлению независимости Монголии и освобождению трудящихся.

Освободительные идеи Октябрьской революции оказали сильнейшее влияние на передовую часть монгольского общества, явились мощным стимулом к развитию национально-освободительного движения в стране.

Русские революционеры и связанные с ними монголы начали важную работу по внесению сознательности и организованности в национально-освободительное движение трудящихся масс.

Сблизившись с русскими революционерами, Сухэ-Батор помогал им в работе. Встречаясь с одним из руководителей русских революционеров в Урге, Чайвановым, он подробно расспрашивал его о положении в России[38].

Революционно настроенная часть русской колонии в Урге оказывала материальную помощь партизанам и красноармейцам, боровшимся в Забайкалье с белогвардейцами. Когда однажды русские революционеры тайно взяли находившееся в ведении консульства оружие, вооружили и отправили в Забайкалье сорок человек, то Сухэ-Батор и его друзья дали им коней и сбрую[39].

Сухэ-Батор поддерживал тесный контакт с братьями Неволиными. В. Л. Неволин вспоминает: «Как-то вечером мой брат Александр Лукич Неволин пришел в сопровождении незнакомого молодого монгола. Он был одет в далембовый синий дэли. В его манере разговаривать, спокойно и рассудительно подходить к каждому вопросу и решать его чувствовались природный ум, проницательность, смелость. Александр Лукич назвал его Сухэ-Батором и познакомил нас. После этого Сухэ-Батор часто бывал у нас в доме и говорил с нами о революционной работе. В. Н. Чайванов и мой брат Иван Лукич во всех делах поддерживали тесную связь с Сухэ-Батором»[40].

В середине 1919 года, когда Красная Армия громила колчаковцев, Советское правительство решило еще раз

обратиться к монгольскому народу и правительству Монголии, подтверждая свою дружественную, интернационалистскую политику в отношении этой страны. 3 августа 1919 года правительство Советской России приняло специальное обращение к трудящимся Монголии и автономному правительству. Великий Ленин поручил передать текст обращения [41] в Монголию уполномоченному НКИД в Иркутске Б. З. Шумяцкому [42].

В конце 1919 года Б. Шумяцкий направил это обращение в Монголию, но правители-предатели пытались скрыть его от народа [43]. Однако вскоре голос Советской России дошел до монгольских революционеров. В обращении Советского правительства ясно говорилось, что русский народ совершил революцию, сверг власть угнетателей и установил рабоче-крестьянскую власть. Русско-китайский договор и соглашения от 1912 и 1915 годов, попиравшие права монгольского народа, аннулированы. Монголы, говорилось в обращении, должны решать свои дела сами, без опеки из Пекина и Петрограда. Истинным хозяином Монголии является народ. Всех, кто порабощает Монголию и эксплуатирует монголов, надо изгнать за пределы страны.

Все это вдохновляло монгольских революционеров на борьбу. Сухэ-Батор твердо верил, что народы России помогут монголам избавиться от колониального рабства. Поэтому он проявлял живейший интерес к тому, как идет борьба Красной Армии с колчаковцами. Он поручил своему хорошему другу, Б. Пунцагу [44], информировать кружковцев о положении на северной границе Монголии.

В связи с этим Б. Пунцаг вспоминал: «В это время в стране усилилась ненависть к гаминам и стремление уничтожить их. Кружковцы несколько раз собирались для обсуждения вопроса о том, как спасти государство и нацию. Как-то раз Сухэ-Батор сказал мне: „Некоторые наши товарищи думают сидеть дома и блаженствовать. Так дело не пойдет. Освобождение Монголии — дело наших рук. Тебе нужно будет поехать в Алтан-Булак и наблюдать за положением на севере. Разузнай, как идут бои Красной Армии с колчаковцами, и сообщи нам об этом. Если верх берут белые, напиши, что белая мука вздорожала. Если побеждают красные, пиши, что овес дорог, послать не можешь“. С этим заданием Сухэ-

Батор отправил меня в сторону Кяхты. Приехав в Алтан-Булак и узнав обстановку, я сообщил ему о победе Красной Армии — послал три телеграммы: „Овес дорогой“» [45].

После этого Сухэ-Батор и его друзья решили, что необходимо побывать в Советской России. В начале 1920 года Сухэ-Батор стал готовиться к поездке в Россию. В это время его отец Дамдин был тяжело болен. Сухэ-Батор рассказал больному отцу, что интересы общего дела требуют его поездки в дальние края. И Дамдин ответил сыну: «Болезнь настигла меня, и, верно, близка моя смерть. Все мы не вечны. Не тревожься, сынок, о том, что я, старик, болею. Хорошо, что ты стал образованным и решил теперь посвятить себя народному делу. Наверное, я уже не смогу оправиться от болезни. Поезжай, сын мой, куда стремишься. Если ты достигнешь своей цели и избавишь народ от бедствия, этим я буду вознагражден и живой и мертвый». С таким напутствием Сухэ-Батор отправился на север. Скрываясь от постороннего глаза, он лесами и долинами добрался до Кяхты. Однако, как он ни старался перейти границу, попасть в Советскую Россию ему не удалось — китайцы очень строго охраняли северную границу Монголии. Тем не менее он узнал много важного: русский народ, совершив революцию, освободился от эксплуатации и угнетения, а империалистическая интервенция, пытавшаяся задушить Октябрьскую революцию, потерпела полный крах.

Провал империалистической интервенции и разгром Красной Армией колчаковских банд, победа Советской власти в районах, прилегавших к северной границе Монголии, имели огромное значение для всего Дальнего Востока, в том числе и для Монголии. В. И. Ленин писал: «Я думаю, что то, что проделала Красная Армия, ее борьба и история победы будут иметь для всех народов Востока гигантское, всемирное значение. Она покажет народам Востока, что, как ни слабы эти народы, как ни кажется непобедимой мощь европейских угнетателей, применяющих в борьбе все чудеса техники и военного искусства, тем не менее революционная война, которую ведут угнетенные народы, если эта война сумеет пробудить действительно миллионы трудящихся и эксплуатируемых, эта революционная война таит в себе такие возможности, такие чудеса, что освобождение народов Востока является теперь вполне практически осущест-

вимым с точки зрения не только перспектив международной революции, но и с точки зрения непосредственного военного опыта, проделанного в Азии, в Сибири»[46].

В это время положение в Сибири и Забайкалье начало стабилизироваться, была создана Дальневосточная Республика. Возникли благоприятные условия для установления более тесных связей между революционерами России и Монголии. В целях развития контактов и для оказания помощи освободительному движению народов Дальнего Востока, в том числе монгольского народа, в марте 1920 года Сибирское бюро ЦК РКП(б) предложило создать специальную организацию — секцию восточных народов с местонахождением в Иркутске.

В апреле 1920 года революционный комитет русских граждан в Урге послал в Иркутск одного из своих членов, И. А. Сороковикова, поручив ему подробно проинформировать советские власти о положении в Монголии. Советские товарищи одобрили деятельность монгольских революционеров и поручили Сороковикову заверить их в полной и всесторонней поддержке со стороны Советской России[47].

В один из весенних дней 1920 года Кучеренко и Гембаржевский сообщили кружковцам, что в Ургу прибыл Сороковиков[48] для ознакомления с положением в стране. «Наше Советское государство, — сказали они, — ставит своей целью помогать и защищать малые угнетенные государства Востока. Повстречавшись с ним, вы обсудите ваши дела и сможете получить поддержку. Хорошо бы с этим делом поторопиться»[49].

Узнав об этом, Сухэ-Батор, Чойбалсан, Дугаржав, Жигмиддорж, Бодо собрались на квартире у Кучеренко для встречи с Сороковиковым. После взаимных приветствий Сухэ-Батор сказал Сороковикову: «Мы, монголы, народ скотоводческий. С давних пор мы кочуем по нашей земле, пасем скот. Восемь-девять лет наше государство было самостоятельным, но высшие ламы и князья злоупотребляли правами, превзошли всякую меру угнетения, и потому возникли условия для совершения дурных, вредных дел. Они не смогли укрепить государство, а теперь продали нашу автономию Китаю. Земля, люди, имущество — все попало в руки китайцев, и мы испытываем муки и страдания. В народе зреет не-

нависть, мы хотим свободы. Чтобы избавить народные массы от страданий и добиться осуществления их чаяний, мы начали партийную работу и накопили довольно много сил. Но агрессивные и алчные китайцы оказывают на народ сильное давление, у них много войск. Хотя мы всей душой стремимся к свободе, сопротивлению, нас удерживает сознание того, что малой силой трудно одолеть большую силу. Раньше мы слышали от товарища Гембаржевского о революционных событиях в вашей стране. Надеемся, что вы укажете нам путь и поможете в осуществлении нашего дела.

Наша партия высоко ценит ваш приезд к нам. Мы желаем всяческих успехов Советскому государству и его руководителю — партии большевиков. Кроме того, мы хотели бы услышать от вас, уважаемый товарищ, советы и для этого собрали здесь несколько человек, которые представляют всех членов нашей партии (имеются в виду революционные кружки. — *Авт.*) Расскажите нам о положении дел и дайте нам советы...» [50].

Сороковиков поблагодарил Сухэ-Батора за теплые слова и дружески сказал: «Я приехал, чтобы рассказать вам об обстановке в нашей стране и, с другой стороны, чтобы познакомиться с ситуацией в Монголии. У нас, в России, победила народная революция... которая избавила многомиллионные массы трудящихся от ужасов войны, принесла им свободу. Мы защищаем наше государство, укрепляем Советскую власть и добились уже немалых успехов. Но наша цель — не только в том, чтобы провести революционные преобразования в России. Мы думаем также и о том, чтобы помочь освобождению малых угнетенных стран, находящихся под гнетом деспотизма... Мы провозгласили об этом на весь мир... Если ваша страна угнетается и у вас есть товарищи, цель которых завоевать свободу, то мы поможем вам в поиске путей к установлению контактов с нашей страной... Ваша партия правильно решила, что надо бороться за проведение революции, за свержение реакционеров, за свободу. Это совпадает с целями нашего государства» [51].

Затем Сороковиков стал расспрашивать Сухэ-Батора и его друзей о том, как давно создана партия, сколько в ней членов. каковы ее силы, что уже сделано революционерами, есть ли в рядах партии представители знати, эксплуататорского класса, каково положение китай-

цев и бывших правителей Автономной Монголии. Сороковиков интересовался тактикой, методами борьбы монгольских революционеров, их связями с заграницей, наличием в Монголии других партий[52].

От имени кружковцев Сухэ-Батор дал подробные ответы на все поставленные гостем вопросы. Он сообщил ему, что со времени образования революционных кружков прошло около двух лет. Методы работы подпольщики определяют в соответствии с ситуацией в стране, стремясь привлечь в свои ряды новых товарищей, собирают оружие и готовят силы. Сухэ-Батор рассказал, что представителей правящих классов в их организации нет. Действия китайцев, продолжал он, приобретают все более агрессивный характер. Князья и высшее ламство заискивают перед ними, заботясь о своих выгодах и чинах. Революционеры же, напротив, полны решимости довести свое дело до победного конца. Контактов с заграницей у них пока нет, и они ждут помощи только от революционной партии Советской России. Но в стране есть группа князей, рассчитывающих на поддержку Японии и Америки[53].

Выслушав обстоятельный рассказ Сухэ-Батора, Сороковиков сказал монгольским товарищам, что их цели верны, а проводимая ими работа очень важна. Важно и в дальнейшем, подчеркнул он, работать твердо и последовательно. Он посоветовал кружковцам направить своего представителя в Коминтерн, чтобы установить и поддерживать с этой организацией постоянную связь.

Сухэ-Батор горячо поблагодарил Сороковикова за ценные советы. Кружковцы решили немедленно послать своего представителя в Советскую Россию. Сухэ-Батор и другие революционеры тепло попрощались с Сороковиковым. Он пообещал договориться с консулом РСФСР в Троицкосавске Макстенеком об оказании содействия посланцу монгольских революционеров.

Начало сотрудничества революционеров Монголии с русскими революционерами открывало возможности для более широкой поддержки борьбы монгольского народа со стороны рабочих и крестьян Советской России. Начинался новый этап в деятельности монгольских революционеров. Перед ними закономерно вставала задача организации борьбы трудящихся масс и руководства ею.

Создание единой революционной организации

Наемный агент японского империализма Сюй Шучжэн, маскируя свою кровавую агрессивную политику, выдвинул лживый план, известный под названием «Восемь пунктов о будущем улучшении Монголии» и направленный на дальнейшее закабаление монгольского народа и усиление его эксплуатации. К феодальному гнету и эксплуатации со стороны иностранного торгово-ростовщического капитала прибавилась чужеземная военная диктатура. В результате этого положение трудящихся Монголии становилось все более тяжелым. По мере усиления эксплуатации масс разгоралось пламя народного гнева, крепла решимость бороться против иностранных захватчиков. В этих условиях возникла необходимость в политической силе, способной возглавить эту борьбу и направить ее в нужное русло. Хотя два революционных кружка, существовавших в Урге, были взаимосвязанны и начали действовать совместно, в организационном отношении они не составляли еще единого целого, силы революционеров по-прежнему оставались разрозненными.

Поэтому прежде всего необходимо было объединить силы революционеров, четко разработать и определить цели и направления борьбы, ее ближайшие задачи. Правильно оценивая ситуацию, Сухэ-Батор и его соратники 25 июня 1920 года собрали всех кружковцев на заседание, где было принято решение объединить оба кружка в единую политическую организацию под названием «Монгольская Народная партия». На этом заседании Сухэ-Батор подробно рассказал собравшимся о своей беседе с Сороковиковым. «Он отметил большое значение встречи с Сороковиковым... После ознакомления с содержанием разговора с посланцем Советской России у всех появилось такое чувство, будто перед путником, бредущим по пустыне в ночи, засветило солнце, ясно открылся широкий путь» [54].

На заседании были детально обсуждены вопросы о революционной организации и ее задачах на будущее, о положении в стране. Были приняты важные решения. Участники заседания отмечали, что, хотя с начала революционной работы прошло немало времени, организация

еще малочисленна, не удалось еще улучшить ее качественный состав, революционные силы разрозненны, не преодолена кружковщина. Не было ясности в вопросе о том, как вести борьбу, не установлены тесные связи с заграницей, откуда можно было бы получить помощь. Теперь появилась возможность решить все эти проблемы. Революционеры утвердили программу действий своей организации — «Присягу партийцев». Содержание этой программы показывает, насколько выросли монгольские революционеры в политическом и идейном отношении со времени возникновения первых кружков. В документе была дана последовательная оценка действий монгольских феодалов, вступивших в сговор с китайскими милитаристами и ликвидировавших автономию Монголии. Эти действия расценивались как открытое предательство интересов страны, интересов монгольского народа. В программе указывалось, что необходимо «вернуть утраченные аратством права... пересмотреть и изменить внутреннюю политику страны...»[55].

Следовательно, революционеры в своей программе подходили к основным вопросам борьбы с классовых позиций аратства. В статье «Присяги» о задачах Народной партии Внешней Монголии говорилось, что необходимо, «всемерно заботясь об интересах аратских масс, защищать их права и положить конец страданиям трудящихся масс и угнетению человека человеком». Анализ программы показывает, что она содержит положения антиимпериалистического и антифеодального характера, что говорит о политическом и идейном росте Сухэ-Батора и других монгольских революционеров.

В «Присяге» остро и по-боевому выдвигались принципиальные требования: расширить партийную работу, укреплять дисциплину и организационную основу партии, воспитывать партийцев в духе беззаветной преданности делу революции. «Каждый член Народной партии должен, не щадя своей жизни и не жалея имущества, бороться за дело партии... Члены партии обязаны быть стойкими и честно выполнять партийные поручения. Они не должны пренебрегать делом партии ради своих личных интересов, а также обманывать партию, допускать ложь и фальсификацию...» «Члены партии не должны разглашать партийные тайны... и тем самым наносить вред партии... В том случае, если член партии, совер-

шивший такой проступок, признает свою вину, он должен покончить жизнь самоубийством. Если же виновный не сознается и будет пытаться защищаться, остальные члены партии должны убить его и тем самым сохранить верность присяге и твердость дисциплины». «Лица, вступившие в Народную партию, должны действовать сплоченно и единодушно и до конца бороться за интересы аратских масс»[56]. В духе этой суровой программы воспитывалось целое поколение боевых монгольских революционеров.

На собрании было также решено изготовить партийную печать. По поручению партии Д. Бодо вырезал ее из куска черного дерева. По краям были выгравированы слова: «Печать Монгольской Народной партии», а в центре — изображение национального герба «соёмбо».

В принятых на заседаниях документах нашло яркое отражение влияние идей Октябрьской революции. Догсом писал об этом заседании так: «Мы видим теперь, что причины, породившие революцию в России, сходны с причинами, вызвавшими борьбу нашей партии за свободу, поскольку наша страна порабощена и угнетается деспотической властью. Мы пока еще только готовим революцию и не дошли до ее завершения»[57].

Важнейшим итогом объединенного совещания кружковцев явилось решение об установлении связей с Коминтерном и Российской Коммунистической партией (большевиков) для получения помощи в освободительной борьбе монгольского народа со стороны победившего пролетариата Советской России.

На совещании встал вопрос о том, кому ехать представителем монгольских революционеров в Россию. Жребий пал на Чойбалсана и Данзана, которых и решено было направить в Россию. Им поручили также найти в соседней Бурятии опытного партийца, который вступил бы в Монгольскую Народную партию или оказывал бы ей содействие в работе. Расходы, связанные с поездкой делегатов, решили отнести за счет добровольных пожертвований кружковцев. Учитывая усиление слежки и преследований со стороны китайских милитаристов, участники совещания договорились о соблюдении строгой конспирации в своей работе и утвердили особый шифр для деловой связи. В конспиративных це-

лях Чойбалсану и Данзану дали партийные клички: Чойбалсану — Иван, а Данзану — Николай.

На совещании были распределены обязанности между членами организации на ближайшее время. Сухэ-Батору, Бодо, Юмтареву и Балсанову предлагалось поддерживать и расширять контакты с Кучеренко и Гембаржевским, получать от них информацию о положении в России и передавать им нужные сведения. Лосол, Жамъян, Галсан, Алтангэрэл и Даш должны были сообщать о поведении князей и высшего ламства и следить, не затевают ли они чего-либо, могущего повредить делу Народной партии. Догсому, Жигмиддоржу, Дугаржаву и Дэндэву поручили под каким-нибудь удобным предлогом вступить в контакт с находившимися в Урге Хатан-батором Максаржавом, Калхандза Хутухтой, да-ламой[58] Пунцагдоржем и попытаться привлечь их на сторону революционной организации. Поскольку высшие феодалы и китайские власти могли узнать о деятельности подпольщиков и установить за ними слежку, участники совещания договорились поставить юрту Бодо подальше от города, на берегу реки Толы, и там собираться под видом людей, пасущих лошадей или совершающих прогулки.

Участники совещания с радостью и энтузиазмом приняли все эти решения. По монгольскому обычаю, после собрания устроили небольшой праздник. На столе появились скромные угощения. Были подняты тосты за успех задуманного дела, в верности которому поклялись все присутствующие, приняв «Присягу партийцев».

Деятельность Сухэ-Батора и его соратников по созданию Монгольской Народной партии — классовой организации с революционно-демократической программой, ставившей своей целью уничтожение национального и феодального гнета, явилась важным шагом на пути к превращению этой организации в настоящую политическую партию, способную возглавить революционную борьбу трудящихся масс.

[1] М. С. Капица, В. И. Иваненко, Дружба, завоеванная в борьбе, М., 1965, стр. 12.

[2] Б. Ширендыб, Монголия на рубеже XIX—XX веков, Улан-Батор, 1963.

[3] «Унэн», 1957, № 261.

[4] ЦИА МНР, 9—35—17.

[5] После победы Народной революции Сухэ-Батор освободил находившегося в тюрьме Лопатина и направил его на работу в армию. Толбухин был впоследствии советником при начальнике первого в Монголии военного училища.

[6] Г. Кунгуров, И. Сороковиков, Аратская революция, Иркутск, 1957, стр. 68.

[7] Вопрос о том, когда именно Сухэ-Батор работал в типографии, является спорным. Некторые считают, что Сухэ-Батор был демобилизован из армии и поступил в типографию в конце 1919 г. Такие утверждения встречаются и в литературе. Однако в настоящее время найдены сведения о том, что Сухэ-Батор работал в типографии с 1918 г. Исследования приводят к выводу, что верна вторая точка зрения. Далхын Ээндэн и Чойдов подтверждают, что в 1918 г. они работали в типографии вместе с Сухэ-Батором. В государственном архиве сохранился приказ от 8 декабря 1919 г. о награждении служащих типографии, где в числе награжденных упоминается Д. Сухэ-Батор.

Из этого следует, что предположение о поступлении Сухэ-Батора на работу в типографию в конце 1919 г. ошибочно. После ликвидации автономии типография была закрыта. Поскольку известно, что Сухэ-Батор работал в типографии еще в период автономии, ясно, что он не мог начать там работу после ее ликвидации. В феврале 1920 г., когда происходила позорная церемония ликвидации автономии Монголии, Сухэ-Батор протестовал в армии против этого акта, так что правильным будет считать, что он временно работал в типографии, будучи военным, еще до ликвидации автономии. Известно, что Сухэ-Батор работал в типографии около года. Если бы он пришел туда в конце 1919 г., то он не успел бы, демобилизовавшись, проработать там год. Возможно, что после демобилизации он вторично некоторое время работал в типографии у китайцев.

[8] Далхын Ээндэн (род. в 1889 г.) работал в типографии вместе с Сухэ-Батором, принимал участие в подпольной революционной работе. Партизан 1921 г. В настоящее время живет в Улан-Баторе.

[9] Рукописный фонд Института истории АН МНР (Из воспоминаний Ээндэна).

[10] «Документы по истории МНР», Улан-Батор, 1928, стр. 29, 30 (*на монг. яз.*).

[11] Там же, стр. 30—32.

[12] Данзан (1873—1924) — выходец из хошуна Сужигт бэйле Сайнноенханского аймака. Казнен за измену партии и государству.

[13] Дансрангийн Догсом (1884—1939) выходец из хошуна Далай-вана Цецен-ханского аймака. В 1919 г. вошел в состав революционного кружка. В 1920 г. вместе с другими представителями Монголии посетил Советскую Россию. В годы народной власти работал в различных министерствах и ведомствах, в посольстве МНР в СССР и в Туве. В 1936—1939 гг. — председатель Малого Хурала МНР.

[14] Максаржавын Дугаржав (1893—1944) выходец из хошуна Далай-вана Цецен-ханского аймака. В 1919 г. стал членом революционного кружка. После победы Народной революции находился на ответственной партийной и государственной работе, был известным певцом.

[15] «Документы по истории МНРП», стр. 27.

[16] Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Г. Дэмид, Краткая история Монгольской Народной революции, Улан-Батор, 1934, стр. 63 *(на монг. яз.)*.

[17] Хорлогийн Чойбалсан (1895—1952) в 1914—1917 гг. учился в русской средней школе Иркутска. Один из основателей подпольного революционного кружка. Был одним из первых монгольских делегатов, выезжавших в Советскую Россию в июле 1920 г. Один из основателей МНРП и Монгольской Народной Республики. В 1921—1922 гг.— военный комиссар, заместитель командующего армией, в 1928—1930 гг.— председатель Президиума Малого Хурала МНР, в 1931—1935 гг.— министр животноводства и земледелия МНР, с 1936 г.— министр внутренних дел МНР, военный министр, верховный главнокомандующий, министр иностранных дел, в 1939—1952 гг.— премьер-министр МНР.

[18] Догсомын Бодо (1885—1922) — лама, знаток тибетского, китайского и маньчжурского языков. Казнен за измену делу революции.

[19] Дарьзавын Лосол (1890—1939) — выходец из хошуна Батноров Ханхэнтейульского аймака, был ламой. В 1920 г. вместе с другими делегатами ездил в Советскую Россию. В годы народной власти находился на разных постах, был, в частности, председателем Центральной комиссии партийного контроля, с 1936 г. — заместителем председателя Президиума Малого Хурала МНР.

[20] «Документы по истории МНР», стр. 14, 15, 16.

[21] Там же, стр. 22, 23.

[22] Там же, стр. 41.

[23] Сюй Шу-чжэн — генерал аньфуистской клики, опиравшейся на японских империалистов.

[24] Рукописный фонд Института истории АН МНР (Из воспоминаний М. Дугаржава).

[25] Там же.

[26] ЦИА МНР, ф. Д. Сухэ-Батора, разд I.

[27] Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Г. Дэмид, Краткая история Монгольской Народной революции, стр. 74.

[28] Там же, стр. 75.

[29] Рукописный фонд Института истории АН МНР, папка Сухэ-Батора (Из воспоминаний П. Тогтоха).

[30] Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Г. Дэмид, Краткая история Монгольской Народной революции, стр. 82.

[31] Хурдэ — молитвенное колесо буддистов.

[32] «Сборник документов по истории МНРП», Улан-Батор, 1928, стр. 64—68 *(на монг. яз.)*.

[33] Доржийн Бадарчин (1893—1960). Оказывал содействие членам подпольных революционных кружков. Участвовал в работе I съезда МНРП в 1921 г., работал во Временном народном правительстве. Длительное время работал в учреждениях связи.

[34] Кучеренко Михаил Иванович — с 1912 г. работал в Урге наборщиком в типографии. В 1921 г. расстрелян унгерновцами.

[35] Гембаржевский Яков Васильевич — участник первой русской революции. В Монголию приехал в 1914 г., был одним из русских революционеров в Урге.

[36] «Унэн», 20 сентября 1967, № 263.

[37] Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Г. Дэмид, Краткая история Монгольской Народной революции, стр. 94.

[38] «Материалы по истории и филологии Центральной Азии», 1961, Улан-Удэ, стр. 25.

[39] «Унэн», 1964, № 149.

[40] «Унэн», 1966, № 312 (Воспоминания В. Л. Неволина).

[41] М. С. Капица, В. И. Иваненко, Дружба, завоеванная в борьбе, стр. 17.

[42] Борис Захарович Шумяцкий (1886—1943) — старый большевик, известный революционер, видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. Был близким другом монгольских революционеров и МНРП. Играл важную роль в установлении связей монгольских революционеров с Коминтерном, РКП(б), Советским государством и лично с В. И. Лениным.

[43] М. С. Капица, В. И. Иваненко, Дружба, завоеванная в борьбе, стр. 18.

[44] Базарын Пунцаг (1882—1952) — занимался подпольной революционной работой. В 1921 г. вместе с 50 цириками вступил в Кяхте в ряды партизанской армии, был командиром первого полка. В период революции 1921 г. был военным советником и заместителем командующего в боях на западном направлении. Впоследствии занимался сельским хозяйством.

[45] «Воспоминания и рассказы о Д. Сухэ-Баторе», стр. 45.

[46] В. И. Ленин, Доклад на II-м Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока. 22 ноября 1919 г.,— Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 321.

[47] М. С. Капица, В. И. Иваненко, Дружба, завоеванная в борьбе, стр. 20.

[48] И. А. Сороковиков приехал в Ургу до революции. В 1920 г. по заданию Дальневосточного секретариата Коминтерна встречался и поддерживал связь с монгольскими революционерами, оказывал им помощь.

[49] Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Г. Дэмид, Краткая история Монгольской Народной революции, стр. 89.

[50] Там же, стр. 93—94.

[51] Там же,

[52] Там же, стр. 94.

[53] Там же, стр. 85—96.

[54] «Документы по истории МНРП», стр. 75.

[55] Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Г. Дэмид, Краткая история Монгольской Народной революции, стр. 100.

[56] Там же, стр. 101.

[57] «Документы по истории МНРП», стр. 77.

[58] Да-лама — монашеский титул.

Глава четвертая

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУХЭ-БАТОРА ПО УСТАНОВЛЕНИЮ СВЯЗИ С МИРОВЫМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ. БОРЬБА ЗА СОЗДАНИЕ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ ПАРТИИ

Поездка Сухэ-Батора в Советскую Россию

В начале июля 1920 года Чойбалсан и Данзан выехали из Урги в Россию. После их отъезда Сухэ-Батор и его соратники, используя все возможности, продолжали активизировать революционную работу. Они собрались еще раз для обсуждения насущных задач партии и координации своих действий. На этом собрании Сухэ-Батору и его друзьям было поручено установить более тесные контакты с М. И. Кучеренко, М. Я. Гембаржевским и другими революционно настроенными русскими в Урге, ознакомиться с положением в Советской России и поддерживать связь с делегатами, направленными в Россию[1]. В это время китайские военные власти, опасаясь возможных попыток восстановить автономию Монголии, усилили слежку и террор. Среди революционеров нашлись неустойчивые люди, которые после уничтожения автономии отошли от революционной работы. Все это создавало препятствия для деятельности последовательных революционеров. Но Сухэ-Батор и другие революционеры были полны решимости продолжать свою работу в любых условиях.

Летом 1920 года в Ургу из Иркутска прибыли первые представители Коминтерна — заведующий монголо-тибетской секцией Дальневосточного секретариата Коминтерна С. С. Борисов и Цэдэн-Иш (Ц. Е. Гочитский)[2]. В их задачу входило ознакомление с деятельностью и целями монгольских революционеров. Приезд С. С. Бо-

рисова и Цэдэн-Иша имел исключительно важное значение для дальнейшей работы революционеров Монголии. Встретившись с представителями Коминтерна, они подробно рассказали им о положении в Монголии, о ликвидации автономии в результате сговора реакционных феодалов и китайских милитаристов, о том, как революционеры, объединив свои усилия, ищут пути избавления страны от национального гнета. Борисов и Цэдэн-Иш в свою очередь рассказали собравшимся о том, что в результате победы Октябрьской революции трудящиеся России обрели свободу, взяли власть в свои руки и создали Советское государство. В своей внешней политике Советское правительство стремится помочь угнетенным малым народам добиться национального освобождения. Представители Коминтерна поддержали желание монгольских революционеров получить помощь от Советской России [3].

Наряду с этим революционеры несколько раз встречались с деятелями, поддерживавшими идею восстановления независимости Монголии: Хатанбатором Максаржавом, Жалхандза Хутуктой, Дамдинбазаром, да-ламой Пунцагдоржем. Революционеры обратились к ним с просьбой оказать содействие в том, чтобы добиться согласия богдо-гегена приложить свою печать к письму в Советскую Россию с просьбой о помощи. Эти деятели проявили осторожность, хотя прямо не осуждали революционеров и не возражали против сотрудничества с ними в борьбе за освобождение страны от китайского гнета: «Ваша озабоченность страданиями масс и действия в защиту религии и нации справедливы... Мы тоже думаем о религии и нации... и постараемся довести до сведения богдо-гегена о ваших пожеланиях и помочь вашему делу» [4].

В этот период в Китае обострилась борьба среди милитаристов, в частности между чжилийской кликой англо-американской ориентации и прояпонской кликой аньфуистов. В конце концов аньфуисты потерпели поражение и к власти пришла чжилийская клика. Политические события, происходившие в Китае, не могли не повлиять на положение в Монголии. После отстранения аньфуистов от власти в Китае генерал Сюй Шу-чжэн, командующий китайскими войсками, захватившими Монголию, был отозван из Монголии. Появилась возмож-

ность добиться смягчения военного режима китайцев, что способствовало активизации сторонников восстановления национальной независимости и государственности Монголии. Поэтому богдо-геген и крупные феодалы, которые рассчитывали кто на помощь США, кто на содействие Японии, направили в разные страны своих представителей. Однако эти мероприятия оказались безрезультатными.

Что касается Сухэ-Батора и других революционеров, то они были твердо уверены: помощь в деле восстановления независимости Монголии придет только из Советской России. Сухэ-Батор и его соратники, поддерживавшие связи с делегатами, которые уехали в Россию, получили от них две зашифрованные телеграммы следующего содержания: «Доехали благополучно. Прибыли в Верхнеудинск. Дела идут хорошо. Привозите письмо с печатью богдо».

Среди революционеров шли споры о том, какую печать приложить к письму в Советскую Россию — печать богдо-гегена или Монгольской Народной партии. Сухэ-Батор спрашивал: «Почему мы не можем сами составить документ с просьбой о помощи от имени Народной партии?»[5]. Однако по настоянию группы непоследовательных революционеров было решено скрепить письмо печатью богдо-гегена. Это задержало отправку письма.

Установление деловых связей монгольских революционеров с Дальневосточным секретариатом Коминтерна, плодотворные результаты поездки делегатов в Советскую Россию, разброд в кругах китайских милитаристов, склонность некоторых прогрессивно настроенных феодалов-националистов поддержать революционеров — все это воодушевляло Сухэ-Батора и других революционеров, создавало благоприятные условия для их дальнейшей работы. Сухэ-Батору и его соратникам было необходимо выработать мероприятия по закреплению достигнутых успехов, с тем чтобы использовать создавшуюся обстановку и активизировать революционную деятельность.

Опасаясь слежки со стороны китайских милитаристов, революционеры проводили свои собрания нелегально, соблюдая осторожность. Как-то они поставили юрту на берегу реки, приготовили чай, кумыс и договорились собраться на совещание под видом отдыхающих.

В назначенный день Сухэ-Батор и другие революционеры, всего человек десять, поодиночке пришли к юрте на берегу реки. Со стороны можно было подумать, что кто-то решил проведать соседей, кому-то надо напоить лошадей и т. д. Около юрты был выставлен караульный — он делал вид, что занят приготовлением пищи, а в это время собравшиеся в юрте обсуждали свои дела. Вдруг появился конный патруль — около десятка китайских солдат. Их начальник вместе с переводчиком вошли в юрту.

«Что вы здесь делаете? Почему собралось столько народу?» — спросил китаец. Ему ответил Сухэ-Батор: «Время-то сейчас летнее, вот и решили отдохнуть. Пьем кумыс, едим мясо, купаемся, гуляем. Не хотите ли закусить или выпить кумысу? Отдохните вместе с нами!» Остальные поддержали Сухэ-Батора. Китайскому офицеру нечего было сказать. Он попробовал кумысу, и патруль ускакал.

Вначале на собрании обсудили вопрос об отправке еще нескольких делегатов в Советскую Россию. На этот раз жребий пал на Сухэ-Батора, Лосола, Догсома, Бодо и Чагдаржава. Расходы, связанные с их поездкой, было решено произвести за счет членов организации. В целях конспирации участники собрания договорились о шифре для поддержания связи. В переписке вместо подлинных имен решили употреблять подпольные клички: Сухэ-Батор — мать, Лосол — отец, Догсом — Георгий [6]. Бодо и Чагдаржав должны были выехать раньше, захватив с собой шифр и партийную печать [7]. Сухэ-Батору, Догсому и Лосолу предстояло доставить в Советскую Россию письмо с просьбой о помощи, скрепленное печатью богдо-гегена. Составить письмо и доложить о нем богдо-гегену поручили Жамъяну.

Вскоре после собрания письмо было подготовлено, но скрепить его печатью богдо-гегена было нелегким делом. Никто из революционеров не мог рассчитывать на прием у богдо-гегена, поэтому надо было просить содействия у кого-либо из приближенных к нему. Посоветовавшись, революционеры решили обратиться к да-ламе Пунцагдоржу. Озабоченный судьбой своей родины, он еще раньше был посвящен в дела революционеров и втайне сочувствовал им. Кроме того, да-лама Пунцагдорж с давних пор был в плохих отношениях с шанзатва [8] Ба-

дамдоржем, его обошли чином и жалованьем. От имени революционеров к да-ламе Пунцагдоржу обратился хорошо знавший его Жамъян. Да-лама Пунцагдорж ответил согласием. Утром 25 июля 1920 года Жамъян с письмом в сопровождении да-ламы Пунцагдоржа отправился во дворец богдо-гегена. Сухэ-Батор и другие революционеры, собравшись в юрте Жамъяна, допоздна ожидали его возвращения, но Жамъян почему-то задерживался. Это удивляло и настораживало. Оставив в юрте Жамъяна одного Лосола, все разошлись по домам. Лишь наутро Сухэ-Батор узнал от Лосола, что богдо-геген поставил свою печать на письмах с просьбой о помощи, обращенных к Америке и Японии, а затем, после долгих колебаний, уже после полуночи,—на письме в Советскую Россию. В тот же день Сухэ-Батор зашел к Жамъяну. Дело было завершено, и надо было готовиться к поездке в Советскую Россию. Для большей надежности письмо спрятали в рукоятку кнута, специально купленного Жамъяном на базаре, а отверстие в рукоятке закрыли костяным украшением. Сухэ-Батор продал свою юрту, приготовил все необходимое для дальней дороги. Жена Сухэ-Батора, Янжима, вместе с сыном Галсаном остались жить в дощатой пристройке в соседской юрте [9].

Кое-кто из ненадежных членов организации узнал о готовящейся поездке Сухэ-Батора и его спутников. Поэтому выезжать нужно было поскорее и незаметно. Ночью 30 июля 1920 года Сухэ-Батор и Догсом тайно выехали из Урги, переночевали в горах Богдо-ула, а на рассвете следующего дня были уже в одной из падей Чингэлтэйских гор, где жил М. Дугаржав. Здесь они, как было условлено, встретились с Лосолом. Сухэ-Батор и его товарищи погрузили на лошадей свою поклажу и под видом торговцев отправились в дальний путь. Их провожали Дугаржав и Б. Намсрайжав [10]. Некоторое время все они ехали вместе, а когда пришла пора прощаться, Сухэ-Батор сказал Дугаржаву: «Теперь все наши партийцы сплочены и поклялись беззаветно служить делу освобождения народных масс от бедствий и страданий. Мы сделаем все, что в наших силах. Верим, что и товарищи, оставшиеся здесь, будут все время внимательно следить за развитием событий, а в случае необходимости — действовать сообща, соблюдая нашу присягу. Будем поддерживать связь и обо всем происходящем

докладывать друг другу. Передай все это надежным партийным товарищам»[11]. Попрощавшись с провожающими, Сухэ-Батор и его спутники двинулись вверх по течению реки Сельбы, петляя в горах, чтобы запутать следы. Они миновали перевалы Шинэд и Манхтай, дважды переночевали в степи и на третью ночь остановились в одном из аилов в местности Хуйтэн. Встречным говорили, что они втроем — Тумур (Сухэ-Батор), Дагва (Лосол) и Дэмбэрэл (Догсом) — едут по торговым делам. 4 августа 1920 года путники добрались до местности Тавилан близ реки Иро, где жил их старый знакомый Б. Пунцаг.

Сухэ-Батор и его друзья рассказали Пунцагу о цели своей поездки в Советскую Россию и предложили ему во время их отсутствия тайно заняться организацией патриотически настроенных людей, стремящихся к избавлению от гнета гаминов. Пунцаг охотно согласился.

Китайская военная администрация в Урге через своих платных агентов и некоторых феодалов быстро узнала о том, что Сухэ-Батор и несколько других революционеров отправились на север, чтобы просить помощи у Советской России, и еще более усилила слежку за всеми монголами. Вскоре после отъезда Сухэ-Батора, Лосола и Догсома из Урги в городе начались аресты. По приказу китайской военной администрации были схвачены члены революционной организации Жигжиддорж и Жамъян, а также сочувствующие революционерам Манлайбатор ван Дамдинсурэн и Хатанбатор ван Максаржав. Их допрашивали, подвергали пыткам, стремясь добиться показаний[12]. Действия китайских властей серьезно затруднили проведение революционной работы. За сообщение имен и поимку каждого из семерых революционеров, отправившихся в Россию, китайские власти обещали вознаграждение в размере 1000 лан серебра. Местным чиновникам и полицейским было дано указание усилить караулы, на северные пограничные пункты выслали солдат для задержания Сухэ-Батора и его спутников. Нашлось всего несколько человек, которых прельстила обещанная за поимку революционеров награда. Однако полицейские-монголы в Кяхте, насильно призванные китайцами на службу и сами испытавшие всю тяжесть иностранного гнета, не проявляли усердия в поисках революционеров. Более того, некоторые из них,

узнав о целях этих людей, в душе сочувствовали им и предупреждали Сухэ-Батора о грозящих опасностях [13].

Поскольку имена Сухэ-Батора и его спутников стали известны врагу, они должны были проявлять величайшую осторожность. Кроме того, в кругах, приближенных к богдо-гегену, было известно о том, что революционеры везут в Советскую Россию письмо с просьбой о помощи, и доносчики, служившие гаминам, могли пронюхать и об этом. Чтобы важное письмо — официальный документ, содержащий обращение за помощью к Советскому правительству, — не попало в руки врагов, Сухэ-Батор сломал ручку кнута, достал оттуда письмо и спрятал у себя на груди, в футляр для талисмана [14]. Соблюдая все предосторожности, Сухэ-Батор и его спутники провели два дня у Пунцага, а на третий день двинулись к границе. Пунцаг поехал с ними проводником. Перебравшись через реку Иро и миновав перевал Ирогийн Цагаан, они поехали вдоль Ивцэгского уртона и остановились у знакомых Пунцага в местечке Гялаан. Здесь Сухэ-Батор на время расстался с Догсомом и Лосолом и вместе с Пунцагом поехал к границе по южному склону Бургэдтэй-уул. Неподалеку от границы они наткнулись на китайский караул — человек десять гаминов. Китайцы остановили Сухэ-Батора и Пунцага и потребовали у них объяснений, куда и зачем они едут. Сухэ-Батор ответил: «Мы — торговые люди, направляемся через границу в Троицкосавск, чтобы купить там телегу». Китайские солдаты почувствовали неладное и стали обыскивать задержанных. Однако ничего подозрительного найти при обыске не удалось, и они вскоре отпустили Сухэ-Батора и Пунцага. 6 августа 1920 г. Сухэ-Батор приехал в Троицкосавск. На следующий день сюда прибыли и Догсом с Лосолом, которых провел по одному через границу тот же Пунцаг. Вспоминая о расставании с Сухэ-Батором и его спутниками, Пунцаг писал: «...Я переправил Догсома и Лосола через границу, доставил их к Сухэ-Батору и собрался в обратный путь, намереваясь взять с собой трех лошадей. Но тут Сухэ-Батор спросил у меня: „Куда ты думаешь девать этих лошадей?“ — „Погоню их обратно“, — ответил я. „Оставь их здесь, — посоветовал Сухэ-Батор. — Если они будут при тебе, то могут заинтересоваться, откуда они взялись и кого ты переправлял на север“. Я послушался Сухэ-Батора и

поехал обратно, оставив этих трех лошадей. Потом я понял, что, если бы не совет Сухэ-Батора, могли произойти очень серьезные неприятности»[15]. Так Сухэ-Батор, проявляя смелость и находчивость, при помощи местного населения перешел границу и благополучно добрался до России.

Обращение за помощью к Советской России

Сухэ-Батор, Лосол и Догсом встретились в Троицкосавске с консулом РСФСР О. Макстенеком и представителем Дальневосточного секретариата Коминтерна И. С. Сороковиковым, сообщили им о цели своего приезда. Здесь же они получили письмо, оставленное Бодо и Шагдаржавом, которые побывали в Троицкосавске ранее и теперь ожидали их в Верхнеудинске. Сухэ-Батор и его товарищи попросили помочь им добраться до Верхнеудинска, и органы Народно-революционной армии Дальневосточной Республики (ДВР)[16] выдали им специальный мандат.

Троицкосавск был пограничным пунктом, здесь всегда было много народу — и местных жителей, и приезжих из-за границы. Чтобы не выделяться среди местного населения, Сухэ-Батор, Лосол и Догсом подстриглись и переменили монгольские дэли на европейскую одежду, купив брюки, рубашки, туфли, шляпы. В тот же день вечером вместе с Сороковиковым они на телеге поехали дальше и к полуночи добрались до пристани в Усть-Кяхте на Селенге. В ожидании парохода они провели здесь двое суток. Пароход пришел 9 августа 1920 года. Когда Сухэ-Батор и его спутники уже поднялись на борт, внезапно появилась группа китайских солдат, которые стали через иллюминаторы очень подозрительно разглядывать всех троих. Но тут пароход отчалил от пристани, и китайцы остались на берегу, о чем-то переговариваясь.

10 августа, в 6 часов вечера, Сухэ-Батор и его друзья прибыли в Верхнеудинск, где их встретили Чойбалсан и другие. Сухэ-Батор со спутниками остановились в одной из городских гостиниц. Здесь они присоединились к остальным делегатам, приехавшим в Верхнеудинск рань-

ше. Теперь все семеро посланцев революционной организации собрались вместе. Начались разговоры о том, кто что видел, что удалось сделать. На следующий день к ним пришли Ж. Цэвээн и Р. Элбэгдорж, которым Дальневосточный секретариат Коминтерна поручил оказывать содействие делегатам из Монголии. Цэвээн и Элбэгдорж порекомендовали им встретиться с одним из руководителей Дальневосточного секретариата Коминтерна — Б. З. Шумяцким. Через несколько дней посланцы монгольских революционеров встретились с Шумяцким в вагоне на вокзале в Верхнеудинске. Сухэ-Батор рассказал Шумяцкому о внутриполитическом положении Монголии и сообщил, что делегаты прибыли, чтобы обратиться к Советскому государству с просьбой о помощи в борьбе за освобождение народа. В ответ Шумяцкий заявил: «Мы охотно поможем вам в вашей работе. Надеюсь, что ваша миссия будет успешной. Верхнеудинск находится на „буферной“ [17] территории, и здесь мы, видимо, не сможем окончательно решить интересующие вас вопросы. Надо поехать в Иркутск и встретиться там с некоторыми товарищами. Наши организации помогут вам, дадут сопровождающего, переводчика, специальный вагон и охрану». Шумяцкий рассказал монгольским друзьям о победе Октябрьской революции, поделился с ними своим опытом подпольной партийной работы [18]. Удачное начало миссии воодушевило Сухэ-Батора и других членов делегации. Они возвратились к себе в гостиницу, собрали вещи и наутро вместе с представителями Дальневосточного секретариата Коминтерна (Р. Элбэгдорж, Г. Цэдэн-Иш, Баламсо, Жамболон, Бадамжав) поездом, в специальном вагоне, выехали в Иркутск.

На иркутском вокзале их встретили сотрудники советских учреждений Восточной Сибири. Сухэ-Батор и его товарищи поселились в гостинице «Амурское подворье».

Вскоре после приезда в Иркутск монгольские делегаты по совету руководящих работников Дальневосточного секретариата Коминтерна вручили свое письмо, скрепленное печатью богдо-гегена, полномочному представителю Народного комиссариата иностранных дел РСФСР и заведующему отделом народов Дальнего Востока Сибирского бюро ЦК РКП(б) Ф. И. Гапону.

Правительство Советской России в вопросе об оказании помощи делу освобождения монгольского народа от иностранных захватчиков руководствовалось принципами, сформулированными В. И. Лениным: «...мы, как коммунисты, лишь в тех случаях должны и будем поддерживать буржуазные освободительные движения в колониальных странах, когда эти движения действительно революционны, когда представители их не будут препятствовать нам воспитывать и организовывать в революционном духе крестьянство и широкие массы эксплуатируемых» [19]. В другой работе, затрагивая вопрос о помощи отсталым странам, В. И. Ленин указывал: «Мы все усилия приложим, чтобы с монголами, персами, индийцами, египтянами сблизиться и слиться, мы считаем своим долгом и *своим интересом* сделать это, ибо иначе социализм в Европе будет *непрочен*. Мы постараемся оказать этим отсталым и угнетенным, более чем мы, народам «бескорыстную культурную помощь»... т. е. помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму» [20].

Вместе с тем В. И. Ленин учил вести борьбу с националистическими течениями, пытающимися использовать национально-освободительное движение в отсталых странах для укрепления позиций феодально-теократических элементов.

Советскому правительству было известно о двух письмах, в которых содержалась просьба о поддержке борьбы за восстановление независимости Монголии. Смысл одного из них, скрепленного печатью богдо-гегена, сводился к тому, чтобы при помощи Советской России уничтожить китайскую военную диктатуру, создать в Монголии самостоятельное государство и провозгласить богдо-гегена неограниченным монархом, объединяющим в своих руках государственнную и религиозную власть. Другое письмо, написанное Бодо и Шагдаржавом до приезда Сухэ-Батора и его спутников, было вручено О. Макстенеку для передачи Советскому правительству. В этом письме получение помощи от Советской России связывалось с такими задачами, как «распространение среди граждан национально-демократических взглядов», «восстановление самостоятельности Монголии», осуществление «политической программы демократической республики». Однако из текста письма не было

ясно, какой представляется авторам политическая форма нового государства, какому классу отводится господствующая роль. Кроме того, это письмо подписали всего два человека, поэтому его нельзя было считать изложением общих взглядов всех делегатов.

Вот почему восточносибирские учреждения Советского правительства и Дальневосточный секретариат Коминтерна решили после приезда Сухэ-Батора и его спутников провести встречу со всеми монгольскими делегатами вместе.

19 августа 1920 г. делегаты встретились с Ф. И. Гапоном. Сухэ-Батор, выражая мнение монгольских революционеров, заявил, что для освобождения Монголии из-под гнета Китая и создания независимого государства желательно получение из Советской России оружия, боеприпасов, денежного кредита, а также приглашение военных инструкторов и направление в Ургу товарища, который помогал бы монгольским революционерам в их работе. Сухэ-Батор предложил переправлять оружие через монгольскую границу в районе Монда и Хубсугула. Ф. И. Гапон, который представлял на этой встрече правительство РСФСР, выслушав Сухэ-Батора, сказал, что Советское правительство готово оказать любую помощь монгольскому народу в его борьбе за национальное освобождение. Он посоветовал направить специального делегата в Омск для окончательного решения вопроса. В заключение беседы Ф. И. Гапон сказал: «Ваша миссия была бы более успешной, если бы вы составили и передали нам документ с подробным изложением вашей политики и задач, которые вы перед собой ставите, — какую власть намереваетесь установить в конечном итоге, как думаете бороться с иностранными захватчиками». Сухэ-Батор и другие делегаты согласились с этим предложением Ф. И. Гапона. Чойбалсан позже вспоминал: «Товарищ Сухэ-Батор сказал: „Еще в Урге я предлагал составить письмо от имени нашей партии, но некоторые наши товарищи считали, что нужно письмо с печатью богдо-гегена. Теперь надо писать от имени партии“. Этот вопрос в дальнейшем привел к настоящему расколу. Делегаты поссорились между собой и, возвращаясь, шли по разным сторонам улицы. В этом вопросе товарищ Сухэ-Батор показал пример решительности и принципиальности, пример неуклонной верности линии партии.

Именно с этого момента товарищ Сухэ-Батор стал фактически руководить работой нашей партии» [21].

В связи с обращением к правительству Советской России с просьбой о помощи монгольские делегаты от имени Народной партии составили документ, в котором излагались первоочередные задачи и перспективные планы. К этому документу была приложена печать Монгольской Народной партии.

Касаясь обстановки в тогдашней Монголии, делегаты отмечали, что небольшая группа наследственной знати и высшие ламы, назначенные для управления шабинарами богдо-гегена, захватили и поделили между собой всю страну. Они грабят народ, обложив его всевозможными налогами, порабощают и угнетают его. Далее авторы документа указывали, что в стране получила широкое распространение реакционная идеология желтой религии, увеличилось количество монастырей, а ламы составляют треть всего населения. Все это закрывает перед народом путь к современной культуре, обрекает его на беспросветное невежество, является большим препятствием для развертывания борьбы с иностранным и внутренним гнетом. В монгольском обществе обостряются противоречия между угнетателями и угнетенными, а также противоречия между самими угнетателями. В этой связи формулировались задачи революционной организации «Монгольская Народная партия»: «Мы, члены Народной партии, от имени своей партии обращаемся к великой России с просьбой о помощи. Вместе с избранными представителями своей страны, на военную силу которых мы рассчитываем, мы стремимся восстановить автономию Монголии и провозгласить хутукту богдо ограниченным монархом. Затем мы хотим провести соответствующие мероприятия по ограничению наследственных прав князей. Добившись независимости страны, мы, используя опыт других стран, развернем борьбу за права и интересы своего народа. Рост национального самосознания аратства позволит нам через год-другой двинуть революцию дальше, с тем чтобы окончательно ликвидировать права владетельных князей и способствовать развитию вечной дружбы партий и народов России и Монголии» [22]. В документе подчеркивалось, что для завоевания власти и углубления демократической революции монгольскому народу важно учесть

успехи освободительной борьбы народов других стран, особенно России и Китая, и установить тесную идеологическую и практическую связь с рабочими партиями этих стран. Монгольские революционеры, в частности, писали по этому поводу: «Мы будем стремиться к установлению тесных связей нашей Народной партии с народными партиями всего мира. Особенно же постараемся действовать в союзе с рабочими партиями наших южных и северных соседей. Мы знаем, что завоевание этими партиями власти в своих странах будет способствовать делу нашей партии» [23]. В документе подробно говорилось о том, что революционная организация «Монгольская Народная партия», добившись с помощью Советской России независимости Монголии, будет неуклонно бороться за упрочение завоеваний народной революции. Для проведения революционной работы в центральных и пограничных районах страны будут назначены специальные представители партии. Наряду с этим будет расширяться организационная и идеологическая работа партии по всей стране, будут осуществляться практические мероприятия, направленные на дальнейшее развитие монголо-советских экономических и культурных отношений, будут крепнуть деловые связи Монгольской Народной партии с Коминтерном.

28 августа 1920 г. монгольские делегаты во главе с Сухэ-Батором вручили этот документ Гапону и члену Реввоенсовета 5-й армии Познеру. Через несколько дней эти товарищи сообщили представителям монгольских революционеров, что для обсуждения поставленных вопросов нескольким делегатам необходимо будет поехать в Омск.

Посовещавшись, монгольская делегация разделилась на несколько групп. Данзан, Лосол и Чагдаржав выезжали для встречи с представителями Советского правительства в Омск и в Москву. Бодо и Догсом возвратились в Ургу, чтобы развернуть революционную работу в Монголии. Сухэ-Батор и Чойбалсан остались в Иркутске для изучения методов организации и руководства вооруженным восстанием. Им было поручено изучить организацию и боевой опыт Рабоче-Крестьянской Красной Армии, поддерживать связь между делегатами, отправившимися в Москву, и организацией революционеров в Урге, а также направлять всю партийную работу

с учетом обстановки. В сентябре 1920 года Сухэ-Батор проводил своих товарищей и вместе с Чойбалсаном начал совершенствовать свою военную и политическую подготовку. Штаб 5-й армии РККА, Сибирское бюро ЦК РКП(б) и Дальневосточный секретариат Коминтерна окружили Сухэ-Батора вниманием, оказывая ему постоянное содействие и помощь.

Встретившись с руководителями монголо-тибетского отдела Дальневосточного секретариата Коминтерна и командованием 5-й армии, Сухэ-Батор и Чойбалсан попросили дать им возможность пройти обучение в школе комсостава. Просьба была удовлетворена. Сухэ-Батор и Чойбалсан были зачислены в соответствующие группы этой школы. Поскольку Сухэ-Батор ранее уже проходил военную подготовку и не раз участвовал в боях, он был направлен в одну из старших групп школы, а Чойбалсан — в младшую группу. Каждое утро Сухэ-Батор и Чойбалсан вместе с другими курсантами отправлялись за город на строевые и тактические занятия, а вечером под руководством специальных инструкторов изучали военную технику и теорию военного дела. Кроме того, они были частыми гостями в штабе 5-й армии, где им рассказывали о политическом положении на Дальнем Востоке России и в Китае. Однако вскоре Сухэ-Батор серьезно заболел и не мог посещать школу. Но он все же продолжал работать над повышением своей политической подготовки.

Сухэ-Батор и Чойбалсан знакомились с положением в международном коммунистическом и рабочем движении, изучали революционный опыт рабочего класса Советской России. Им много помогали полномочный представитель Дальневосточного секретариата Коминтерна Б. Шумяцкий, председатель секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) Н. Буртман, сотрудник этой же секции С. Борисов.

Встречаясь с работниками монголо-тибетского отдела Коминтерна, Сухэ-Батор и Чойбалсан беседовали о результатах I и II конгрессов Коминтерна, обсуждали тактику борьбы монгольского народа за освобождение от иностранного гнета, за установление народной власти.

Сухэ-Батор постоянно бывал в рабочем кабинете и на квартире у Буртмана. В то время Буртман руководил идейно-политической работой среди представителей

народов Дальнего Востока, приезжавших в Советскую Россию. Он много рассказывал Сухэ-Батору и Чойбалсану о марксистско-ленинском учении, о социалистической революции, пролетарской партии и государстве, о задачах Советской власти, о ее внешней и внутренней политике [24].

В сентябре 1920 года Сухэ-Батор вместе с Лосолом участвовали в работе III Иркутской областной конференции РКП(б). Буртман вручил им билеты в центральную ложу в зале, где проходила конференция. Сухэ-Батор выступил на конференции с приветственной речью от имени революционеров и всех аратов Монголии. Он сказал: «Наша Народная революционная партия зародилась в среде аратов-скотоводов Монголии. От их имени я приветствую Иркутскую областную конференцию Российской Коммунистической партии — партии, которая первой подняла знамя вооруженного восстания против мирового капитала. Призыв нашей партии дошел до аратов Монголии, попавших под тройной гнет лам и князей, китайских милитаристов и мирового капитала. Российская коммунистическая революция зажгла революционный пожар на Востоке. Народы Востока поднимаются на борьбу» [25].

Иркутская газета «Власть труда» в те дни писала: «Слова ораторов, приветствующих конференцию, звучат четко и сильно. Сосредоточенное настроение конференции становится напряженным при выступлениях с приветствиями представителей комсекций — мусульманской, китайской, японской, корейской и в особенности представителя Монгольской Народно-Революционной партии. Страстным призывом к новой жизни была речь монгола» [26].

Сухэ-Батор внимательно изучал политико-массовую и организационную работу комсомола Иркутска. Его интересовало все: структура комсомольских организаций, порядок приема в комсомол, работа комсомола на селе, а также с бурятской и якутской молодежью. Сухэ-Батор знакомился с тем, как комсомольцы помогают укреплять Советскую власть, как повышают свой образовательный уровень, как относятся родители к вступлению своих детей в комсомол. Он проявлял интерес к молодежной печати, к брошюрам о В. И. Ленине и Коммунистической партии, к памяткам, которые раздава-

лись членам комсомольских ячеек. Сухэ-Батор и Чойбалсан получили много ценных советов известного чешского писателя Я. Гашека, который был в то время заместителем начальника политотдела 5-й армии и ведал вопросами армейской печати [27].

Знакомство с революционным опытом Российской Коммунистической партии и рабочего класса России явилось для Сухэ-Батора настоящей школой, имело огромное значение для развития политических взглядов, для овладения формами и методами революционной работы.

Сухэ-Батор и Чойбалсан поддерживали связь между монгольскими делегатами, находившимися в Москве, и товарищами, которые вели работу на родине. Они внимательно следили за развитием событий в Монголии. Лосол, который по пути в Москву заболел и вернулся в Иркутск, сообщил Сухэ-Батору о том, что остальные делегаты выехали из Омска в Москву. Вскоре от Данзана и Чагдаржава пришла лаконичная, но радостная телеграмма: «Прибыли в Москву, встречаемся с руководящими товарищами». Однако никаких подробностей о важных встречах и переговорах в Москве Данзан не сообщил. Более того, около месяца от него не было никаких вестей. Сухэ-Батор и его товарищи серьезно забеспокоились и несколько раз справлялись о положении дел у знакомых работников Дальневосточного секретариата Коминтерна. От Догсома и других делегатов, возвратившихся в Монголию, было получено несколько шифрованных телеграмм. Поэтому Сухэ-Батор располагал достаточной информацией о событиях на родине.

Китайские милитаристы еще более усилили преследования и террор в Урге. В этих условиях крупные феодалы, до этого сочувствовавшие революционерам, трусливо спрятались в кусты. Революционерам стало трудно поддерживать связь даже друг с другом. В одном из писем Догсома в Иркутск говорилось: «По приезде мы стали тайком разузнавать о положении дел в Урге. Преследования здесь усилились. Хатанбатор Максаржав, Манлай ван Дамдинсурэн, Жигмиддорж и Жамъян схвачены. Нас, ездивших в Россию, тоже разыскивают шпики. Работать очень трудно. В семье Сухэ-Батора, как говорят, все в порядке. Сам встретиться с ними не могу, потому что появляться в Урге опасно, наши юрты — под

наблюдением шпиков. Видимо, испугавшись китайцев, арестованные, о которых я писал выше, рассказали о нас. Мы сейчас скрываемся в степи и в лесах. Приходится тяжело»[28].

Сухэ-Батору и его товарищам стало ясно, что единой организации угрожает распад, связи между отдельными ее членами нарушены.

Зимой 1920 года соратники Сухэ-Батора получили от ответственных работников Коминтерна сообщение о том, что белогвардейцы под командованием барона Унгерна, разгромленные Красной Армией, при подстрекательстве японских империалистов вторглись в Монголию и ведут военные действия против китайских войск. Перед монгольскими революционерами во главе с Сухэ-Батором встала историческая задача — избавить свой народ от иностранного и внутреннего гнета и эксплуатации, спасти свою родину, оказавшуюся во власти всякого рода наемников империалистических держав. Никто, кроме монгольских революционеров, не мог выполнить эту миссию.

В начале ноября 1920 года Сухэ-Батор и его товарищи послали находившимся в Москве делегатам телеграмму. Они сообщили о том, что положение в Монголии становится все более напряженным, и потребовали ускорения переговоров о помощи.

2 ноября Сухэ-Батор и другие делегаты от имени представителей Внешней Монголии обратились с письмом к представителю НКИД РСФСР, командованию Красной Армии в Иркутске и руководству монголо-тибетского отдела Дальневосточного секретариата Коминтерна. В письме они предлагали в связи с вторжением в Монголию остатков белогвардейцев под командованием барона Унгерна ввести части Красной Армии на территорию Монголии для разгрома общего врага народов Монголии и России.

Советское правительство полностью поддержало просьбу монгольских революционеров об оказании им помощи в борьбе за освобождение народа Монголии от иностранной военной диктатуры. Ярким подтверждением этого явилось успешное завершение миссии монгольских делегатов в Москве.

Создание Сухэ-Батором регулярной Народной армии

Заручившись военной поддержкой Советской России и учитывая обострение политического кризиса внутри страны, Сухэ-Батор и его товарищи приступили к организации освободительной борьбы монгольского народа.

Как только в Иркутск возвратились делегаты, ездившие в Москву, сухэбаторцы собрались вместе с советскими товарищами для разработки плана организации вооруженного восстания. На этом совещании перед революционерами были поставлены задачи — добыть сведения о китайских и белогвардейских войсках, развернуть среди народа пропаганду, разоблачая агрессивную реакционную сущность политики иностранных захватчиков, и призвать народ к борьбе за освобождение родины, объединить силы революционеров в единой организации, создать Народную армию. Совещание поручило руководство всей этой работой Сухэ-Батору и Чойбалсану. В этой связи было принято решение об их переезде в Кяхту — поближе к монгольской границе. По согласованию с руководителями местных советских организаций и командованием 5-й армии Лосол, Данзан и Чагдаржав были временно оставлены в Иркутске для решения вопросов, связанных с получением оружия.

Сразу после совещания Сухэ-Батор и его товарищи получили мандаты на право беспрепятственного продвижения по советской территории и пользования служебным транспортом. В конспиративных целях они переоделись в китайские одежды и 18 ноября 1920 года выехали поездом из Иркутска. 19 ноября они были в Верхнеудинске, откуда двинулись дальше на лошадях в сопровождении Баламсо[29]. 22 ноября Сухэ-Батор и его спутники приехали в Троицкосавск. Они остановились в доме Макстенека.

В этот период китайские военные власти, считавшие, что белогвардейцев призвали в страну сами монголы, еще более усилили полицейские репрессии против монгольского населения. Поэтому Сухэ-Батор и его товарищи перешли на нелегальное положение. Они никуда не выходили из отведенной им комнаты, куда незаметно доставляли еду и питье. Как-то раз — через несколько дней после приезда в Троицкосавск — в соседних комна-

тах послышался топот сапог. В дверную щель Сухэ-Батор увидел, что в дом вошли человек десять китайских солдат. Они стали пить чай, подняли шум. Ушли солдаты лишь около полуночи.

Находясь в Троицкосавске, Сухэ-Батор и его товарищи тайно встречались с Макстенеком, Баламсо, Пунцагом. Через них революционеры узнавали о положении в Монголии, и в особенности о настроениях населения в окрестностях Кяхты. Они пришли к выводу, что можно пробраться в Монголию и начать формирование Народной армии, привлекая в нее для начала людей, живших в караулах около Кяхты. Свое предложение Сухэ-Батор обсудил с Чойбалсаном, Баламсо, Макстенеком, а также с Лосолом и Чагдаржавом, только что приехавшими из Иркутска. Товарищи поддержали Сухэ-Батора. Было решено, что он перейдет границу и приступит к организации Народной армии.

Перед отъездом Сухэ-Батор послал через Пунцага письмо революционерам в Ургу. Он советовал им всемерно активизировать свою деятельность. После этого Сухэ-Батор, переодевшись в чесучовое дэли, привезенное ему Пунцагом, выехал вместе с Чойбалсаном, Лосолом, Чагдаржавом, Баламсо и Б. Васильевым [30] в западном направлении. 20 января 1921 года начальник погранотряда Дальневосточной Республики выписал ему мандат, в котором говорилось: «Предъявитель сего, т. Д. Сухэ-Батор по неотложному и секретному делу направляется из Монголии в г. Троицкосавск, РСФСР. Ему разрешено беспрепятственное пересечение границы в обе стороны и на любом участке. Имеющиеся при нем вещи не подлежат досмотру или конфискации. Его личное оружие также не подлежит конфискации. Всем гражданским организациям и воинским частям предписывается оказывать предъявителю сего мандата необходимое содействие» [31].

Переправившись через Селенгу, Сухэ-Батор и его товарищи доехали до дацана Дэрст, где провели два дня. Лосол, которому поручили держать связь с товарищами в Кяхте, остался в дацане, а Баламсо вернулся обратно. Сухэ-Батор же вместе с остальными товарищами двинулся дальше — к дацану Саруул Гэгээт. Отсюда Сухэ-Батор послал Чойбалсана и Чагдаржава в Монголию. По инструкции, данной Сухэ-Батором, они должны

были повернуть на запад от дацана Саруул Гэгээт, пробраться мимо караула в местечке Орос Зэлтэр и, перейдя границу, выйти к хошуну бэйсе Сумъя и здесь приступить к формированию народного ополчения. Сухэ-Батор считал необходимым начать работу именно с этого хошуна. Он говорил: «Когда вы встретитесь с бэйсе Сумъя, он вам наверняка поможет. Ведь сам Сумъя — чахар [32] из Ар-Или, а в этих местах много недовольных китайцами. Эти люди приехали из разных мест на постоянное жительство. Они образовали здесь самостоятельный хошун, но в годы автономии они вели тяжбу с мингатами [33]. Автономное правительство, правда, разрешило эту тяжбу, но говорят, Сумъе это решение не очень понравилось. С давних пор он не в ладах с китайцами, тем более с нынешними. У нас есть сведения об этом. Если рассказать ему о поездке наших делегатов в Советскую Россию за помощью в борьбе за освобождение от гнета гаминов и унгерновцев и о том, что мы собираемся делать сейчас, то Сумъя обязательно должен помочь нашей революционной работе» [34]. Когда Чойбалсан с товарищами через несколько дней возвратились и сообщили Сухэ-Батору о выполнении задания, он сказал: «Если задуманное дело началось удачно, то и дальше все пойдет хорошо». В его словах чувствовались твердая уверенность и воодушевление. Вскоре Сухэ-Батор дал Чойбалсану и Чагдаржаву новое задание — вновь перейти границу, на этот раз в районе Модон Хул, добраться до монастыря Дайчин вана, встретиться там с людьми, которым дорого дело независимости Монголии, и договориться с ними о совместных действиях. Далее Чойбалсану и Чагдаржаву следовало проникнуть в Ургу, встретиться с членами революционной организации и организовать борьбу против белогвардейцев. После выполнения этого задания Чойбалсан и Чагдаржав должны были возвратиться обратно. Чтобы лучше ознакомиться с положением дел в Монголии и установить контакты со своими единомышленниками, Сухэ-Батор послал специальных людей для встречи с А. Амаром, который жил в монастыре Дайчин-вана. Сам Сухэ-Батор вместе с Васильевым вернулся в Троицкосавск. По пути к ним присоединился Лосол, находившийся в дацане Дэрст. В это время унгерновцы разбили китайские войска и захватили Ургу. Части китай-

ской армии отступили из Урги к Кяхте. Энергичная подготовка вооруженного восстания, организационное оформление Монгольской Народной партии, разъяснение всему народу целей и политики партии — эти задачи становились все более злободневными.

Находясь в Троицкосавске, Сухэ-Батор почти ежедневно бывал на территории Монголии. Здесь он проводил агитационную работу среди населения, занимался формированием народного ополчения. В доме бурята Бямбаева на окраине Троицкосавска он часто встречался с другими революционерами. Они подводили итоги проделанной работы и намечали планы дальнейших действий. Живший в то время в этом доме Петр Николаевич Эдинг вспоминает: «В доме было два входа. Через один из них приходили и уходили монгольские товарищи. Через окно в комнате были хорошо видны улица и огород. В центре комнаты стоял круглый стол. Часть людей сидела за столом, остальные размещались вокруг. На собрание приходили обычно 10—12 человек. Товарищ Сухэ-Батор приходил на все собрания и проводил их. Он говорил обычно больше других» [35].

На совещании революционеров 9 февраля 1921 года в целях ускорения создания Народной армии и активизации подготовки к вооруженной борьбе Сухэ-Батор должен был стать командующим Народной армией. Участники совещания приняли также текст обращения к населению западных и восточных караулов с призывом к борьбе за свободу. В обращении указывалось, что русские белогвардейцы, как и китайские милитаристы,— это палачи, действующие заодно с князьями и ламами. Авторы обращения разоблачали реакционную сущность белогвардейщины и ее опору в Монголии. «Изгнанные из своей страны, эти мерзкие волки не только не создадут государство для народа, но и не могут спасти собственную шкуру...» Далее в обращении были четко сформулированы цели борьбы монгольских революционеров: «Мы получим помощь от Советского государства, которое с уважением относится к угнетенным малым народам всего мира и помогает им. Мы восстановим уничтоженную автономию и образуем самостоятельное полноправное государство, создадим Народную армию, уничтожим реакционных гаминов и презренного вора — барона Унгерна, установим сво-

бодную власть народа»[36]. Революционеры призывали вступать в ряды Народной армии, объединить все силы в борьбе за процветание родины и народа.

10 февраля 1921 года Сухэ-Батор возвратился из Урги в Троицкосавск и послал Цэдэн-Иша к Пунцагу в Монголию с сообщением о необходимости срочно собрать всех сторонников и с оружием прибыть 17 февраля в Троицкосавск.

Через несколько дней Сухэ-Батор поехал по караулам, расположенным к востоку от Кяхты, чтобы собрать добровольцев, желающих вступить в ряды Народной армии. 13 февраля к дзанги[37] Хяранского караула Дамдинсурэну приехал какой-то человек в далембовом дэли бурятского покроя. Это был Сухэ-Батор. Самого Дамдинсурэна в это время не оказалось дома, но Сухэ-Батор попросил его жену разыскать мужа. Хозяин дома вскоре приехал. За чаем Сухэ-Батор рассказал Дамдинсурэну о том, что он и его товарищи, видя нестерпимые страдания народа после захвата Монголии гаминами, взялись — с одобрения богдо-гегена — за дело освобождения нации от чужеземных врагов. Сухэ-Батор сообщил Дамдинсурэну о цели своей поездки — привлечь желающих в Народную армию. Дамдинсурэн с одобрением отнесся к словам гостя и сказал, что готов, не жалея жизни, служить государственному делу. После этого, переодевшись, Сухэ-Батор в сопровождении Дамдинсурэна поехал в расположение остальных трех восточных караулов. Побывав на Чагатайском карауле, он 14 февраля приехал на Худэрский караул, где заночевал.

На следующий день Сухэ-Батор рассказал о цели монгольских революционеров Цэдэнбалжиру и приехавшим к нему Хасбатору, Содномдашу и другим. Все они выразили решимость бороться за спасение родины. Сухэ-Батор предложил им привлечь добровольцев в армию из числа знакомых и, не теряя времени, собраться на Хяранском карауле у Дамдинсурэна (в местности Бургас). Затем Сухэ-Батор встретился с гуном Билэгсайханом, жившим в джасе[38] Эрдэнэ-вана, и договорился с ним о привлечении в ряды Народной армии жителей этого хошуна. Отсюда Сухэ-Батор вернулся в Троицкосавск.

На следующий день после его приезда сюда же прибыл Пунцаг с большой группой добровольцев. Встретив

и устроив вновь прибывших, Сухэ-Батор послал Д. Нанзада, Баву и еще нескольких людей в район Хяранского караула, где собирались добровольцы из четырех восточных караулов. Они должны были доставить этой группе оружие, боеприпасы, а также ознакомиться с условиями жизни и настроением ополченцев. Вернувшись после выполнения задания, Нанзад и Баву сообщили Сухэ-Батору, что 20 февраля 1921 года первая группа ополченцев под руководством Хасбатора смело вступила в бой с китайскими солдатами, бесчинствовавшими в доме гуна Цэрэнпила, и захватила много винтовок и патронов.

Сухэ-Батор был очень доволен результатами этого первого боя Народной армии. Он предвидел неизбежность новых боев с врагами и поэтому для закрепления первого успеха спешно послал подкрепление отряду Хасбатора — группу солдат под командой Пунцага и пулемет. На следующий день Сухэ-Батор вместе с Цэдэн-Ишем и другими товарищами приехал в расположение этого отряда. Собравшиеся здесь добровольцы были объединены в полк. Командиром полка назначили Пунцага, полковым ламой — Хасбатора, командиром пулеметного отделения — Дамдинсурэна. Затем Сухэ-Батор и его спутники возвратились в Троицкосавск. 22 февраля 1921 года отряд Народной армии в том же районе вторично вступил в бой с китайскими солдатами. Проявив мужество и героизм, революционный полк заставил противника отступить. Через несколько дней в третьем бою китайский отряд численностью более двухсот человек попытался окружить полк Народной армии. Силы были неравными: у монголов насчитывалось всего около 60 человек. В этом бою революционные солдаты продемонстрировали мужество и военную смекалку. Им удалось вырваться из окружения и уйти за границу на караул Русский Кирань.

Получив известие о прибытии первого полка Народной армии в караул Русский Кирань, Сухэ-Батор приказал полку выйти по советской территории в район к западу от Кяхты, пересечь границу и расположиться в местности Алтан — у слияния Орхона и Селенги. Гуну Билэгсайхану из хошуна Эрдэнэ-вана и Сумъя-бэйсе было сообщено о необходимости спешно двинуться в тот же район вместе с добровольцами из этих хошунов,

вступившими в Народную армию. Кроме того, было составлено специальное обращение[39] с призывом ко всем революционерам собраться в местности Алтан, чтобы общими усилиями разгромить гаминов. 20 февраля 1921 года это обращение было распространено от имени командующего Народной армией Сухэ-Батора среди офицеров и солдат шести караулов, от Жирэгтэй до Уялги, и доведено до сведения пятидесяти монгольских солдат в Кяхте[40]. Местность Алтан была густонаселенной. К тому же именно сюда через деревню Ушик должна была поступать помощь из Советской России.

Вскоре сюда прибыли полк Пунцага и добровольцы из хошунов Эрдэнэ-вана и Сумъя-бэйсе. Слух о том, что под руководством Сухэ-Батора создается Народная армия, быстро облетел всю страну. Из разных областей Монголии пешком и на конях, днем и ночью собирались в Алтан люди. Среди них были молодые и старые, ламы и светские — все, кому дорога была свобода.

На первых порах в армии не хватало транспорта, были трудности с жильем и питанием. Но патриоты, собравшиеся в Алтане, видели перед собой заветную цель, и их не страшили никакие трудности и лишения. Местное население всеми силами помогало солдатам революционной армии; среди бойцов царила атмосфера товарищеской взаимовыручки. Вот что впоследствии писал Чойбалсан об армейской жизни в Алтане: «Солдаты расстилали шкуры павших или зарезанных коров и лошадей и спали на них под одним одеялом, словно братья. Они делились друг с другом продуктами... Сухэ-Батор... Хасбатор и другие товарищи, ездившие в Троицкосавск, привозили оттуда хлеб, махорку, бумагу для самокруток, спички и раздавали все солдатам. Это было похоже на то, как птица кормит своих неоперившихся птенцов»[41].

Солдат, пришедших в армию Сухэ-Батора из караулов к востоку от Кяхты, называли тогда «шадар» («ближними»). Тех, кто пришел из Кяхты или кого поодиночке собирали из разных аймаков, звали «цохор» («пестрые»). Выходцы из хошуна Эрдэнэ-вана были известны как «хошунные», а из хошуна Сумъя-бэйсе — как «чахары»[42].

Концентрируясь в Алтане, революционные бойцы охраняли покой и защищали безопасность местных жите-

лей. Под командованием Сухэ-Батора солдаты Народной армии несколько раз вступали в бой с военными силами китайцев. Один из таких боев завязался в местности Шамор. В конце февраля 1921 года Сухэ-Батору сообщили, что вооруженные гамины, захватив у караванщиков на маршруте Урга — Кяхта более двухсот голов крупного рогатого скота и верблюдов, в местности Шамор отнимают у жителей заготовленное ими сено. Получив это известие, Сухэ-Батор немедленно выступил с солдатами к Шамору.

Он приказал «хошунным» солдатам и «чахарам» зажать противника с флангов, а сам во главе «ближних» и «пестрых» направился в местечко Цагаан Арлын Татуур. Оставив своих бойцов в засаде в ивняке, он вместе с Нанзадом, Дашзэвэгом, Лаасагом и еще двумя товарищами направился прямо к гаминам [43]. Китайский офицер приказал солдатам изготовиться к бою, а сам с маузером в руке вышел навстречу Сухэ-Батору и его товарищам. «Вы чьи солдаты?» — закричал он. На это Сухэ-Батор спокойно ответил: «Мы — цирики, защищающие интересы монгольского народа, и к китайскому народу никаких претензий не имеем. Вы же отбираете сено, заготовленное нашим населением. Мы считаем это незаконным. ...Наши солдаты, защищающие территорию Монголии, нацию и народ, окружили расположение вашей части. Мы освободим эту территорию... Ни одна из сторон не должна открывать огонь. Я со своими солдатами уеду отсюда, но вы не должны захватывать сено. Прикажите вашим солдатам отступить» [44], — потребовал Сухэ-Батор.

Китайскому офицеру пришлось волей-неволей принять это справедливое требование, но было видно, что он идет на это очень неохотно и что-то задумал. Поэтому Сухэ-Батор на всякий случай послал Нанзада и Лаасага с приказом «чахарам» приготовиться к бою, а сам стал прощаться с офицером [45]. В это время китайцы открыли огонь. Начался бой. Сухэ-Батор лично руководил действиями революционных солдат. Бой закончился победой воинов Народной армии. Китайцы понесли большие потери. Отряд Сухэ-Батора взял трофеи: около двадцати голов крупного рогатого скота и с десяток лошадей с повозками, сорок оседланных коней, отобранных китайцами у населения. Кроме того, сухэбаторцы

захватили около сорока винтовок и сорока сабель и много продовольствия.

Эта победа воодушевила бойцов Народной армии, укрепила авторитет Сухэ-Батора и армии, слава о которой все шире распространялась в народе. Чойбалсан в этой связи писал: «Местные жители, видевшие эти события или слышавшие о них, поняли, что солдаты Народной армии, бесстрашно вступившие в бой с сильным чужеземным врагом и уничтожившие этого врага, — это люди, которые сумеют избавить народ от всяких бедствий, сумеют защитить его от врагов...

В народе шла молва о том, что, какой бы враг ни вторгся в страну, с ним можно справиться. Все это вселяло радость в души людей» [46].

В создании и укреплении Народной армии, единственной силы, способной освободить страну и народные массы от иностранной кабалы, в росте авторитета армии в глазах народа — великая заслуга Сухэ-Батора.

I съезд Монгольской Народной партии

В период, когда монгольский народ поднимался на борьбу за свое освобождение, Сухэ-Батор и его соратники развернули подготовку к проведению I съезда Монгольской Народной партии. Идея созыва партийного съезда и выработки программы партии зародилась у Сухэ-Батора и других революционеров во время их пребывания в Верхнеудинске в конце 1920 — начале 1921 г. Революционеры намечали организовать среди народных масс широкую пропаганду своей политики и целей борьбы, после чего провести в окрестностях дацана Гэгээт съезд с участием делегатов от пограничных караулов и многих хошунов страны. Однако после вторжения русских белогвардейцев в Ургу внутриполитическая обстановка в стране резко осложнилась. В этих условиях провести всю необходимую подготовку к съезду оказалось невозможным. Было решено ограничить состав участников съезда революционерами, выезжавшими в Советскую Россию, делегатами от Народной армии и некоторых хошунов Монголии [47].

I съезд Монгольской Народной партии открылся в Троицкосавске 1 марта 1921 года. На первом заседании

делегаты заслушали и обсудили доклад делегатов, выезжавших в Советскую Россию с просьбой об оказании помощи. Съезд отметил: «Наша главная задача — ликвидировать реакцию и беспорядки внутри страны, создать единое, независимое государство. В настоящее время в страну вторглись русские белогвардейцы... Ни в коем случае нельзя мириться с врагом нашей Монголии. Поскольку совершенно ясно, что политика Советской России преследует только цели оказания поддержки трудящимся массам и не имеет никаких враждебных намерений, то следует обязательно вступить в союз с Советской Россией. Это послужит на благо нашему делу сейчас и в будущем». На этом заседании Сухэ-Батор выступил с разъяснением задач и политики Народной партии [48].

На второй день съезд обсуждал вопросы развертывания вооруженной борьбы народа. Был образован штаб Народной армии. Начальником штаба и командующим армией был избран Сухэ-Батор. Съезд приветствовали представители Коммунистического Интернационала и Советской России, пожелавшие Монгольской Народной партии успехов в борьбе против внешних и внутренних врагов. Рабочие и крестьяне Советской России, заявили они, являются верными друзьями трудящихся Монголии и готовы оказать им всестороннюю помощь. Председательствовавший на этом заседании Сухэ-Батор в ответном слове выразил благодарность правительству Советской России за помощь партии и монгольскому народу. «Мы твердо верим, — сказал Сухэ-Батор, — что при моральной и материальной поддержке Советской России Монгольская Народная партия победит всех внешних и внутренних врагов и монгольский народ в недалеком будущем пойдет по пути прогресса, вольется в дружную трудовую семью всего человечества».

Съезд обсудил и принял программу партии — «Обращение Монгольской Народной партии к народу».

В программе был дан анализ международной обстановки, внешнеполитического и внутреннего положения Монголии, определены основные задачи народной революции. Касаясь международной обстановки, программа отмечала, что капитализм вступил в свою последнюю стадию — стадию империализма. В программе особо отмечалось усиление экономического и политического гне-

та и агрессивности империализма. Империалистические державы, отмечалось в документе, в борьбе за рынки и колонии развязали мировую войну.

Далее в программе говорилось о дальнейшем углублении противоречий капитализма, о небывалом обострении борьбы между капиталистами и рабочим классом, между империалистическими и колониальными странами. Проявлением борьбы за уничтожение старого, реакционного режима, за создание нового, справедливого строя являются противоречия между угнетателями и угнетенными, эксплуататорами и эксплуатируемыми. Национально-освободительная борьба монгольского народа, говорилось в программе, является составной частью международного революционного движения рабочего класса и борьбы угнетенных народов за свободу и независимость, которая развернулась под влиянием освободительных идей Октября.

Рассматривая внешнеполитическое и внутреннее положение страны в связи с развитием событий во всем мире, программа констатировала, что феодальные отношения в Монголии сочетаются с гнетом империализма. В этом документе указывалось, что в стране уже сложились условия для свершения антиимпериалистической, антифеодальной революции. Программа призывала монгольский народ подниматься на борьбу за освобождение.

В качестве основных задач партии и народной революции в программе выдвигались следующие: уничтожение империалистического колониального гнета, завоевание национальной независимости, лишение феодалов государственной власти и передача ее в руки народа. Партия считала, что решающим условием обеспечения победы антиимпериалистической и антифеодальной народной революции является помощь страны победившего пролетариата и руководство со стороны Коммунистического Интернационала — главного штаба мировой революции.

Осуществляя руководство революцией, партия, как указывалось на съезде, будет учитывать международную обстановку, специфику Монголии, традиции и обычаи монгольского народа, наличие религиозных предрассудков, однако будет решительно бороться против всего того, что мешает движению вперед.

В программе были четко поставлены принципиальные

вопросы народной революции — о переходе власти в руки аратства, об обеспечении руководящей роли партии, об отношении к различным общественным классам и прослойкам, о борьбе против империалистической агрессии, о принятии интернациональной помощи пролетарского государства, об установлении связей с международным рабочим и национально-освободительным движением.

Таким образом была создана Монгольская Народная партия.

Мужество и стойкость, проявленные последовательными революционерами во главе с Сухэ-Батором в борьбе за народное дело, приобретение ими революционного опыта — все это имело неоценимое значение для создания партии.

[1] Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Г. Дэмид, Краткая история Монгольской Народной революции, стр. 109; «Документы по истории МНРП», стр. 78—79.

[2] Цэцэн-Иш — один из бурятских интеллигентов, который помогал монгольским революционерам и сопровождал их представителей в поездке в Россию.

[3] «Документы по истории МНРП», стр. 80—81.

[4] Там же, стр. 82—83.

[5] «Д. Сухэ-Батор» (Сборник исторических документов), Улан-Батор, 1954, стр. 24 *(на монг. яз.)*.

[6] Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Г. Дэмид, Краткая история Монгольской Народной революции, ч. 2, стр. 146—147.

[7] «Документы по истории МНРП», стр. 89.

[8] Шанзавтва — управляющий крепостными богдо-гегена.

[9] «Воспоминания и рассказы о Д. Сухэ-Баторе», стр. 25.

[10] В некоторых трудах по истории монгольской революции он упоминается как «партийный товарищ Жав».

[11] «Документы по истории МНРП», стр. 94—95.

[12] Там же, стр. 98. См. также: Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Г. Дэмид, Краткая история Монгольской Народной революции, ч. 2, стр. 203.

[13] «Воспоминания монгольских партизан», Улан-Батор, 1961, стр. 50 *(на монг. яз.)*.

[14] «Воспоминания и рассказы о Д. Сухэ-Баторе», стр. 46.

[15] Там же, стр. 48.

[16] ДВР (Дальневосточная Республика) — демократическое государство, образованное под руководством большевиков в период борьбы Советской России против иностранной интервенции на Дальнем Востоке. ДВР занимала территорию к востоку от озера Байкал до побережья Тихого океана. Она просуществовала как самостоятельное государство с апреля 1920 до ноября 1922 г., а затем вошла в состав РСФСР.

[17] «Буферной» называли Дальневосточную Республику.

[18] Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Г. Дэмид, Краткая история Монгольской Народной революции, ч. 1, стр. 189—190.

[19] В. И. Ленин, II Конгресс Коммунистического Интернационала. 19 июля — 7 августа 1920 г. 3. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам. 26 июля,— Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 243—244.

[20] В. И. Ленин, О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»,— Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 120.

[21] «Д. Сухэ-Батор» (Сборник исторических документов), стр. 25.

[22] Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Г. Дэмид, Краткая история Монгольской Народной революции, ч. 1., стр. 189—190.

[23] Там же.

[24] Г. Кунгуров, И. Сороковиков, Аратская революция, — «Намын амьдрал», 1957, № 11; 1961, № 11.

[25] «Сборник документальных материалов о жизни и деятельности Д. Сухэ-Батора», Улан-Батор, стр. 13.

[26] Г. Кунгуров, И. Сороковиков, Аратская революция, стр. 95—96.

[27] «Намын амьдрал», 1961, № 11.

[28] Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Г. Дэмид, Краткая история Монгольской Народной революции, ч. 1, стр. 237—239.

[29] Баламсо — бурят-переводчик, сопровождавший представителей монгольских революционеров.

[30] Б. Васильев — бурят, помогавший монгольским революционерам.

[31] «Сборник документальных материалов о жизни и деятельности Д. Сухэ-Батора», стр. 64.

[32] Чахар — название монгольского племени.

[33] Мингат (ы) — название монгольского племени.

[34] Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Г. Дэмид, Краткая история Монгольской Народной революции, ч. 1, стр. 264—265.

[35] Р. Ф. Тугутов, Они встречались с Сухэ-Батором, Улан-Удэ, 1967, стр. 22—25.

[36] Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Г. Дэмид, Краткая история Монгольской Народной революции, ч. 1, стр. 283—284.

[37] Дзанги — караульный начальник.

[38] Джасе — монастырское хозяйство.

[39] Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Г. Дэмид, Краткая история Монгольской народной революции, ч. 1, стр. 107—109.

[40] Дэмбэрэл, Первый съезд Монгольской Народно-Революционной партии, Верхнеудинск, 1931, стр. 31.

[41] «Документы по истории МНРП», стр. 29.

[42] «Воспоминания монгольских партизан», стр. 15.

[43] Там же, стр. 466.

[44] «Документы по истории МНРП», стр. 31, 32.

[45] Там же.

[46] Там же, стр. 35.

[47] Там же, стр. 110—113.

[48] Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Г. Дэмид, Краткая история Монгольской Народной революции, ч. 2, стр. 16. См. также: Дэмбэрэл, Первый съезд Монгольской Народной Революционной партии.

Глава пятая

СУХЭ-БАТОР В БОРЬБЕ ЗА ПОБЕДУ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Подготовка вооруженного восстания

После первого съезда Монгольской Народной партии Сухэ-Батор, последовательно придерживаясь политической линии, изложенной в программе Монгольской Народной партии, неустанно борется за выполнение задач, выдвинутых съездом в качестве первоочередных.

Сухэ-Батор считал необходимым установить дружественные связи с рабочими и крестьянами Советской России и тем самым укрепить единство монгольского народа и международного рабочего класса, единство с угнетенными трудящимися других стран. 11 марта 1921 года Сухэ-Батор, обращаясь в Коминтерн с просьбой о принятии партии в число сочувствующих партий, в заявлении, направленном Дальневосточному секретариату Коминтерна, писал:

«От Центрального Комитета Монгольской Народной партии и Главного управления войсками партии.

Просим передать руководству Коминтерна нижеследующее послание:

Пункт первый. Центральный Комитет нашей партии и Главное управление войсками партии будет делать все возможное, чтобы изолировать монголов, находящихся в войсках барона Унгерна, от русских белогвардейцев.

Пункт второй. Наша Монгольская Народная армия ни при каких условиях не допустит измены и перехода на сторону русских белогвардейцев, она отторгнет и тех монголов, которые оказались на стороне Унгерна.

Пункт третий. Наша печать всеми мерами будет пропагандировать и распространять идеи партии среди

монгольских граждан и будет стремиться укреплять дружбу между Монголией и Советской Россией.

Сие подписал Главнокомандующий Монгольской Народной армией Сухэ-Батор.

Печать ЦК Монгольской Народной партии

27 числа белого месяца года белой курицы по монгольскому летосчислению (5 марта 1921 года)».

На основе решений первого съезда Монгольской Народной партии делегаты партии, Народной армии и представители с мест под руководством ЦК партии 13 марта 1921 года собрались в Дээд Шивээ (Троицкосавске) и создали Временное народное правительство Монголии, получившее название Временное управление по делам Монгольской народной власти. В его состав вошли Д. Сухэ-Батор, Х. Чойбалсан, князь Сумья, князь Билэгсайхан и др. В соответствии с принятым воззванием в обязанности Временному народному правительству вменялось: «освободить страну от гнета китайской милитаристской клики и русских белогвардейских банд; обеспечить мирные условия жизни всех людей, живущих честным трудом, без различия национальности; установить дружественные отношения с соседними государствами; созвать Великий Хурал народных представителей Монголии, который взамен прежней реакционной власти создаст новое постоянное народное правительство, будет уважать и укреплять права народа, разработает и примет основные законы и постановления государства».

Отвечая на вопрос представителя РОСТА (Российское телеграфное агентство) о том, какие отношения будут поддерживать Монгольская Народная партия и Временное народное правительство с правительством в столице Урге, Сухэ-Батор сказал: «Подлинные революционеры, уважающие интересы нации, не могут иметь ничего общего с теми, кто осквернил и растоптал дело народа. Ургинское правительство создано по указке барона Унгерна, который сам является наемником японцев, и только мы, монголы, должны сами бороться за свое освобождение и создание своей власти. Монгольская Народная партия будет решительно бороться против грабителя и разбойника, угнетателя нашего народа и разорителя наших земель барона Унгерна и созданного им ургинского правительства» [1].

Основной смысл этого заявления Сухэ-Батора нашел отражение и в официальном заявлении о создании Временного народного правительства, направленном Центральным Комитетом партии и Временным народным правительством ургинскому правительству 24 марта 1921 года.

Таким образом, территория Монголии оказалась подвластна, с одной стороны, Временному народному правительству, ставившему своей целью восстановление политической независимости страны и предоставление свободы народу, и, с другой стороны, феодальному правительству, находившемуся в столице Урге и являвшемуся послушным орудием белогвардейских банд. Временное народное правительство явилось тем органом, который организовал вооруженную борьбу монгольского народа за свободу и национальную независимость и стал зародышем нового демократического государства, которому предстояло разрушить аппарат феодального государства и передать всю полноту власти в руки трудящихся.

С 19 марта по 28 июня 1921 года Сухэ-Батор участвовал в 20 из 24 заседаний Временного народного правительства, принимал участие в обсуждении и решении 48 вопросов [2].

Монгольская Народная партия и Временное народное правительство использовали разброд и междоусобную борьбу среди иностранных интервентов для обеспечения успехов вооруженного восстания и выдвинули в качестве первоочередной задачи освобождение Кяхты.

Еще 6 марта 1921 года Центральный Комитет Монгольской Народной партии принял постановление об освобождении Кяхты.

В период, когда главное внимание партии было, естественно, направлено на организацию вооруженной борьбы, Сухэ-Батор руководил работой по увеличению численности и укреплению Народной армии, повышению ее боевой и политической подготовки.

Сухэ-Батор регулярно посещает казармы народных войск в Алтан-Булаке, руководит тактической и боевой подготовкой бойцов, занимается вопросами обеспечения армии транспортом и распределением оружия, поступавшего из Советской России, налаживает караульную и патрульную службу.

Особое вимание Сухэ-Батор уделял военно-организа-

ционным вопросам. Он распределял вновь прибывших бойцов по частям и взводам. После прохождения соответствующей подготовки в состав Народной армии были включены воинские отряды из хошунов Сумъя-бэйсе и Эрдэнэ-вана.

В связи с тем что число народных бойцов постоянно росло, Сухэ-Батор предложил провести реформу организационной структуры армии: все бойцы были разбиты на первый, второй, третий и четвертый полки, командирами которых были соответственно назначены Б. Пунцаг, Цэрэндорж, Хасбатор, Базарсад; одновременно назначались командиры низших подразделений.

12 марта 1921 года был официально создан главный штаб Народной армии. Выполняя поручения ЦК Монгольской Народной партии, Сухэ-Батор в короткий срок смог осуществить организационную и боевую подготовку Народной армии.

Сухэ-Батор — руководитель боев за освобождение Кяхты

На совместном заседании ЦК Монгольской Народной партии и Временного народного правительства 14 марта 1921 года Сухэ-Батор выдвинул план боевых операций по освобождению Кяхты от китайских захватчиков. Выступая по этому вопросу, Данзан попытался вызвать разногласия. Ссылаясь на то, что численность Народной армии была меньше численности гаминов, находящихся в Кяхте, Данзан выступил с осуждением предложения Сухэ-Батора и потребовал ведения переговоров с командующим войсками гаминов генералом Го Сун-лином[3]. Требование Данзана о переговорах, с одной стороны, расхолаживало боевой порыв народных войск, а с другой — давало врагу время для подготовки к бою. Совместное заседание ЦК Монгольской Народной партии и Временного народного правительства отвергло возражение Данзана и утвердило план Сухэ-Батора об освобождении Кяхты путем вооруженного нападения.

В соответствии с боевым планом освобождения Кяхты, разработанным главным штабом Народной армии под руководством Сухэ-Батора, 1-й и 3-й полки под командованием Сухэ-Батора должны были действовать от Эрээн-хамара, в северо-западной части Кяхты, до

истока речки Тогсгоо; 2-й полк — от устья Тогсгоо до возвышенности у источника Орос к востоку от холма Ноён-Обоо; 4-й полк — от его фланга до Хойт Манхынарс. Такой план давал возможность вести наступление, охватывая Кяхту с трех сторон — с северо-запада, запада и юга. Кроме того, из каждого полка выделялось небольшое число бойцов (до 90 человек) для обеспечения охраны тылов Народной армии. Член Военно-Революционного Совета 5-й армии Советской России Д. И. Косич вспоминал: «В марте 1921 года Сухэ-Батор встретился со мной в каком-то маленьком домишке. Всю ночь при свете свечи мы разговаривали о том, как лучше организовать отпор врагу. Слушая Сухэ-Батора, верилось, что он готов отдать жизнь за свободу народа, верилось, что он искренен в своих убеждениях и что он именно тот человек, который сможет возглавить эту борьбу»[4].

По решению ЦК партии и Народного правительства Сухэ-Батор выступил со своими войсками из Алтана, при этом 1-й и 3-й полки были передислоцированы в долину Ханын, 2-й полк — за гору Баян-уул, 4-й — в местность Номтод. 15 марта 1921 года Главнокомандующий Народной армией Сухэ-Батор направил командованию гаминов в Кяхте ультиматум с требованием сдаться. В ультиматуме, в частности, говорилось:

«Наша Монгольская Народная армия готова к непосредственной атаке и захвату города Кяхты. Стремясь избежать ненужных жертв и в случае боев в районе пограничной заставы не допустить возможных конфликтов, предлагаем сразу же по получении настоящего ультиматума всем вверенным вам войскам сложить оружие и сдать его нам вместе с монгольской Кяхтой. В случае добровольного принятия нашего предложения мы гарантируем китайским подданным жизнь и возвращение их на родину. Если же на наш ультиматум не последует ответа или он будет отклонен, монгольские войска будут вынуждены перейти к боевым действиям. Ответственность за жертвы и другие пагубные последствия падет целиком на ваше командование»[5].

Китайское командование не ответило на ультиматум. Тем самым стало ясно, что гамины не хотят сдавать Кяхту без кровопролития.

17 марта Сухэ-Батор отдал всем войскам приказ об освобождении Кяхты. В 10 часов вечера по сигналу —

выстрелу из орудия—войска двинулись в сторону Кяхты. Ночь была холодная, шел мокрый снег. Бойцам запрещалось курить, разжигать огонь, разговаривать между собой. Командиры то и дело проезжали вдоль строя, следя за порядком.

Бойцы Народной армии поднялись вверх по долине Ханын, перевалили через перевал Хонгор-морьт и через хребет Эрээн нарс в долине Жонон двинулись на юг. К рассвету снегопад прекратился, облака поредели и прояснилось; бойцы ехали бодрой рысью, и, когда первые лучи утреннего солнца озарили вершины гор на горизонте, передовые отряды подошли к монастырю Ширээ (Дорволжин) к западу от Кяхты. Сухэ-Батор остановил бойцов и в соответствии с диспозицией дал приказ каждому из четырех полков занять исходные рубежи, а передовым отрядам — открыть огонь по дозорам гаминов.

Несмотря на численный перевес и превосходство в вооружении, гамины не выдержали, нарушили строй и беспорядочными группами начали отходить от Кяхты в направлении Алтан-Булака. Воины Народной армии перешли в наступление по всему фронту.

Сухэ-Батор продвигался в первых рядах бойцов по левому берегу реки Бааст на западной окраине города. Был захвачен телеграф, и перед зданием судебной управы сомкнулись силы первого, второго и третьего полков, наступавших с двух сторон, и совместно устремились к центру города [6]. К одиннадцати часам город был почти полностью занят бойцами Народной армии. Однако бежавшие гамины успели собрать силы и начали мощное наступление на Кяхту со стороны Алтан-Булака.

В момент когда у малочисленного отряда бойцов Народной армии кончились патроны и они, отступив к хребту Эрээн нарс, вели оборонительный бой, туда по приказу Сухэ-Батора была срочно направлена повозка, которая доставила из тыла орудия. Пушки были установлены на удобных позициях, между ними наладили телефонную связь. Народная армия опять захватила инициативу в свои руки. Перешедшие в наступление отряды Народной армии при поддержке артиллерии в короткий срок разгромили и рассеяли неприятеля. Гамины оставили город и бежали. В ночь на 18 марта бойцы Народной армии полностью освободили Кяхту.

Освобождение Кяхты бойцами Народной армии под непосредственным руководством Сухэ-Батора явилось первой крупной победой монгольского народа и ознаменовало начало антиимпериалистической и антифеодальной народной революции. День 18 марта монгольский народ считает днем рождения Монгольской Народно-Революционной армии.

В бою за освобождение Кяхты ярко проявились организаторские и полководческие способности Сухэ-Батора. Безграничной преданностью своему народу, беззаветным служением делу революции Сухэ-Батор всегда показывал пример бойцам Народной армии, постоянно вдохновлял их. Сразу после освобождения Кяхты, этой же ночью, Сухэ-Батор направил отряды бойцов для ликвидации остатков вражеских войск, обеспечения охраны жизни и имущества мирного населения, для расклеивания по городу листовок о целях и задачах Монгольской Народной партии, Временного народного правительства и Народной армии.

Сухэ-Батор издал приказ о привлечении к ответственности по законам военного времени всех мародеров, грабивших имущество, лавки и магазины мирных граждан, всех людей, сеявших панику и смуту, и наказывал их самым суровым образом. Чойбалсан в одном из своих воспоминаний писал: «В период освобождения Кяхты был публично жестоко наказан партизан Даш, принимавший участие в разграблении чужого имущества... Тот факт, что товарищ Сухэ-Батор публично наказал своего родственника Даша, является свидетельством его беспристрастности и справедливости» [7].

Когда в восемь часов утра 19 марта ЦК Монгольской Народной партии и Временное народное правительство прибыли из Дээд Шивээ (Троицкосавска) в Кяхту, там были выстроены войска и устроена торжественная встреча. Вместе с ними приехал и Сухэ-Батор с женой Янжимой.

Сразу же по прибытии в Кяхту в судебной управе состоялось совместное экстренное заседание ЦК партии и Временного народного правительства. На совещании Сухэ-Батор внес следующие предложения:

во-первых: создать органы государственного управления, обеспечить спокойствие и порядок в городе, охрану жизни и имущества граждан, установить дружествен-

ные отношения с соседними государствами, решить экономические и финансовые вопросы, вести всю необходимую работу в войсках;

во-вторых: договориться с китайскими властями, бежавшими из Дээд Шивээ, относительно присылки людей для присмотра за имуществом угнанных гаминами мирных торговцев;

в-третьих: разъяснить монголам, жившим в городе и его окрестностях и бежавшим в панике от ужасов войны, что наступило мирное время, и призвать их к возвращению в родные места.

На совместном заседании были обсуждены эти предложения Сухэ-Батора и образованы военное министерство, министерства финансов и иностранных дел [8]. Сухэ-Батор был назначен на пост военного министра. Кроме Сухэ-Батора для переговоров с китайским командованием были выделены еще двое. Они сразу же направились в Дээд Шивээ и попытались встретиться с китайскими представителями, но, так как те отказались от встречи, были вынуждены вернуться обратно.

В соответствии с одобренным на совместном заседании предложением Сухэ-Батора о ведении пропаганды среди бежавших монголов было составлено и размножено обращение к народу, которое расклеили по городу и распространили в его окрестностях. В нем, в частности, говорилось: «Целью нашей Монгольской Народной партии, правительства и армии является борьба с реакционными гаминами и белогвардейцами, захватившими и опустошающими нашу Монголию, и с их приспешниками, которые наносят ущерб нашей деятельности. Но мы не только не причиним ни малейшего вреда жизни и имуществу мирных торговцев, но будем их добросовестно охранять...» «... Наша Народная армия освободила Кяхту, изгнала из города реакционных врагов и установила мирную жизнь, и вам следует вернуться назад и жить, как прежде, в мире и спокойствии. Не позволяйте враждебным элементам обманывать вас и причинять вам лишения и страдания» [9].

В это время Сухэ-Батор жил в четырехстенной юрте, где раньше жил чиновник Олзийдурэн, который был на службе у китайских властей. Это была юрта без настила. Вдоль западной и северной сторон стояли две железные кровати, накрытые байковыми одеялами, письменный

стол и несколько стульев. Юрта служила и жилым и служебным помещением для Сухэ-Батора [10].

Остатки вражеских войск в нескольких местах подожгли город, и в результате огромного пожара, длившегося несколько дней, сгорело большинство построек. ЦК партии, Временное народное правительство, министерства вместе со всем аппаратом переехали из Кяхты в Алтан-Булак. Переехал туда и Сухэ-Батор, который поставил свою юрту в хашане бурята Дамбадугара.

Борьба Сухэ-Батора за укрепление первых завоеваний революции

В результате первых исторических побед Народной армии на севере Монголии образовалась революционная территория под управлением Временного правительства. Она простиралась в длину до 100 километров и в ширину до 50 километров вдоль границы по обе стороны от Кяхты. Вся остальная территория Монголии по-прежнему находилась под пятой барона Унгерна, предательского правительства в Урге, а также отдельных отрядов китайцев. Поэтому Центральный Комитет партии и Временное правительство уделяли особое внимание защите очагов революции от врага. По инициативе Сухэ-Батора были приняты необходимые меры: подступы к Кяхте и основные узловые магистрали были взяты под строгое наблюдение. Для получения точных сведений о продвижении отступающих гаминов и белогвардейских войск в составе военного министерства был организован разведотдел, в различные концы страны стали систематически направляться разведывательные отряды.

Сухэ-Батор часто ездил по стране для ознакомления с положением народа. По приказу Сухэ-Батора в конце марта 1921 года Чойбалсан, Пунцаг, Сумъя-бэйсе были направлены в хошуны Ахаи-гун и Хан-ван для разъяснения аратам политики партии, освобождения новых районов, пополнения вооруженных сил бойцами из освобожденных районов и для разгрома отрядов белобандитов. Сухэ-Батор ездил по западным и восточным (от Кяхты) караулам для приобретения транспортных средств и пополнения продовольственных запасов армии.

В докладе об основных задачах правительства, сде-

ланном на дневном заседании Временного народного правительства 24 марта 1921 года, Сухэ-Батор предложил установить на освобожденной территории революционный порядок, усовершенствовать организационную структуру Народной армии[11].

Когда обсуждался вопрос об установлении революционного порядка в освобожденных районах, возникли разногласия. Бодо, входивший в состав Временного правительства, предложил немедленно упразднить старый аппарат управления на местах и вместо него создать аппарат народной власти.

В этот период Народная партия выдвинула тезис об объединении всех патриотических сил монгольского общества в борьбе за освобождение страны и народа от иноземных захватчиков. Прогрессивно настроенные феодалы вовлекались в национально-освободительное движение, призывались на военную службу, и их административный аппарат использовался для снабжения войск транспортом и продовольствием. Ломка действовавшего аппарата управления создала бы благоприятные условия для раскола объединенных национально-освободительных сил. Поэтому на заседании было поддержано предложение сторонников Сухэ-Батора — сохранить прежний административный аппарат, но изгнать из него ноёнов, настроенных враждебно по отношению к народной революции.

Заседание одобрило предложение Сухэ-Батора об улучшении организации войск и приняло соответствующее постановление. В постановлении указывалось, что Народная армия «наряду с задачей избавления народа от многолетнего рабского положения, угнетения и страданий, защиты народа и страны от посягательств извне, уважая и охраняя интересы народа, будет руководствоваться стремлением обеспечить счастливую жизнь для всех народов земли». При определении организационной структуры Народной армии говорилось, что в соответствии с регистрационными книгами военного ведомства в хошунах и шабинских ведомствах все лица мужского пола, достигшие 19 лет, кроме лам, приписанных к монастырям, подлежат призыву на военную службу, куда надлежит явиться вместе с конем. Конницу, являвшуюся основным родом войск монгольской армии, было решено организовать по взводам, полкам, бригадам и дивизиям и осуществлять подготовку воинских подразделений с

помощью специалистов Красной Армии Советской России; было также решено реорганизовать и укрепить военное руководство. На этом же заседании Сухэ-Батор был утвержден в должности военного министра и Главнокомандующего Народной армией [12].

Сухэ-Батор считал крайне важным для победы революции объединение всех слоев монгольского общества в борьбе за национальную независимость. Это была основная тактическая установка Монгольской Народной партии и Временного народного правительства, которой они руководствовались в борьбе за победу народной революции.

Поэтому ЦК Монгольской Народной партии и Временное народное правительство неоднократно обращались с призывами к совместной борьбе против белогвардейцев к ургинским властям, к монголам, мобилизованным в армию белых, и к местным феодалам.

Этот призыв был горячо встречен всеми монгольскими трудящимися, всей прогрессивной общественностью страны. Изо дня в день росло и крепло сплочение народа вокруг Монгольской Народной партии. Это проявлялось в добровольном вступлении в ряды народных войск, в оказании материальной помощи, в дезертирстве из белогвардейской армии и переходе на сторону Народной армии. Если в середине марта территория, где победила революция, охватывала лишь девять постов к западу и к востоку от Кяхты и на юге доходила только до Ивцэга и Шамара, то вскоре она расширилась до Иро и монастыря Эрдэнэ-вана. Только ургинские власти, следуя указаниям барона Унгерна, всячески противились разумным предложениям Монгольской Народной партии и Временного народного правительства, клеветали на деятельность Монгольской Народной партии, боровшейся за национальную независимость, за свободу своего народа. В одной из листовок, выпущенных ургинским правительством, писалось: «В районе Кяхты группа людей — Д. Сухэ-Батор, Х. Чойбалсан, Д. Лосол... и другие, именующие себя Народной партией, обратились с посланием к аратам, в котором упоминают о целях своей революционной партии... Это означает, что они выступают против монархии, что может привести не только к ослаблению устоев государства, к подрыву основ монгольской религии, но также и к исключительно тяжелым бедствиям и страданиям.

Приверженцы нынешней Народной партии представляют собой самых ближайших друзей презренной китайской военщины — гаминов, а те, кто им сочувствует и помогает, являются пособниками врагов Монголии и посему по законам страны не заслуживают никакого снисхождения» [13]. Тем самым ургинское правительство продемонстрировало, что оно предало национальные интересы страны и стало врагом народа.

Сухэ-Батор считал, что армия Советской России, ее военная и моральная помощь и поддержка имеют решающее значение для освободительной борьбы монгольского народа. Характеризуя цели и политику Советской России, значение ее помощи для борьбы монгольского народа, разоблачая реакционный характер русской белогвардейщины, Сухэ-Батор писал весной 1921 года: «...истинная цель Советской России состоит в том, чтобы защищать малые, угнетенные народы и помогать им; при этом она не преследует никаких корыстных целей. Всемерно помогая в настоящий момент нашей стране, Советское государство не намерено за это получать какую-либо выгоду. Советская Россия разбила своих врагов, вторгшихся на ее землю, и стала могущественным государством. Мы являемся свидетелями этого и кое-что знаем о положении в этой стране. Нам ясно, что Советская Россия, во-первых, не преследует корыстных целей, во-вторых, не имеет намерения обманывать кого-либо, и поэтому нам следовало бы иметь дело с этим государством по политической линии.

Банда же белогвардейцев барона Унгерна потерпела поражение под ударами большой и малой [14] Красной Армии Советской России и сейчас представляет собой банду мятежников без родины. Поэтому они не только не способны защитить нашу страну, но и не способны защищаться сами и обречены на уничтожение» [15].

Организация борьбы с белогвардейщиной

Барон Унгерн при поддержке ургинского правительства старался привлечь на свою сторону главарей разбитых и разрозненных отрядов русских белогвардейцев. Используя территорию Монголии как военный плацдарм, он стал готовиться к боям против Временного народного

правительства и Советской России. В обстановке сплочения всех прогрессивных сил страны против иноземных захватчиков Монгольская Народная партия и Временное народное правительство вступили на путь борьбы за освобождение Монголии от русских белогвардейцев. Постановлением Временного народного правительства от 10 апреля 1921 года был создан Военный Совет, куда вошли Сухэ-Батор и Чойбалсан.

Для освобождения территории Монголии от белогвардейской интервенции, разъяснения политики партии широким аратским массам и развертывания революционной борьбы по всей стране Временное народное правительство, обсудив предложение Сухэ-Батора о посылке руководящих работников партии, Народного правительства и Народной армии на места, решило направить в районы, прилегающие к Западному Алтаю,— Урянхай хошун, Кобдо, Улангом и др., Хасбатора, Дамбадоржа и других, а в северные хошуны, прилегающие к озеру Хубсугул, — Чагдаржава и других. Каждый раз Сухэ-Батор принимал людей, направляющихся на выполнение ответственного задания партии, говорил им о нелегкой задаче, возложенной на них, давал советы, как лучше выполнить то или иное поручение, дружески напутствовал их. Ц. Дамбадорж, вспоминая об этом, пишет: «Мы вместе с Хасбатором подъехали к окрашенным на русский манер в темно-желтый цвет воротам нового хашана в западной части Алтан-Булака, зашли в небольшую юрту посреди двора, обменялись приветствиями с Сухэ-Батором... расположились рядом, пили чай, около часа говорили о том о сем. Главнокомандующий преподнес каждому из нас хадак [16], пожелал счастливого пути, успешного выполнения задания и скорейшего возвращения. Затем каждому снова налили чай, и, когда выпили, все, кто был в юрте, вышли. Главком и его заместитель сели на коней и вместе с бойцами проводили нас примерно с километр на юго-запад от Кяхты, где, прощаясь, Главком снова пожелал всем счастливого пути» [17]. В это время Советская Россия, помогая освободительной борьбе монгольского народа, стала присылать большое количество различного оружия. В апреле 1921 года Временное правительство обратилось к правительству Советской России с официальной просьбой, которую ранее выдвигал Сухэ-Батор перед Дальневосточным секретариатом Коминтерна,— о совместной

борьбе монгольского и советского народов против общего врага. Правительство Советской России откликнулось на эту просьбу, и в мае 1921 года в Монголию был направлен отряд под командованием известного всей Сибири партизана П. Е. Щетинкина. В связи с этим в мае 1921 года было создано военное ведомство по делам отдельных частей Западной Монголии во главе с Чойбалсаном. Слияние вооруженной борьбы монгольского народа против белогвардейцев с освободительной миссией Рабоче-Крестьянской Красной Армии Советской России создало решающее условие для победы монгольской народной революции.

В конце мая 1921 года барон Унгерн бросил все свои силы против Советской России и революционных территорий Монголии. Против белогвардейцев выступили совместные монголо-советские войска, в частности экспедиционный корпус 5-й армии Советской России, 2-я Сретенская кавбригада народно-революционной армии Дальневосточной Республики, стоявшая в районе Дэвд Шивээ, и конная бригада монгольских народных войск под командованием Сухэ-Батора, дислоцировавшаяся в Алтан-Булаке. Для отражения наступления белогвардейских войск Сухэ-Батор совместно со штабом 5-й армии разработал план боевых действий, согласно которому цирики Народной армии под командованием Сухэ-Батора должны были защищать Алтан-Булак, бойцы Советской России и ДВР занимали позиции в районе Дэвд Шивээ, а на значительной территории к западу от Кяхты располагались отдельная часть Народной армии и части Дальневосточной Республики; в пограничных районах Алтая и Кобдо должен был сражаться отряд Хасбатора во взаимодействии с частями Красной Армии.

Основные силы белогвардейцев под командованием Унгерна стремились отрезать Дальневосточную Республику от Советской России и ставили своей целью подавить сопротивление монголо-советских войск, перейти советско-монгольскую границу в районе Алтан-Булака, для чего Унгерн готовился обойти Дэвд Шивээ и Алтан-Булак с востока, отряды Резухина — с запада, а Баяр-гун в то же время должен был развернуть наступление с юга.

Белогвардейцы сменили направление своего главного удара и, с тем чтобы отвлечь силы монгольских и со-

ветских войск, в конце мая начали наступать небольшими отрядами в районе караулов Минж и Модон-хол, а также в районе Шамара.

Часть Народной армии под командованием Д. Нанзада, находившаяся круглые сутки в боевой готовности в Шамаре, вела перестрелку через реку Орхон со внезапно появившимися белогвардейцами. Когда об этом доложили Сухэ-Батору, он с группой бойцов той же ночью прибыл на место. К утру, когда наступило временное затишье, Сухэ-Батор вместе с Нанзадом отправился на берег и прокричал: «Монголы есть?» От позиций белых отделились и вышли на противоположный берег двое. Тогда Сухэ-Батор, обращаясь к ним, спросил: «Вы солдаты какой армии? Эти два дня за что сражались? Зачем монголам бессмысленно стрелять и убивать друг друга?» В ответ последовало: «Мы солдаты барона армии богдо-хана и сейчас идем, чтобы воевать с красными» [18]. Тогда Сухэ-Батор сказал: «Ваши солдаты убивают и истязают народ, грабят его имущество... наши же солдаты, красные солдаты армии народа, несут свободу аратам, мир нашей земле и борются за полное истребление внутренних и внешних врагов нашего народа». А когда он в заключение призвал их встать за правое дело народа и перейти от белых на сторону народных войск, белые открыли огонь. Бой продолжался весь день. Янжима, которая во время боя была среди бойцов, позднее вспоминала: «...солнце уже склонилось к горизонту, когда враг побежал. Несмотря на наши возражения, Сухэ-Батор один сел в маленькую лодку, переплыл на ту сторону Орхона и, прихватив брошенные врагом винтовки и сабли, вернулся назад» [19].

Едва Сухэ-Батор вернулся из Шамора в Кяхту, как пришло сообщение о том, что войска Баяр-гуна, разбив отряд Народной армии в районе Ибыцык, двинулись на Кяхту. Баяр-гун прислал Сухэ-Батору ультиматум с требованием сдаться. Сухэ-Батор ответил, что «он не сдастся, даже если явится с оружием сам господь бог» [20]. Сухэ-Батор решил встретить многочисленного врага, дать ему оборонительный бой около Кяхты, для чего соответственно расположил бойцов и орудия.

5 июня 1921 года Сухэ-Батор получает донесение, что войска Баяр-гуна подошли к городу на расстояние менее километра. Сухэ-Батор отдал приказ бойцам пригото-

виться к бою и стрелять по врагу только тогда, когда он подойдет вплотную. В это время открыли огонь и прибывшие на помощь орудийные батареи Дальневосточной Республики. После почти трехчасовой перестрелки Сухэ-Батор повел своих бойцов в атаку. Противник был смят и бежал. Сухэ-Батор преследовал отступавшего врага до реки Иро и, наголову разгромив его, возвратился в Кяхту. Сам Баяр-гун был ранен, взят в плен бойцами Народной армии и вскоре умер.

В то время когда Баяр-гун наступал на Кяхту, войска Унгерна, двигавшиеся в обход Дээд Шивээ с востока, 12 июня подошли вплотную к Кяхте и Дээд Шивээ. В отряде Унгерна насчитывалось до 3500 солдат, а в бригаде Народной армии под командованием Сухэ-Батора, находившейся в Кяхте, и в стоявшей в Дээд Шивээ 2-й Сретенской кавбригаде ДВР было не более 1500 конных и пеших бойцов[21]. 12 и 13 июня в жестоком бою отряды советских и монгольских войск нанесли серьезный удар по превосходящим силам противника, но сами понесли значительные потери и оказались в трудном положении. Сообщая об этом властям приграничных районов Советской России с просьбой прислать военную помощь, Сухэ-Батор одновременно послал телеграмму заместителю Главкома Чойбалсану о необходимости срочной переброски в Кяхту бойцов отдельного подразделения из Западной Монголии. Хотя Сухэ-Батор небезосновательно опасался за дальнейшую судьбу революции, он был полон решимости до конца использовать все средства и возможности для защиты революционных завоеваний. Во время боя Сухэ-Батор сказал одному из своих близких друзей: «Кажется, я никогда не замышлял ничего дурного против народа. Сейчас же существует опасность захвата врагом Алтан-Булака. Но мы будем бороться до последнего вздоха»[22]. К этому времени подошла 103-я бригада 35-й пехотной дивизии Советской России и начала наступление, атакуя белогвардейцев с востока. Соотношение сил изменилось, и бойцы Народной армии вместе с отрядами ДВР перешли в контрнаступление. Советско-монгольские войска нанесли белогвардейцам удар с трех сторон и в течение двух дней полностью разгромили их. Побросав почти все оружие и снаряжение, белогвардейцы бежали. Отряд под командованием Сухэ-Батора вместе со 2-й Сретенской кавбригадой пресле-

довал остатки белогвардейцев до реки Иро. В ходе боя монголы, силой мобилизованные в отряды белых, группами и в одиночку стали дезертировать из войск белых и присоединяться к Народной армии. Для завершения борьбы против белых и подготовки наступления на столицу Сухэ-Батор вместе с отрядом возвратился в Кяхту, а также вернул с дороги и войска отдельной части Западной Монголии, двигавшиеся в сторону Кяхты, приказав им добить остатки белых банд и занять монастырь Дайчин-ван.

Так рухнула первая попытка барона Унгерна захватить важнейшие пограничные пункты на советско-монгольской границе и развить наступление дальше.

Борьба за освобождение столицы. Переход власти в руки народа

С 15 июня 1921 года до конца месяца военные действия временно прекратились. В этот период Народная армия вела подготовку к наступлению на столицу.

Штаб народных войск во главе с Сухэ-Батором совместно со штабом 5-й армии Советской России разработал план боевых действий по освобождению Урги. Согласно этому плану, наступающие части должны были двигаться в восточном, западном и центральном направлениях, причем на главном направлении наступали основные силы Монгольской Народной армии под командованием Сухэ-Батора и части Красной Армии в составе 5-й Кубанской кавалерийской дивизии, 103-й пехотной бригады и первой батареи кавдивизии. Советскими войсками командовал К. А. Нейман.

28 июня 1921 года на заседании ЦК партии и Временного народного правительства был одобрен вышеуказанный план и было принято официальное решение о наступлении с целью освобождения столицы. Бойцы Народной армии вместе с частями Красной Армии и революционной армии ДВР двинулись на Ургу. Для отправки основной группы войск в ожидании подхода частей Красной Армии, а также для организации снабжения войск продовольствием Сухэ-Батор временно остался в Кяхте. 2 июля он выехал оттуда на легковой машине и в тот же день догнал наступавшие войска [23].

Путь наступающим совместно с частями Красной Армии революционным войскам преградили остатки бе-

логвардейских отрядов Унгерна и отряд полковника Немчинова, выступивший из Урги. Но части революционной армии смяли и уничтожили их в районе Зулзага в долине реки Иро и в районе Манхтай на реке Хара-Гол. Весть о победоносном наступлении народных войск и частей Красной Армии вынудила остатки белых во главе с Джамбалом бежать из Урги.

Отряды Народной армии и части Красной Армии приближались к столице. Ургинское правительство оказалось фактически в одиночестве. Стремясь как-то спасти положение, оно обратилось от имени богдо-гегена к ЦК партии и Временному народному правительству с посланием, в котором утверждалось, что, поскольку белогвардейцы бежали из Урги и теперь в стране уже установлен мир и покой, поэтому нет якобы необходимости вводить войска и применять оружие. Когда Народная армия расположилась в районе реки Гуйн, несколько ноёнов и чиновников, представлявших ургинское правительство, выражая «радость» по случаю победы революции, в парадных одеждах вышли приветствовать Сухэ-Батора и его сподвижников.

В четыре часа дня 6 июля 1921 года отряды народных войск и передовые части Красной Армии вошли в Ургу, заняли телеграф и расположились в районе высокого зеленого здания Дамнурчи. Через два дня, 8 июля, примерно около 9 часов утра, вместе с основными силами армии в столицу прибыли Временное народное правительство и ЦК Монгольской Народной партии.

Сразу по прибытии в Ургу Сухэ-Батор приказал желтый флаг отправить во дворец богдо-гегена. Бойцы Народной армии выехали на площадь и остановились. Члены ургинского правительства собрались в военном министерстве и хотели со всеми почестями встретить руководителей Монгольской Народной партии и Временного правительства, но в растерянности замешкались и не нашли подходящего момента, чтобы заговорить с Сухэ-Батором и его соратниками, даже тогда, когда те возвращались из Зеленого дворца богдо-гегена.

Сухэ-Батор разместил бойцов в районе Зуун-сэлбэ, консульства и других местах города, а сам поставил себе палатку в хашане Цогтбадамжава[24]. 9 июля состоялось совместное заседание ЦК партии и Временного народного правительства, на котором было принято историческое

решение об ограничении власти богдо-гегена и создании полноправного народного правительства. В постановлении заседания, в частности, говорилось: «Провозглашая богдо-гегена ханом Монгольского государства, где существует конституционная монархия, образовать революционную власть народа и передать печать и дела министерств новому правительству... Наша Народная партия, руководствуясь разумными соображениями, прежде всего добивается, чтобы народные массы монгольской нации стали хозяевами своих земель и вод, чтобы все жизненные вопросы решались согласованно и справедливо; партия полна желания указать людям широкий путь к прогрессу и процветанию... уважая права и свободу народа, решили ограничить власть главы государства и преобразовать Временное народное правительство в постоянно действующее Народное правительство... с возложением на него соответствующих функций» [25]. На этом же заседании были назначены премьер-министр, министры и заместители пяти министров. Сухэ-Батор получил пост министра и был назначен Главнокомандующим монгольской армией. В условиях когда предстояло окончательно освободить страну от остатков белогвардейских банд и обеспечить победу революции на всей территории, по-прежнему первостепенное значение имела Народная армия, и поэтому ЦК партии и Народное правительство считали необходимым поручить руководство этим делом Сухэ-Батору. В тот же день министрам прежнего правительства за подписью Сухэ-Батора было направлено послание с требованием о передаче всех дел министерств, созданных в Урге бароном Унгерном, в ведение Монгольского Народного правительства. В послании также разоблачалась реакционная сущность феодально-теократической власти. «...Горстка лам и феодалы-ноёны Халхи жестоко угнетают и притесняют народ... всячески обманывают его, продают в рабство реакционерам... входят в прямой сговор с чужеземными бандитами... И поэтому иссякли надежды народа и Народной партии на то, что в условиях старого режима наступит мирное и благополучное время, и они решили взять власть в Монголии в свои руки и использовать ее на благо народа, на защиту его от всех страданий и бедствий» [26].

В 12 часов дня 10 июля по распоряжению Народного правительства в министерстве внутренних дел собрались

премьер-министр и другие члены правительства. Сухэ-Батор сообщил о переходе всей власти в Монголии к трудовому народу в лице Народного правительства, которому и были переданы печать премьер-министра и других министров.

11 июля 1921 года было объявлено о создании независимой Монголии с конституционной формой правления. По этому случаю в Урге состоялось подлинно народное торжество. Жена Сухэ-Батора, Янжима, находившаяся в это время в Кяхте, поздравляя его с победой, писала: «Хоть и вдали от тебя, но благодаря заботам и вниманию твоему живу хорошо, у меня все благополучно... Четвертого дня с начала последнего летнего месяца [27] с большой радостью узнала о вести из Дээд Шивээ. На следующий день русские чины пригласили нас и других должностных лиц нашего министерства, а также многих представителей Народной армии к себе в Дээд Шивээ, где был устроен банкет по случаю взятия Урги. Через день на торжество у кургана Салдаз-Обоо были приглашены русские должностные лица. Во время празднества их старший командир поздравил всех нас с победой, одержанной нашей партией, и передал нашему представителю Красное знамя как символ прочной дружбы между двумя нашими народами» [28].

Трудящиеся массы с радостью встретили весть о создании Народного правительства и начали оказывать ему свою искреннюю поддержку, так как считали его подлинным выразителем своих интересов. В одном из писем Сухэ-Батору от жителей Урги, посланном в июле 1921 года, читаем: «Мы очень рады и горды тем, что все вы боролись за народное дело, не щадя ни своей жизни, ни имущества, что вы смогли создать Народную партию и правительство, которые разгромили иноземных захватчиков, умело и мудро руководили народом, который занял Ургу и установил новый, народный строй. Выражая вам за это нашу признательность, просим зачислить нас в ряды Народной армии» [29].

[1] «Власть труда», 24 марта 1921 г.; Г. Кунгуров, И. Сороковиков, Аратская революция, стр. 123—124.

[2] Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Г. Дэмид, Краткая история Монгольской Народной революции, ч. 1, стр. 146—147.

[3] Г. Кунгуров и И. Сороковиков, Аратская революция, стр. 126—127.

[4] «Ардын цэрэг», 1925, № 1, стр. 147—148.

[5] «Сборник документальных материалов о жизни и деятельности Д. Сухэ-Батора», Улан-Батор, 1964, стр. 13—14.

[6] «Материалы по истории Монгольской Народно-Революционной партии», Улан-Батор, 1928, стр. 127—128.

[7] «Воспоминания и рассказы о Д. Сухэ-Баторе», стр. 17.

[8] Позднее, 24 марта 1921 г., на совместном заседании ЦК партии и Временного народного правительства министерство иностранных дел было преобразовано в отдел, подчинявшийся министерству внутренних дел.

[9] Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Г. Дэмид, Краткая история Монгольской Народной революции, стр. 140—141.

[10] «Воспоминания и рассказы о Д. Сухэ-Баторе».

[11] Г. Кунгуров и И. Сороковиков, Аратская революция, стр. 131—132.

[12] Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Г. Дэмид, Краткая история Монгольской Народной революции, стр. 213—214.

[13] «Сборник документальных материалов о жизни и деятельности Д. Сухэ-Батора», стр. 60.

[14] Под большими и малыми Красными Армиями имеется в виду соответственно Красная Армия Советской России и народно-революционная армия Дальневосточной Республики.

[15] «Сборник документальных материалов о жизни и деятельности Д. Сухэ-Батора», стр. 38—39.

[16] Ц. Дамбадорж, Толбо нуур, Улан-Батор, 1964, стр. 6—7 *(на монг. яз.)*.

[17] Там же.

[18] «Воспоминания бойцов Монгольской Народной армии», Улан-Батор, 1961, стр. 340, 469.

[19] «Воспоминания и рассказы о Д. Сухэ-Баторе», стр. 26—27.

[20] «Воспоминания бойцов Монгольской Народной армии», стр. 207—208

[21] Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Г. Дэмид, Краткая история Монгольской Народной революции, стр. 227—228.

[22] Ш. Нацагдорж, Биография Сухэ-Батора, Улан-Батор, 1943, стр. 71.

[23] «Воспоминания и рассказы о Д. Сухэ-Баторе», стр. 27—28; «Воспоминания бойцов Монгольской Народной армии», стр. 317—318.

[24] Ныне дворик музея г. Улан-Батора.

[25] Х. Чойбалсан, Д. Лосол, Г. Дэмид, Краткая история Монгольской Народной революции, стр. 269—270.

[26] «Сборник исторических документов», Улан-Батор, 1954, стр. 167—168.

[27] 8 июля 1921 г.

[28] «Сборник документальных материалов о жизни и деятельности Д. Сухэ-Батора», стр. 118.

[29] «Краткая история Монгольской Народно-Революционной партии», стр. 65.

Глава шестая

СУХЭ-БАТОР В БОРЬБЕ ЗА УПРОЧЕНИЕ ПОБЕДЫ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Сухэ-Батор — организатор борьбы за укрепление вооруженных сил и ликвидацию остатков белогвардейских банд

В результате победы Народной революции основные силы белогвардейцев были разбиты, однако остатки этих сил, отдельные измотанные отряды и группы еще бесчинствовали на территории Монголии, грабя и разоряя окрестное население. Кроме того, по-прежнему существовала угроза границам революционной Монголии со стороны китайских милитаристов, являвшихся орудием реакционных империалистических сил. С другой стороны, силы внутренней контрреволюции, опиравшиеся на иностранную военную помощь, оказывали отчаянное сопротивление политике Народной партии и Народного правительства, мешали проведению в жизнь их решений и всячески клеветали на народную власть, устраивали заговоры. Сухэ-Батор, полностью осознав трудности, переживаемые страной, «забыв о доме», «днем и ночью думая только об одном — о благе народа» [1], отдавал все свои силы, всю волю и способности делу дальнейшего развития Народной революции.

В одном из писем министру, которому было поручено руководство охраной юго-восточной границы в Молцог Элсе, Сухэ-Батор писал: «Хоть недостаточны и скудны познания, которые мне довелось приобрести, я стремлюсь не терять ни минуты времени для деятельности на благо народа, для утверждения святой правды» [2]. В период с 7 июля 1921 по 13 февраля 1923 года Сухэ-Батор принимал участие в 73 заседаниях Народного правительст-

ва, в обсуждении и решении более 530 вопросов, получил и ознакомился с содержанием 470 документов, поступивших в адрес Народного правительства [3]. Позднее сын Сухэ-Батора С. Галсан писал: «В этот период отец очень много работал, возвращался с работы на рассвете. Бывало, приляжет ненадолго, не раздеваясь, и снова на работу» [4].

Сухэ-Батор с честью выполнял все задания Монгольской Народной партии по организации отпора и разгрома реакционных сил, препятствовавших укреплению и развитию МНП и революции. Под его непосредственным руководством осуществлялась организация и укрепление регулярной Народной армии, которая впитала в себя боевые традиции славного народного войска и способствовала достижению победы в освободительной борьбе монгольского народа.

Народное правительство постановило, что защита отечества есть долг каждого гражданина Монголии. В постановлении отмечалось, что каждый молодой человек, достигший определенного возраста, — будь то хошунный арат, послушник в монастыре, богатый или бедный, знатный или простой,— обязан отбыть военную повинность, и уже с 1921 года начался призыв молодежи в армию.

Из новобранцев формировались полки и части, которые направлялись на границу, в аймаки и хошуны, в местные гарнизоны. Государство полностью обеспечивало военнослужащих жильем, топливом, обмундированием и питанием, выдавая, кроме того, ежемесячно на личные нужды каждого цирика по 2 лана серебром.

Однако только что возникшая народная власть испытывала определенные трудности в деле изыскания средств на всевозможные государственные преобразования, вследствие чего случалось, что она не имела возможности полностью удовлетворить потребности армии. Этим пользовались классовые враги, которые старались подорвать авторитет Народной армии, используя для этого несознательных людей, особенно тех, которым были не по нутру твердая дисциплина и коллективизм армейской жизни.

Сухэ-Батор был очень озабочен этим и, чтобы положить конец подобным явлениям, наряду со строгими мерами применял и меры воспитательные. Он требовал

тщательного, в соответствии с уставом, ведения списков личного состава воинских частей и подразделений, укрепления дисциплины, беспощадной борьбы с нарушениями устава и воинского распорядка.

Будучи Главнокомандующим всеми войсками страны, Сухэ-Батор в августе 1921 года в приказе № 15 об укреплении дисциплины в Народной армии указывал: «...поскольку задачей Народной армии является обеспечение внешней безопасности государства, охрана границ, воспитание народа и обеспечение его мирной жизни, все, кто уклоняется от службы в такой армии, являются нарушителями законов и установлений государства, навлекают на себя позор и будут рассматриваться как государственные преступники». Далее в приказе говорилось о необходимости привлечения к суду военного трибунала и строгого наказания таких лиц, их пособников и тех, кто их укрывает [5].

Сухэ-Батор требовал от командиров быть ближе к массе цириков, знать их нужды и запросы, принимать все меры к тому, чтобы армия ни в чем не испытывала недостатка. Сухэ-Батор лично знакомился с жизнью цириков, постоянно заботился об удовлетворении их нужд, снабжении продовольствием, ремонте казарм, разъясняя солдатам цели и политику партии и правительства.

В служебной докладной записке о военной подготовке в армии, которая была направлена Сухэ-Батором правительству 6 января 1922 года, говорится: «Для решения вопроса об обеспечении бесперебойного снабжения цириков и возмещении ущерба аратским массам представляется целесообразным, чтобы правительство срочно назначило специальную комиссию и на своем заседании обсудило и приняло решение по этому поводу». Далее Сухэ-Батор в этом же документе отмечает, что принятые военным министерством меры, такие, как прекращение использования гужевого транспорта аратов для армейских нужд, оплата соответствующих транспортных расходов и др., имеют большое значение для уменьшения убытков аратов и укрепления союза армии с народными массами. Поскольку меры по укреплению армии, принятые при непосредственном участии Сухэ-Батора, отражали подлинные чаяния народа и проводились в интересах государства, они получили горячую поддержку армии и аратов и были успешно проведены в жизнь.

В целях охраны здоровья и лечения военнослужащих и гражданского населения Сухэ-Батор от имени Военного Совета вошел в правительство с предложением о создании в столице больницы европейского типа примерно на 200 коек для бесплатного лечения военнослужащих, аратов и всех больных, приезжающих в город из провинции [6]. Вскоре такая больница была создана.

Сухэ-Батор считал, что новая больница имеет большое значение, и уделял много внимания ее оборудованию, снабжению продовольствием, постоянно знакомился с ее работой — лично или через специально назначенную комиссию, выдвигал предложение о приглашении врачей из России.

Военный Совет одобрил предложение Сухэ-Батора о введении в Монгольской Народно-революционной армии единой военной формы, и во второй половине 1921 года была организована мастерская по пошиву военного обмундирования. Сухэ-Батор уделял внимание дальнейшему развитию этого предприятия и обеспечению его национальными рабочими кадрами.

Осенью 1921 года Сухэ-Батор собрал у себя руководителей мастерской и провел с ними совещание, на котором потребовал довести в ближайшее время производство кож и овчин до 20 тысяч штук, нижнего белья — до 80 тысяч, а также расширить выпуск предметов домашнего обихода. Кроме того, Сухэ-Батор выдвинул предложение о привлечении на работу безработных и организации пошива одежды на дому [7].

В конце 1921 года в столице по инициативе и при непосредственном участии Сухэ-Батора было организовано военное училище по подготовке национальных кадров. Сухэ-Батор систематически бывал в этом училище, присутствовал на занятиях, ходил по общежитиям курсантов, лично интересовался жизнью и бытом будущих командиров, а также тем, как выполняются устав и внутренний распорядок, какова дисциплина, насколько успешно усваивают курсанты учебные предметы, читают ли газеты и книги, хватает ли лошадей для занятий и т. д. В свободное от учебы время он встречался с курсантами, попросту, дружески беседовал с ними о жизни и учебе, выслушивал их просьбы и пожелания. Подробно знакомясь с работой училища, Сухэ-Батор давал многочисленные советы преподавателям и слушателям. Как-то

раз на встрече с курсантами школы военной разведки Сухэ-Батор, делясь своим боевым опытом, говорил: «Прежде всего надо хорошо знать местность, затем надо незаметно приблизиться к противнику и захватить его врасплох. А если будешь знать каждую тарбаганью норку, то это только поможет. А вот Унгерн пренебрегал важностью разведки...»[8]. Мероприятия по укреплению Народной армии дали положительные результаты, однако было ясно, что она еще не в состоянии полностью очистить страну от остатков белогвардейских банд и нанести сокрушительный удар по империалистам и милитаристам. Поэтому Сухэ-Батор, как и прежде, считал необходимой военную помощь Советской России.

12 июля 1921 года Народное правительство Монголии официально обратилось к правительству РСФСР с просьбой не выводить части Красной Армии из Монголии до тех пор, пока не будут полностью ликвидированы белогвардейские банды, вторгшиеся на ее территорию, и не окрепнет народная власть. Вскоре было получено согласие Советского правительства.

Все эти меры создали условия для окончательной ликвидации остатков белогвардейских банд на территории Монголии. В июле 1921 года под руководством Хатанбатора Максаржава в г. Улясутае вспыхнуло восстание монгольских войск против белогвардейских банд. В ряде схваток восставшие окончательно разбили белогвардейские отряды, находившиеся на территории нынешних Завханского, Кобдоского и Убсанурского аймаков. В письме Хатанбатору Максаржаву осенью 1921 года Сухэ-Батор высоко оценивал эти патриотические революционные действия: «Уважаемый министр! Сейчас положение полностью прояснилось, и момент был использован: прежде всего были уничтожены и изгнаны силы противника. Эта первоочередная операция проведена успешно, в связи с чем выражаю Вам свою радость и удовлетворение»[9]. Далее он подчеркивал необходимость совместно с частями Красной Армии полностью уничтожить остатки белогвардейских банд, еще скрывающихся в некоторых местах страны.

В июле 1921 года отдельная часть западного направления совместно с отрядами советской Красной Армии заняла Ван-Хурэ и продолжала громить остатки

белогвардейских банд Унгерна и Резухина в районе Дух нарс, Гуртын тавилан. В это время Сухэ-Батор поручил Чойбалсану в тесном взаимодействии с Хатанбатором Максаржавом закончить разгром белобандитов и захватить Зая-Хурэ, после чего ему было разрешено вернуться в столицу.

Сухэ-Батор не только руководил укреплением обороноспособности революционного монгольского государства и боевыми действиями по разгрому белогвардейских банд, но неоднократно сам принимал участие в боях. Однажды, в конце июля 1921 года, когда Сухэ-Батор после заседания правительства за полночь вернулся домой, из Ван-Хурэ пришло донесение. В нем Чойбалсан сообщал, что отряды белобандитов направились в сторону Урги [10]. Это были остатки разгромленных белогвардейских банд, бежавших по направлению к Маньчжурии. Сухэ-Батор во главе отряда бойцов поехал на запад, чтобы дать встречный бой силам белогвардейцев. Примерно в 30 километрах от Урги, немного ближе Батсумбэра и Улан-Хад, бойцы Сухэ-Батора заметили около 300 всадников, двигавшихся на восток. Революционные бойцы в течение трех часов вели бои с ними в районе Хухдийн-Обо, Зан-Тэрэлж и последний раз, обогнав их, атаковали в районе Галтайн-Булан, около Зуп-Бурхэд, и окончательно ликвидировали. Спаслись бегством лишь несколько человек. В этом бою отряд Сухэ-Батора отбил у белых и вернул аратам угнанных у них около 200 коней, захватил два пулемета, более 3700 патронов, 4 китайских ружья, 7 японских винтовок, 12 сабель, 4 палатки, около 450 пистолетных патронов [11]. Оттуда Сухэ-Батор двинулся на север и через Налайху вернулся в Ургу [12].

В конце августа того же года Сухэ-Батор получил сообщение о том, что на территорию хошуна Дайчин-ван Тушетуханского аймака вторглись белогвардейские отряды. Не теряя времени, он взял отряд бойцов и выступил в поход. 29 августа он наголову разбил бригаду белых под командованием Хоботова, пытавшихся прорваться на запад в район Зун-Хара [13]. Одновременно с этим по приказу Сухэ-Батора полк под командованием Г. Бума-Цэндэ, получивший задание очистить от банд восточные районы страны, совместно с частями Красной Армии с боями преследовал белогвардейские отряды в

районе Цэцэн-ханы-хурэ. Основные силы противника в районе Бухын-хашаат Магад-сомона Восточного аймака были разбиты, и лишь немногим удалось перебраться на другой берег реки Халхин-Гол [14].

К концу 1921 года была в основном закончена ликвидация белых банд на территории Монголии и страна полностью очищена от иноземных оккупантов. Разгром и ликвидация остатков белогвардейщины на монгольской территории помогли борьбе, которую вел советский народ за освобождение советского Дальнего Востока от иноземных захватчиков и белогвардейских банд, и тем самым укреплению молодой Советской власти. Советское правительство, высоко оценивая заслуги Монгольской Народной армии и ее руководителей в этой борьбе, 10 января 1922 года наградило Главнокомандующего монгольской армией Д. Сухэ-Батора, Х. Чойбалсана и Магсаржава орденами Боевого Красного Знамени. В приказе № 6 Военно-Революционного Совета Советской России, направленном 27 февраля 1922 года представительством Народного комиссариата по иностранным делам Советской России в Монголии министру иностранных дел Монголии, в частности, говорилось: «В совместных усилиях по разгрому и ликвидации войск бандита Унгерна, наемника многих империалистических государств, родилась крепкая дружба между Россией и Монголией. Угнетенные и забитые народы Дальнего Востока впервые продемонстрировали реакционерам и империалистам мира силу и мощь их сопротивления... Монгольский народ, борясь против черносотенных сил на Дальнем Востоке, оказал помощь в завоевании мирного пути для народов советской Сибири, помог освободиться от гнета и эксплуатации... Монгольские революционные цирики при этом проявили доблесть и героизм... за что и были награждены Д. Сухэ-Батор и другие товарищи» [15].

Созданная и воспитанная Монгольской Народной партией и Сухэ-Батором, Народная армия защищала не корыстные интересы эксплуататорских классов и их господство, а интересы трудового народа и охраняла страну от иностранных посягательств, а народ от гнета и эксплуатации.

В письме группы советских командиров от 18 марта 1922 года, направленном Сухэ-Батору по случаю первой

годовщины Народной армии, говорилось: «Ваша молодая Народно-революционная армия стратегически умело громила врага, не раз проявляла героизм, немало сделала в истории революции. Читая об этом в газетах, мы гордимся Вами — монгольским руководителем, доказавшим свою верность делу революции. Маленький добровольческий отряд под Вашим руководством с помощью инструкторов превратился теперь в настоящую армию. Капиталисты мира не могут без злобы и ненависти смотреть на этот подвиг монгольского народа... они выискивают любой повод, чтобы подчинить себе Монголию. Но мы верим, что монгольский народ объединит свои помыслы и стремления, встанет, как один, расправив широкие плечи, под знамя борьбы за уничтожение эксплуататорского строя, за свержение хищников-капиталистов всего мира... Да здравствует Монгольская Народно-революционная армия и ее вождь товарищ Сухэ-Батор!» [16].

Отмечая огромные заслуги Сухэ-Батора в борьбе за освобождение монгольского народа от национального и социального гнета, 23 сентября 1922 года правительство Монголии присвоило ему звание героя и трехочковое павлинье перо [17] (знак признания больших воинских заслуг. — *Прим. пер.*).

Роль Сухэ-Батора в борьбе за укрепление братской дружбы монгольского и советского народов

Монгольская Народная партия, Народное правительство и Сухэ-Батор считали, что помощь Советской России имеет решающее значение не только для завоевания независимости страны, но и для обеспечения ее дальнейшего развития по новому пути и избавления монгольского народа от социального гнета и эксплуатации.

Сухэ-Батор неоднократно отмечал, что помощь Советской России в корне отличается от так называемой «помощи малым странам со стороны капиталистических держав»: «У капиталистических держав по отношению к нашей стране и нашему народу нет иных целей, кроме жестокой эксплуатации и получения прибылей, тогда как пролетариат и крестьяне Советской России, прочно взяв власть в своей стране, готовы протянуть свою силь-

ную руку и оказать помощь и поддержку угнетенным народам, которые обращаются с просьбой о помощи и поддержке»[18]. Сухэ-Батор считал, что всестороннее укрепление и расширение дружеских связей с советским народом должно быть основой внешней политики Монгольской Народной партии и правительства.

В своем послании к правительству Советской России от 10 июля 1921 года правительство народной Монголии официально уведомляло о том, что в стране победила Народная революция и власть перешла в руки народа, выражало глубокую благодарность за братскую помощь, оказанную монгольскому народу Советским правительством, и заявляло о своем стремлении и впредь укреплять дружественные отношения между двумя странами. Позднее, примерно через три месяца, Монгольской Народной партией и правительством в Советскую Россию была направлена полномочная делегация, в состав которой входил и Сухэ-Батор, для проведения переговоров об укреплении монголо-советской дружбы и заключения договора.

В документе, выданном делегации Народным правительством Монголии, говорилось: «Монгольское Народное правительство, руководствуясь желанием вести переговоры с правительством Советской России об установлении торговых отношений и заключении договора по другим вопросам, настоящим направляет делегацию и предоставляет настоящие полномочия с приложением печати... первому министру военного министерства Д. Сухэ-Батору и другим товарищам для ведения переговоров с правительством России по любым вопросам и заключения с ним договора... нижайше просит правительство Советской России после проверки данных полномочий, заверенных государственной печатью, вести переговоры с указанными полномочными министрами по вопросам установления торговых связей и другим вопросам, подлежащим обсуждению между Россией и Монголией»[19].

Кроме ведения переговоров об установлении дружественных отношений между Монголией и Советской Россией делегации было поручено получить кредит на создание монгольской денежной бумажной системы, обсудить вопросы о выпуске денежных знаков на Монетном дворе в Петрограде и об оказании военной помощи.

В конце сентября 1921 года Сухэ-Батор и другие члены делегации выехали на почтовых лошадях из Урги и по прибытии в Алтан-Булак остановились в хашане бурята Дамбадугара. Через два дня двинулись в путь на подводах и через Дээд Шивээ добрались до пристани Бурхат, откуда по реке отправились дальше. В то время Селенга была мелководной, и до Улан-Удэ они добрались лишь через несколько дней.

Из Бурятии делегация выехала в Иркутск. Иркутяне тепло встретили и проводили Сухэ-Батора и других посланцев Монголии. 8 октября члены делегации, а также сопровождавший ее Б. З. Шумяцкий приехали в Новониколаевск (ныне Новосибирск), а в конце месяца — в Москву. Представители Советского правительства оказали посланцам монгольского народа исключительную теплую и радушную встречу. Для них было специально отведено здание в районе Арбата.

Во время пребывания в Москве Сухэ-Батор имел встречи и беседы с М. В. Фрунзе, Г. В. Чичериным и другими деятелями Коммунистической партии, Советского правительства и Красной Армии. Советские товарищи, и особенно Б. З. Шумяцкий, делали все возможное, чтобы помочь монгольской делегации в успешном выполнении ее миссии.

26 октября в помещении экономико-правового отдела Народного комиссариата иностранных дел, который в то время помещался в гостинице «Метрополь», начались переговоры между полномочными делегациями двух стран. Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин информировал В. И. Ленина о ходе переговоров. Последнее заседание состоялось 5 ноября 1921 года в здании Народного комиссариата иностранных дел на Софийской набережной и закончилось подписанием соглашения об установлении дружественных отношений между Монголией и РСФСР. В этом соглашении нашли глубокое отражение принципы полного равноправия больших и малых наций, взаимного уважения суверенитета и независимости, искренней взаимопомощи. Оно было основано на совершенно новых принципах международных отношений и явилось надежной гарантией суверенитета и независимости монгольского государства, залогом его последующего подъема и процветания.

В день подписания монголо-советского соглашения

Сухэ-Батора и других членов делегации принял в Кремле глава Советского правительства В. И. Ленин.

В ходе встречи В. И. Ленин тепло беседовал с членами делегации, ответил на интересовавшие их вопросы и дал целый ряд ценных указаний, советов.

На вопрос монгольской делегации о том, будет ли победоносной национально-освободительная борьба в Монголии, В. И. Ленин ответил: «Я сам участвую в революционном движении 30 лет и по личному опыту знаю, как трудно любому народу освободиться от своих внешних и внутренних поработителей. Но, несмотря на то, что Монголия — страна скотоводческая, а основная масса ее населения — пастухи-кочевники, она достигла в своей революции больших успехов, а главное — закрепила эти успехи созданием своей народно-революционной партии, задача которой стать массовой и не быть засоренной чуждыми элементами».

На вопрос делегатов, не следует ли Народно-Революционной партии превратиться в коммунистическую, В. И. Ленин ответил: «Я этого не рекомендую, так как „превратиться" одной партии в другую нельзя». Разъяснив сущность Коммунистической партии как партии пролетариата, Ленин сказал: «Много еще надо будет поработать революционерам над своим государственным, хозяйственным и культурным строительством, пока из пастушеских элементов создастся пролетарская масса, которая впоследствии поможет „превращению" народно-революционной партии в коммунистическую. Простая перемена вывески вредна и опасна» [20].

Во время пребывания монгольской делегации в столице Советской России она участвовала в праздновании 4-й годовщины Октябрьской революции, ознакомилась с революционными достижениями советского народа. После успешного завершения переговоров Сухэ-Батор и остальные члены делегации посетили Петроград, познакомились с городом, с его революционными и историческими памятниками, побывали на промышленных предприятиях и в учреждениях культуры. В Петрограде монгольская делегация останавливалась в гостинице «Англетер».

В конце ноября 1921 года делегация выехала на родину. По пути на родину на вокзале в Иркутске посланцев Монголии встретили представители партийных, со-

ветских и общественных организаций. Когда Сухэ-Батор и члены делегации выходили из вагона, оркестр исполнил «Интернационал». Приняв рапорт, Сухэ-Батор поздоровался по-монгольски, в ответ прозвучало троекратное «ура» почетного караула.

Сухэ-Батор в сопровождении встретивших его советских товарищей проследовал в помещение штаба 5-й армии Советской России, куда в прошлом году он неоднократно приезжал и где разрабатывал план революционной борьбы. Сухэ-Батора тепло и сердечно встретили старые знакомые — русские товарищи, друзья по революционной борьбе.

На приеме, данном в честь монгольских гостей в большом зале штаба, Сухэ-Батор от имени членов делегации выразил искреннюю признательность за дружескую помощь России и произнес тост за здоровье Владимира Ильича Ленина [21].

Встречи и беседы монгольской правительственной делегации с деятелями Коммунистической партии и Советского государства, и в особенности с В. И. Лениным, а также все, что делегаты увидели своими глазами, явились важным этапом в развитии революционного мировоззрения Сухэ-Батора.

Сухэ-Батор говорил, что дружественные отношения между Монголией и Советской Россией ни в коем случае нельзя сводить только лишь к добрососедским отношениям между двумя государствами. Ведь Советская Россия является первым в мире государством победившего пролетариата, авангардом борьбы рабочего класса всех стран за ликвидацию капиталистической эксплуатации и колыбелью мировой социалистической революции [22]. Сухэ-Батор считал, что вступление монгольского народа в ряды великой освободительной борьбы рабочего класса и угнетенных трудящихся всего мира еще больше упрочит завоевания Народной революции. В приказе № 31 от апреля 1922 года о праздновании 1 Мая в Монголии Сухэ-Батор писал: «Капиталисты-эксплуататоры, скрежеща зубами, хотели бы уничтожить угнетенные трудящиеся массы, но ни пули и снаряды, ни плеть и дубинка не сломили народных масс, а, наоборот, сплотили их духовно». В таких словах выражал Сухэ-Батор свою веру в победу рабочего класса и трудящихся всего мира в борьбе за свободу, против гнета капитала.

Подчеркивая исключительное значение установления тесных контактов с международным рабочим движением для защиты национальной и социальной свободы, которую монгольский народ завоевал в ходе антиимпериалистической и антифеодальной революции, Сухэ-Батор далее писал: «В этот день мы, монголы, которые освободились от гнета иноземных и внутренних поработителей-реакционеров, продемонстрируем перед капиталистами всех стран, что мы, как братья, едины в своих усилиях с рабочими и крестьянами всего мира». Сухэ-Батор подчеркивал, что национально-освободительное движение порабощенных народов Востока в соединении с борьбой рабочего класса капиталистических стран Запада не ограничивается задачей национального освобождения, а имеет своей конечной целью полную ликвидацию основ порабощения и угнетения. «Еще выше поднимем знамя революции, уничтожим жестокий гнет презренного капитализма!.. Пусть в этот праздничный для всех народов мира день еще теснее сплачивают ряды трудящиеся массы»[23]. Таким боевым, пламенным призывом ко всем трудящимся заканчивался этот приказ.

Борьба Сухэ-Батора в защиту линии партии

В то время как Монгольская Народная партия в условиях социально-политического строя, полностью отвечавшего коренным интересам народа, приступила к осуществлению революционного переустройства монгольского общества, представители свергнутого класса феодалов во главе с богдо-гегеном, враждебно настроенные по отношению к трудовому народу отщепенцы разных мастей, начиная от остатков белогвардейских банд до капиталистических элементов, выступали на борьбу против партии и последовательных революционеров во главе с Сухэ-Батором.

Реакционная верхушка феодалов грубо клеветала на цели и политику Народной партии и правительства, используя влияние и авторитет богдо-гегена и ламаистской религии, распространяла различного рода слухи, вводя в заблуждение наиболее отсталую часть аратства, пыталась использовать ее в качестве опоры в своей контрреволюционной деятельности. Реакционеры вся-

чески дискредитировали вождя революции Сухэ-Батора, утверждая, что он «рвется к власти», что он помышляет лишь о том, «чтобы главенствовать над всеми», что он жаждет достичь чинов и привилегий и что поэтому он человек ненадежный и «может принести народу лишь беды и несчастья». Таким путем они пытались подорвать авторитет вождя в глазах аратских масс. Они с особым ожесточением выступали против целей, политики и мероприятий Народной партии и правительства, с которыми была связана вся жизнь и деятельность Сухэ-Батора.

Проведение Народной партией революционных мероприятий, направленных на дальнейшее углубление Народной революции, на ликвидацию политического господства класса феодалов, вызвало особую ненависть реакционеров, которые готовили заговоры и вооруженные выступления против Монгольской Народной партии и народной власти. Пробравшись в ряды партии, классовые враги пытались внести раскол в ее идейное и организационное единство, подкупали политически неустойчивых людей из среды партийного и государственного руководства и, используя прежнее влияние, стремились сохранить свои позиции в органах власти и управления.

Феодалы во главе с богдо-гегеном, прибегая к всяческим ухищрениям, препятствовали углублению революции и не оставляли надежд на возможность ликвидации народной власти. Правда, после образования народного правительства богдо-геген и влиятельные крупные феодалы стали вести себя более умеренно, с их стороны неоднократно делались попытки преподнести ценные подарки руководителям партии и государства, делались различные приглашения и аудиенции и другие проявления «дружелюбия». Влиятельные ламы из дворца богдо-гегена неоднократно пытались преподнести Сухэ-Батору ценные подарки из золота и жемчуга, но он прекрасно понимал, что за этим кроется корыстная цель — подкупить его, и с презрением отвергал эти уловки [24].

Озлобленные, коварные враги замышляли даже покушение на жизнь Сухэ-Батора [25]. Находившиеся в руководстве партии и государства Бодо, Чагдаржав, Данзан и другие, стремившиеся лишь к личной наживе, славе. богатству и благополучию и неоднократно доказавшие своим поведением отсутствие твердости в революцион-

ной борьбе за коренные интересы народа, сразу же попали в ловушку, расставленную реакционерами. Сухэ-Батор и другие преданные партии революционеры еще раньше заметили, что эти люди не стремятся к дальнейшему развертыванию революции, а ведут себя пассивно и инертно. Бодо, Данзан и некоторые другие хотя и заявляли, что служат делу партии, однако после «вступления в Ургу оказалось, что осуществилась их конечная цель и теперь они только гонятся за славой, кичатся прежними заслугами и совершенно не служат делу народной революции». Такого рода критические высказывания можно было услышать в то время среди членов партии.

Сухэ-Батор все свои силы и способности направляет на дальнейшее углубление Народной революции, стремится довести до широких народных масс политику партии, поддерживает всякую народную инициативу, направленную на создание массовых общественных организаций, развитие культуры и образования, отмену прежних вредных традиций и привычек.

Если разногласия по вопросу о дальнейшем углублении Народной Революции, имевшиеся между Сухэ-Батором и другими последовательными революционерами-партийцами, с одной стороны, и Бодо, Данзаном и Чагдаржавом — с другой, были сначала едва заметны, то начиная со второй половины 1921 года они стали проявляться очень остро.

В июле 1921 года группа наиболее грамотных и образованных по тому времени людей, ознакомившись с целями, политикой и организационными принципами коммунистических союзов молодежи Советской России и других стран, выдвинула идею о создании организации монгольской молодежи в помощь Народной партии. Сухэ-Батор, который был давно знаком с опытом работы молодежной организации Советской России, не только одобрил и поддержал идею о создании союза монгольской молодежи, но и лично присутствовал на его первом собрании и участвовал в создании Монгольского Революционного Союза молодежи [26]. Однако отказ Данзана, бывшего тогда председателем ЦК партии, выдать средства для этой организации, чтобы помешать ее деятельности, положил начало расколу в руководстве ЦК Народной партии и Союза молодежи.

Когда Сухэ-Батор отправился в Советскую Россию для заключения договора о дружбе, Бодо умышленно обострял противоречия, возникшие между группой Данзана и Союзом молодежи. Он пытался дискредитировать революционную деятельность партии и Народного правительства, подорвать авторитет партии, используя все это в личных корыстных целях.

Действия так называемых «руководителей» партии и правительства в лице Бодо, Данзана и им подобных, направленные на противопоставление партии общественным организациям, на раскол в руководстве партии, создавали благоприятные условия для активизации сил контрреволюции.

К этому времени относится подготовка вооруженного контрреволюционного мятежа, возглавляемого приближенным богдо-гегена — Саджи-лама Жамъян Данзаном, который при тайной поддержке богдо пытался использовать в своих целях тибетских лам и ростовщиков, лишенных Народной революцией прежних привилегий. Осенью 1921 года Народное правительство с помощью членов партии и трудящихся столицы раскрыло этот вооруженный заговор контрреволюции. Главари его были арестованы и приговорены к высшей мере наказания. Узнав о мятеже из полученной в Москве телеграммы, Сухэ-Батор одобрил решение правительства и в своем ответе писал: «Изменникам родины, кто бы они ни были, пощады нет, они должны понести самое суровое наказание»[27]. Однако Бодо, Данзан и другие выступили против справедливого решения Народного правительства и народного суда и усиленно добивались оправдания и освобождения из тюрьмы Саджи-ламы. Используя свое высокое положение, оказывая давление на большинство ответственных лиц в ЦК партии и правительстве, они склонили их к согласию[28].

Подобные действия людей, находившихся в руководстве ЦК партии и правительства, снижали боевую революционную активность, «вели к возникновению внутри партии разногласий и тормозили великое дело»[29].

Возвращение из Советской России Сухэ-Батора в период, когда уже начинало частично ощущаться влияние на ЦК партии и правительство коварных действий Бодо, Данзана и других, пытавшихся внести раскол в руководство партии, имело существенное значение для защиты ли-

нии партии. Сухэ-Батор ознакомился с ситуацией, объединил под своим руководством стойких, последовательных революционеров из ЦК и городской партийной организации и начал борьбу против колеблющихся. Работавшие с Сухэ-Батором партийные и ревсомольские работники позднее писали об этом: «...с 11-го до середины 12-го года, в то время когда дела партии ощутимо пошли на спад, отдельные члены партии высказывали пожелания о примирении с религиозными реакционерами и высказывались за установление теократического строя, другие — призывали к сближению с князьями-ноёнами. Но была и такая группа людей, которые выступали против тех и других взглядов; они, собираясь тайно, обсуждали создавшееся положение. На одном из таких собраний товарищ Сухэ-Батор призывал к созданию отдельной группы верных революционеров, доверяющих друг другу. „Этой ночью мы обязательно создадим такую группу“, — сказал он. Затем Сухэ-Батор собрал людей, верных Народной партии, и смог осуществить основные задачи, за которые боролась партия» [30].

Сухэ-Батор возглавил группу последовательных революционеров в партии и категорически запретил такие вредные действия, когда, например, с целью дискредитации авторитета партии и народной власти под предлогом борьбы с невежественными обычаями побуждали отдельных работников Союза молодежи ходить по улицам и дворам столицы, стричь волосы замужним женщинам и конфисковывать головные украшения.

Товарищ Янжима вспоминает: «...услышав обо всем этом, Сухэ-Батор высказал серьезное беспокойство по поводу политических последствий таких действий. Затем был проведен митинг, на котором отобранные вещи возвратили владельцам, а подобные методы как политически ошибочные были запрещены» [31].

Затем Сухэ-Батор выступил от имени Военного Совета с решительным протестом против освобождения Саджи-ламы, руководившего контрреволюционным мятежом, и приговор народного суда был приведен в исполнение [32].

В этот тревожный и напряженный период Сухэ-Батор всю свою энергию отдает разъяснению политики партии широким народным массам. Сухэ-Батор особо подчеркивал, что для развития страны народ должен верить в

свои силы. Необходимо также прочное единство внутри партии и единство партии и народа.

В связи с тем что кое-кто стал поговаривать о том, что «для малочисленной отсталой Монголии осуществление такой большой цели якобы дело непосильное и невыполнимое», Сухэ-Батор, разъясняя цели и мероприятия партии, говорил: «Великое счастье родиться на белом свете разумным существом — человеком. С младенческих лет благодаря уходу и заботе родителей человек изо дня в день растет и развивается физически, обогащается духовно и рано или поздно один — в физическом труде, другой — в умственном при должном прилежании и стремлении находит свое призвание. И если все объединят свои духовные помыслы, то смогут постичь мир и собрать воедино всех людей. И если мы можем объединиться в едином стремлении и сплотить свои силы, то не будет таких целей, которых мы не смогли бы достигнуть, не будет ничего такого, чего бы мы не постигли и чему бы не научились. Тогда мы сможем вырваться из лап иноземных и внутренних угнетателей, уничтожить все беды и несчастья. Все это зависит только от нас самих, в это я верю, как в бесспорную истину» [33].

Работавшие вместе с Сухэ-Батором товарищи вспоминали о том, какой огромной силой и убедительностью были полны его выступления и беседы: «Все выступления Сухэ-Батора на митингах и собраниях были всегда очень выразительны, шли „буквально из глубины души“, были решительны и смелы, поэтому они не могли не волновать слушателей, а его высокая фигура, проницательный, орлиный взгляд придавали ему еще более вдохновенный и величественный облик. И нельзя было без чувства восхищения и гордости слушать эти искренние и спокойные, полные веры в свою правоту слова человека, который лишь вчера был пастухом» [34].

Когда Сухэ-Батор находился в Советской России, 2 ноября 1921 года ответственный сотрудник Коминтерна Б. З. Шумяцкий, представляя В. И. Ленину монгольскую делегацию, отмечал: «Д. Сухэ-Батор — инициатор создания и развития в Монголии новых отношений, он один из активных деятелей Народно-Революционной партии и лучший монгольский оратор» [35]. Сухэ-Батор, руководствуясь советом В. И. Ленина о необходимости сохранения чистоты рядов партии, одобрил постановле-

ние Президиума ЦК партии от декабря 1921 года, согласно которому Бодо и его сторонники были переведены в кандидаты партии, а позднее (в начале 1922 года) были исключены из рядов партии и отстранены с важных государственных постов. Сухэ-Батор, в частности, говорил: «Если Бодо хочет выйти из правительства, пусть выходит, мы сможем работать и без Бодо» [36]. Сухэ-Батор проявлял исключительную активность, настойчивость и волю при осуществлении мероприятий по укреплению народной диктатуры, занимался революционными преобразованиями во всех сферах политической, экономической и культурной жизни страны. Он обращался с ценными предложениями в ЦК партии и правительство, проводил в жизнь всевозможные мероприятия, направленные на дальнейшее углубление революции.

Непонимание классовой сущности передачи Монгольской Народной партией власти в результате Народной революции из рук феодалов в руки трудящихся аратов и сущности демократического строя, при котором устанавливалась диктатура в прошлом бесправного и угнетенного народа, приводило к появлению у отдельных людей стремления к произволу и анархии. В связи с этим в феврале 1922 года Сухэ-Батор в своем предложении о строгом соблюдении принципов революционной демократии писал: «...до установления ограниченной монархии наши монголы иногда нечетко представляли себе порядок руководства и подчинения, произвольно считая, что все люди равны во всем; они совершенно ошибочно думали, что изменение и облегчение системы наказаний влечет за собой якобы отсутствие наказания как за незначительное, так и за тяжкое преступление...» Далее Сухэ-Батор разъяснял классовую сущность революционной демократии [37]: «...установление народной власти означало ликвидацию господства высших слоев над низшими, так же как и угнетенного положения низших по отношению к высшим, отмену деспотического эксплуататорского строя, предоставление народу свободы и создание благополучия». Он особо подчеркивал необходимость подробного разъяснения народным массам целей и политики Народного правительства, являвшегося защитником кровных интересов трудового народа.

На заседании правительства 3 марта 1922 года было рассмотрено и одобрено это предложение и признано це-

лесообразным «во избежание различного рода недоразумений министерству внутренних дел, военному министерству и министерству юстиции совместно обсудить и составить основополагающие документы». На основании этого решения в марте 1922 года был издан приказ Сухэ-Батора об установлении 8-часового рабочего дня для служащих государственных учреждений и упорядочении делопроизводства в стране.

Этот приказ имел важное значение для улучшения трудовой дисциплины в учреждениях, создания творческой обстановки и оперативности в их работе, для обучения служащих организованности и активности [38].

Борьба, которую вел Сухэ-Батор за претворение в жизнь принципов революционной демократии, стимулировала рост классового самосознания трудящегося аратства, способствовала поднятию его трудовой и политической активности, укреплению диктатуры народа.

Одной из контрреволюционных группировок, разоблаченных и разгромленных Сухэ-Батором и его сторонниками, была группа Бодо.

После отстранения от руководящих постов в правительстве, Бодо устанавливает связи с остатками свергнутых феодалов во главе с богдо-гегеном, а также с бежавшим на крайний запад страны и сеявшим там смуту Дамбийжанцаном, с представителями американской агентуры, с китайским милитаристом Джан Цзо-лином и другими реакционными элементами, а также объединяет силы контрреволюции и активизирует враждебную деятельность, с тем чтобы с помощью этих сил ликвидировать народную власть и установить капиталистические порядки. Таким образом, стало ясно, что Бодо перешел в лагерь классового врага.

В августе 1922 года Народное правительство разоблачило деятельность Бодо и вошедших с ним в сговор Чагдаржава, настоятеля монастыря Дуйнхара Пунцагдоржа и других и передало их дело в суд.

Выступая на суде, Бодо говорил: «Когда я увидел, что мы расходимся во взглядах с Сухэ-Батором и другими, я не мог уже служить народной власти, и, чтобы отойти от Красной России в тот момент, когда Сухэ-Батор отправился в Советскую Россию для заключения договора, я поехал на запад для встречи с Дамбийжанцаном, договорился с ним, подбодрил его. После захва-

та города Улясутая я обещал предоставить ему право на владение землями Алтай-Урянхов и тем самым привлек его на свою сторону, предлагая помощь для ликвидации народной власти и восстановления автономии... А уж потом было бы наше дело, какую власть создать». Это заявление раскрывает контрреволюционные цели и замыслы Бодо.

Разоблачение и разгром группировки Бодо явились ударом по другим связанным с ним контрреволюционным заговорщикам, а также по внешним агрессивным силам и создали для Народной партии и правительства благоприятные условия для принятия предупредительных мер по борьбе с этими врагами. Сухэ-Батор разработал и осуществил ликвидацию вооруженной банды Дамбийжанцана, пытавшегося расчленить монгольские земли.

В октябре 1922 года Сухэ-Батор вызвал к себе на дом начальника государственной внутренней охраны Балдандоржа, командира военного комитета Улясутая Д. Нанзада и министра по делам охраны юго-западных границ Н. Дугаржава. Он сообщил им: «Из недавнего дела Бодо стало доподлинно известно о замыслах некоего Дамбийжанцана, презренного грабителя, уже давно алчно взирающего на западные границы нашей Монголии... В соответствии с предписанием правительства вы трое направляетесь для ликвидации этого реакционера... Дугаржав поедет для инспектирования войск аймака Дзасагу-хан... Нанзад, как уже бывший ранее командиром войск Улясутая, направлен туда же, Балдандорж — в воинские подразделения Улясутая и других полков. На вас возлагаются обязанности комиссаров-пропагандистов и будут выданы соответствующие документы...

Сейчас вы все, преисполненные единым стремлением, должны отправиться в свои подразделения и в соответствии с приказом выполнить это задание.

Вы направляетесь на выполнение важного государственного задания и должны принять меры собственной безопасности. Желаю успешного выполнения этого важного политического задания и благополучного возвращения» [39].

Предупредив товарищей, что им предстоит выполнить очень ответственное задание, Сухэ-Батор дал им важный

совет, чтобы при выполнении этого задания они учитывали конкретную обстановку. Он особенно обратил внимание на то, что следует применять репрессивные меры к лицам, замешанным в контрреволюционных выступлениях, но ни в коем случае нельзя применять эти меры к простым аратам, подпавшим под влияние подобных лиц и слепо следовавшим за ними [40].

Посланные товарищи успешно справились с заданием. Сухэ-Батор с радостью встретил эту весть как свидетельство осуществления важных мер Народного правительства по нормализации положения на границе, по улучшению положения угнетенных масс [41]. О неподдельной радости, с которой Сухэ-Батор воспринял известие о ликвидации группы Дамбийжанцана, вспоминает очевидец: «Однажды, когда во время заседания ЦК насквозь пропыленный монгол принес записку и передал ее незаметно для всех остальных присутствующих Сухэ-Батору, последний неожиданно вскочил, захлопал в ладоши и по-русски закричал: „Победа! Победа!“» [42].

В то время основными силами, угрожавшими независимости Монголии, были китайские и японские империалисты.

Создание и укрепление самостоятельной революционной Монголии вызвали неудовольствие прежде всего у китайских капиталистов-милитаристов и у великодержавных националистов, которые мечтали снова захватить Монголию. В своих стремлениях они возлагали большие надежды на японского ставленника Чжан Цзо-лина, который подчинил себе Маньчжурию. Готовясь к вооруженному вторжению в Монголию, Чжан Цзо-лин собирал белогвардейские банды, изгнанные с территории Монголии, и бежавших монгольских князей и феодалов. Сухэ-Батор, опасаясь китайских милитаристов, уделял особое внимание укреплению обороны восточной границы. С целью усиления подразделений, охранявших юго-восточную границу Монголии, Сухэ-Батор зимой 1921 года назначает специального полномочного министра по делам Цецен-ханского аймака, дополнительно направляет 200 бойцов, вооруженных пулеметами и другим оружием, посылает большое количество вооружения и боеприпасов. Кроме того, он постоянно сообщает должностным лицам точные разведывательные данные о состоянии китайских войск [43].

Весной 1922 года Сухэ-Батор проводит подготовку к отправке из Урги на восточную границу Первой конной бригады Народной армии, а также принимает решение выехать на восток для знакомства с положением на месте.

В начале сентября 1922 года Сухэ-Батор вместе с начальником штаба и небольшим отрядом цириков на двух машинах выехали из Урги и через несколько дней добрались до Баянтумэня, откуда на почтовых лошадях прибыли в расположение войск на склоне горы Гурван-Баян. По прибытии на место Сухэ-Батор в середине ноября 1922 года провел совещание с командованием пограничных войск, представителями Тамсагбулата и командованием погранвойск северо-восточных районов, подробно ознакомился с данными разведки о положении в пограничных районах на востоке страны, а также с военно-политическим положением на Дальнем Востоке, в Маньчжурии и Китае. Затем для проверки собственных выводов Сухэ-Батор направил специальных людей в Маньчжурию, Хайдар, Баргу и другие районы. Ликвидация остатков белогвардейских банд на Дальнем Востоке и в районе монгольской границы нанесла удар по агрессивным планам милитаристов, подобных Чжан Цзо-лину, и охладила их пыл. Учитывая создавшуюся ситуацию, Сухэ-Батор предложил Военному Совету временно воздержаться от отправки войск из Урги [44]. В то же время было налажено бесперебойное снабжение пограничников на востоке страны продовольствием и снаряжением и проведена работа по дислоцированию войск в соответствии с географическим положением, количеством населения и т. д.

На обратном пути из Баянтумэня в столицу Сухэ-Батор заехал на родину своих родителей. Два дня он провел в хошуне Естбэйс, беседовал с местными аратами, разъяснял им политику и задачи партии и народной власти. Затем на уртонных лошадях через хошун Эрдэнэ далай-ван в конце ноября он возвратился в столицу [45].

В связи с тем что положение на востоке не стабилизировалось, для улучшения охраны восточной границы и особенно для борьбы с различного рода группировками и заговорами Сухэ-Батор в феврале 1923 года направляет в хошун Ачит-ван Х. Чойбалсана.

Кончина Сухэ-Батора

В начале 1923 года Народному правительству стало известно, что тайно проникший в столицу из-за границы японский агент Цэрэнпил и члены недобитых белогвардейских банд организовали контрреволюционный заговор и готовятся в Цаган саре[46] совершить государственный переворот. Сухэ-Батор принял все меры предосторожности, ночью лично объезжал город, проверял караулы, части и подразделения армии. В выданном Сухэ-Батору комендантом г. Улан-Батора удостоверении говорится: «Предъявителю сего, Сухэ-Батору, разрешается беспрепятственное передвижение по городу после 21 часа, о чем удостоверяет настоящий пропуск с приложенной к нему печатью»[47].

Во время такого ночного патрулирования Сухэ-Батор очень сильно замерз и простудился. Несмотря на плохое самочувствие, он продолжал работать[48]. Вечером 14 февраля 1923 года Сухэ-Батор выехал на патрулирование города и лишь на рассвете, весь продрогший и усталый, вернулся в юрту своей сестры Долгор. Все было готово к празднованию Цаган сара, и поэтому для него сварили бузы (монгольские пельмени), но Сухэ-Батор есть отказался. Переночевав у сестры, утром 15 февраля он добрался до дому и слег. В то время юрта Сухэ-Батора стояла к северу от монастыря Дунжин Гарав на западе хашана Цецен-хана[49]. В юрте слева от входа стояла его кровать, справа — кровать сына Галсана, в красном углу стоял сундук, лежали чемоданы, висели фотографии. Прошло три дня праздника, наступил рабочий день, но Сухэ-Батор не смог выйти на работу. Болезнь осложнилась, поднялась высокая температура, больной временами терял сознание. Русские врачи Селезнев и Соловьев осмотрели больного, поставили диагноз и советовали сделать операцию, но богдо-геген и влиятельные ламы категорически воспрепятствовали этому. Дома Сухе-Батора навещали близкие друзья, члены ЦК партии, министры. Приходя в сознание, Сухэ-Батор интересовался, как идут дела, спрашивал, что слышно на улицах. «Я очень беспокоюсь, — говорил он, — как бы не выступили контрреволюционеры Цэрэнпила во время Цаган сара».

Товарищи, бывшие около больного, старались его

успокоить: «Не волнуйся. Мы приняли все меры предосторожности. Если эти поганые смутьяны во время праздника Цаган сара, прикрываясь именем богдо-гегена, попытаются поднять мятеж, наши отряды готовы нанести им удар». На что Сухэ-Батор сказал: «А как же иначе? Так и должно быть. Жаль только, что меня с вами вместе не будет. За мной присматривать не надо, я думаю, что лучше лишний раз проверить караулы».

Всю свою жизнь, силы и талант Сухэ-Батор отдал на благо народа. До последней минуты он боролся за дело народа и наказывал своим соратникам и друзьям быть беззаветно преданными борьбе за народное дело, призывал их еще теснее сплотить ряды вокруг боевого авангарда монгольского народа — Народной партии — и еще больше усилить ее руководящую роль.

Перед смертью Сухэ-Батор говорил, обращаясь к своим соратникам: «Наказываю вам, друзья, чтобы вы всегда подчиняли политику партии и мероприятия правительства интересам трудящихся-арат, чтобы свято хранили завоеванную народом свободу, чтобы возглавили дело защиты народных масс, освободившихся от ига внутренних врагов и иноземных поработителей».

«...Вас, моих товарищей по партии, я считаю своими родными и близкими. Я верю в вас, и больше мне ничего не надо» [50].

«Я умираю, но верю, что вы, мои единомышленники, продолжите наше общее дело, преуспеете во всех делах и добьетесь расцвета народного строя». Эти слова стали завещанием партии и народу основателя славной Народной партии и народного государства, выдающегося полководца, славного сына монгольского народа Дамдины Сухэ-Батора.

20 февраля 1923 года, или 5 числа белого месяца 13 года по монгольскому летосчислению, в 9 часов утра, в возрасте 30 лет Сухэ-Батор скончался.

Сухэ-Батор был верным сыном монгольского народа. Он смело и решительно сражался за дело Народной революции, против внешних врагов, беспощадно боролся против уклонистов и колеблющихся элементов в партии, последовательно отстаивал политику партии и укреплял диктатуру народа.

Сухэ-Батор внес неоценимый вклад в дело создания и укрепления Монгольской Народной партии, независи-

мого монгольского Народного государства и Народной армии. Неоценима его заслуга в том, что он соединил борьбу за свободу монгольских трудящихся с борьбой страны победившего пролетариата, заложив тем самым основу вечной дружбы монгольского и советского народов.

Выделяясь из среды других руководящих деятелей партии и государства того времени своими последовательно революционными взглядами, Сухэ-Батор снискал заслуженную любовь и уважение народа, а имя его завоевало широкую популярность по всей стране.

Кончина Сухэ-Батора явилась тяжелой утратой для Монгольской Народной партии, правительства и всего трудового народа.

Центральный Комитет Монгольской Народной партии образовал комиссию по организации похорон Сухэ-Батора из ответственных работников ЦК партии, ЦК Ревсомола и Военного Совета. 26 февраля 1923 года столица была в трауре, трудящиеся провожали Сухэ-Батора в последний путь. Весна только начиналась, небо было пасмурным, дул холодный, порывистый ветер. В первом ряду траурной процессии торжественно несли орден Боевого Красного Знамени Советской России, которым при жизни был награжден Сухэ-Батор, серебряную саблю — подарок Российского Военно-Революционного Совета, головной убор Героя Монголии.

Тело Сухэ-Батора, покрытое красным крепом, поместили на лафет четырехдюймового орудия, запряженный четырьмя гнедыми рысаками, покрытыми красными попонами. За лафетом вели под уздцы оседланного коня Главкома. Следом в скорбном молчании медленно двигались убеленные сединами старики и молодежь, здесь были члены ЦК партии и правительства, военачальники и советские советники, сотрудники посольства Советской России, представители Союза молодежи, рабочие, служащие. За гробом следовали представители русских, бурят, китайцев, нескончаемым потоком шли монголы. С двух сторон вдоль траурной процессии двигались бойцы монгольской армии и советской Красной Армии. Люди, пришедшие проститься с Сухэ-Батором, заполнили всю площадь, на которой в торжественные дни выступал на митингах Сухэ-Батор. Здесь к траурной процессии присоединились делегации из хошунов. Медленно

двигавшаяся колонна растянулась от центра столицы до самого консульства. Траурное шествие, пройдя почти полтора километра, остановилось у подножия горы Алтан-Олгий. Обрамленный алыми лентами, утопавший в цветах гроб поставили на площадку, обозначенную небольшими флажками. Открывший траурный митинг премьер-министр Б. Цэрэндорж от имени ЦК партии и правительства зачитал некролог: «От имени всего народа Народное правительство Монголии, — говорилось в нем,— выражает самую глубокую, искреннюю скорбь по поводу твоей кончины, наш товарищ и Главнокомандующий Сухэ-Батор!

Ты, товарищ Главком, был в числе первых, кто с глубокой ненавистью и непримиримостью отнесся к ликвидации империалистическими кругами автономии нашей Монголии и, объединив цели и помыслы со своими соратниками, проявив огромную силу воли и отвагу, не щадя своей жизни, смог за короткое время разбить врага, избавить свой народ от всех бед и лишений, предоставить свободу и счастье своему народу. Весть о величии и славе этих твоих свершений разнеслась по всему свету, и мы были твердо уверены в том, что ты, наш товарищ и полководец, еще долго будешь служить опорой и надеждой для нашего монгольского государства. Но смерть преждевременно унесла тебя от нас, и нет границ горю и скорби нашего народа.

Горе наше неутешно, но все мы — твои друзья, единомышленники и все те, кто с благоговением чтит твое мужество и беспримерную отвагу, — будем неизменно следовать по пути, на который мы вступили под твоим руководством, будем еще сильнее укреплять родину народной власти и защищать ее. Наш товарищ и полководец Сухэ-Батор! Чтобы восславить твои бессмертные подвиги в последующих поколениях и в знак глубокого уважения к тебе, решено воздвигнуть памятник и увековечить твою светлую память в истории. Торжественно прощаясь с тобой, наш товарищ и полководец Сухэ-Батор, мы еще раз выражаем самую глубокую, искреннюю скорбь всего народа. 13 года белого месяца десятого числа, или по европейскому летосчислению 26 февраля 1923 года» [51].

Затем выступили представители ЦК партии, правительства, Народной армии и молодежи, которые отмети-

ли огромные заслуги Сухэ-Батора перед своим народом, выразили искреннюю скорбь по поводу его безвременной кончины. Соратники Главнокомандующего дали у гроба клятву.

Выражая свое соболезнование по поводу кончины Сухэ-Батора, посол Советской России сказал в своей речи: «Тяжелая утрата, которую понес монгольский народ, является утратой и трудового народа России, который был искренним другом товарища Сухэ-Батора... Сильный, свежий ветер подул с равнин далекой России, и дыхание его ощутилось на Азиатском материке, на широких просторах Монголии... Сухэ-Батор был первой ласточкой, возвестившей приход весны в Монголию, начало подъема и расцвета страны. Вот почему мы с глубоким уважением, по-братски относились к Сухэ-Батору при жизни и будем свято чтить светлую память о нем после кончины. Очень трудно представить себе, что от нас ушел молодой, исключительно смелый человек, замечательный товарищ... И вам, представителям молодого поколения, следует здесь поклясться в том, что вы будете верны заветам Сухэ-Батора и уверенно понесете Красное знамя, которое высоко держал Сухэ-Батор».

После каждого выступления над притихшей степью слышались раскаты орудийных залпов, звучала траурная мелодия.

Траурный митинг закончился, но народ еще долго не расходился от подножия горы Алтан-Олгий, где был погребен Сухэ-Батор.

Участники процессии, проводившие в последний путь Сухэ-Батора, ярко продемонстрировали сплоченность и единство своих рядов, свою готовность продолжать его дело.

10 июля 1964 года по решению ЦК МНРП и правительства МНР прах великого сына монгольского народа Сухэ-Батора был перенесен в усыпальницу на центральной площади Улан-Батора, на которой воздвигнут величественный памятник вождю монгольского народа.

На митинге по случаю церемонии перенесения праха Сухэ-Батора товарищ Ю. Цэдэнбал сказал: «Вся прекрасная жизнь и беспримерный героизм Сухэ-Батора являют собой пример беззаветного служения своему народу. Сухэ-Батор был бесстрашным борцом и пламенным патриотом своей родины» [52].

Дело Сухэ-Батора живет и побеждает

За прошедшие пятьдесят лет монгольский народ под руководством Монгольской Народно-Революционной партии, претворяя в жизнь заветы своего великого вождя, добился замечательных успехов.

Борясь за осуществление задач, поставленных в трех программах МНРП, монгольский народ уничтожил политическое, экономическое и идеологическое господство феодалов, вытеснил иностранный торгово-ростовщический капитал, ликвидировал возможности для появления эксплуататорских капиталистических элементов внутри страны и за счет всестороннего развития государственной и кооперативной собственности, составляющей социалистический сектор экономики, вступил на некапиталистический путь развития.

Под руководством Монгольской Народно-Революционной партии была проведена перестройка сельского хозяйства, где до недавнего времени преобладало животноводство. В результате возникла и развивается самостоятельная отрасль — земледелие, и сельское хозяйство стало многоотраслевым. Крупнейшей политической и экономической победой, одержанной в деле строительства социализма, является завершение кооперирования аратских хозяйств. Тем самым были полностью ликвидированы экономические основы эксплуатации человека человеком, и араты-скотоводы стали работать совместно, используя общественные средства производства, что привело к превращению частных хозяйств в коллективные.

Монгольская Народно-Революционная партия неуклонно укрепляет и развивает дружественные отношения между монгольским и советским народами, начало которым положено великим вождем Сухэ-Батором. Советский Союз оказывает Монголии бескорыстное техническое содействие в развитии современной промышленности, которой вообще не было до революции. В стране появился рабочий класс. Так претворился в жизнь совет, данный Сухэ-Батору В. И. Лениным, о необходимости развития в Монголии промышленности и создания рабочего класса.

В настоящее время Монголия превратилась из страны животноводческой в страну аграрно-индустриальную.

Огромных успехов добился монгольский народ и в культурном строительстве. Если до революции грамотные составляли лишь один процент населения, то сейчас все население грамотно. В стране созданы многочисленные высшие, средние и специальные средние учебные заведения, научно-исследовательские институты, возникли культурные и медицинские учреждения, в которых работает значительный отряд интеллигенции. Возникшая за годы революции совершенно новая прослойка монгольского общества — народная интеллигенция многое делает для народа.

Претворилась в жизнь мечта вождя Сухэ-Батора, который, руководствуясь учением великого Ленина, неустанно боролся за переход страны от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Сейчас Монгольская Народная Республика вступила в период завершения строительства социалистического общества. В результате того, что МНРП обеспечила защиту свободы и независимости своего народа от неоднократных посягательств внешних и внутренних врагов и создала все возможности для политического, хозяйственного и культурного развития в мирных условиях, неизменно растет международный авторитет МНР.

Все более ширится и крепнет дружба монгольского и советского народов, основанная Сухэ-Батором и В. И. Лениным, все могущественнее становится ее значение для развития Монголии. Монгольская Народно-Революционная партия, всемерно укрепляя единство и сплоченность стран социалистического лагеря и всего международного коммунистического движения, с честью выполняет заветы своего великого вождя о том, что, выступая против всех капиталистов, монгольский народ подрывает корни рабства и угнетения.

В упорной борьбе с внешними и внутренними врагами, с различного рода оппортунистическими течениями, в борьбе за свободу и независимость монгольского народа, за строительство социалистического общества МНРП окрепла организационно, закалилась и сплотилась идейно. МНРП возглавила дело строительства социализма, она творчески применяет марксистско-ленинское учение к конкретным историческим условиям своей страны, неуклонно руководствуется этим учением во всей своей многогранной деятельности.

Деятельность МНРП снискала безграничную любовь, уважение и полную поддержку народа.

В период когда монгольский народ под руководством своей славной Народно-Революционной партии уверенно идет вперед, к светлому будущему, еще более ярко и величественно встает перед нами незабываемый образ великого вождя Сухэ-Батора, который привел свой народ к развитию и прогрессу, вывел его на путь новой жизни.

[1] «Сборник документальных материалов о жизни и деятельности Д. Сухэ-Батора», стр. 40—45.

[2] «Сборник исторических документов о Д. Сухэ-Баторе», стр. 94.

[3] «Сборник документальных материалов о жизни и деятельности Д. Сухэ-Батора», стр. 140—142.

[4] «Воспоминания и рассказы о Д. Сухэ-Баторе», стр. 83.

[5] «Сборник исторических документов о Д. Сухэ-Баторе», стр. 92—93.

[6] «Сборник документальных материалов о жизни и деятельности Д. Сухэ-Батора», стр. 15.

[7] «Намын амьдрал», 1958, № 8, стр. 32.

[8] Там же.

[9] «Сборник документальных материалов о жизни и деятельности Д. Сухэ-Батора», стр. 41—42.

[10] «Воспоминания бойцов Монгольской Народной армии», стр. 35.

[11] «Сборник документальных материалов о жизни и деятельности Д. Сухэ-Батора», стр. 15—16.

[12] «Воспоминания бойцов Монгольской Народной армии».

[13] «Советско-монгольские отношения», М., 1966, стр. 333.

[14] «Краткая история МНРП», гл. 1—4, стр. 70.

[15] «Сборник документальных материалов о жизни и деятельности Д. Сухэ-Батора», стр. 79—80.

[16] Там же, стр. 79—80.

[17] «Сборник исторических документов о Д. Сухэ-Баторе», стр. 191.

[18] Х. Чойбалсан, Доклады и выступления, т. I, Улан-Батор, 1945, стр. 114—117.

[19] «Сборник документальных материалов о жизни и деятельности Д. Сухэ-Батора», стр. 75.

[20] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 232—233.

[21] «Намын амьдрал», 1958, № 8, стр. 28; «Воспоминания бойцов Монгольской Народной армии», стр. 437—438.

[22] Х. Чойбалсан, Доклады и выступления, т. 1, стр. 113—123.

[23] «Сборник документальных материалов о жизни и деятельности Д. Сухэ-Батора», стр. 24—25.

[24] «Хозяйство Монголии», 1929, № 1 (4), стр. 4.

[25] «Сборник документальных материалов о жизни и деятельности Д. Сухэ-Батора», стр. 86.

[26] «Хураантуй», 1922, № 10—11.

[27] «Сборник исторических документов о Д. Сухэ-Баторе», стр. 27.

[28] «Ардын Цэрэг», 1925, № 1, стр. 28; «Хозяйство Монголии», 1928, № 1.

[29] «Монгольская Народная партия», 1923, стр. 14—15.

[30] «Ардын Цэрэг», 1925, № 1, стр. 29—30.

[31] Ойдов, Цэцэгбилэгт, Материалы по истории Монгольского ревсомола, Улан-Батор, 1926, стр. 36.

[32] «Ардын эрх», 1925, № 1, стр. 29; «Хозяйство Монголии», 1929, № 1 (14), стр. 5—6.

[33] «Ардын эрх», 1925, № 1, стр. 37—38.

[34] «Ардын Цэрэг», 1925, № 1, стр. 31—34.

[35] ЦИА МНРП, ф. I, т. 23.

[36] «Сборник исторических документов о Д. Сухэ-Баторе», стр. 28.

[37] Там же, стр. 96—97.

[38] Там же, стр. 22.

[39] «Воспоминания о Д. Сухэ-Баторе», стр. 47—49; 77—79.

[40] «Воспоминания воинов Монгольской Народной армии», стр. 447—478; «Сборник исторических документов о Д. Сухэ-Баторе».

[41] Там же.

[42] «Ардын Цэрэг», 1925, № 1, стр. 30—31.

[43] «Сборник исторических документов о Д. Сухэ-Баторе», стр. 94—95.

[44] «Сборник исторических документов о Д. Сухэ-Баторе», стр. 106—108.

[45] «Воспоминания бойцов Монгольской Народной армии», стр. 296—298.

[46] Первый месяц Нового года по монгольскому календарю.

[47] «Сборник документальных материалов о жизни и деятельности Д. Сухэ-Батора», стр. 83.

[48] Ш. Нацагдорж, Биография Д. Сухэ-Батора, стр. 83—84; «Намын амьдрал», 1958, № 8, стр. 40.

[49] Сейчас это 30-й хороо Сухэбаторского района г. Улан-Батора.

[50] «Ардын эрх», 1925, № 1.

[51] «Сборник исторических документов о Д. Сухэ-Баторе», стр. 193—194.

[52] Ю. Цэдэнбал, Доклады, статьи, речи, т. 1, Улан-Батор, 1966, стр. 496.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Л. Бат-Очир, Д. Дашжамц

ДАМДИНЫ СУХЭ-БАТОР

Биография

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *А. М. Козлова*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Т. Михлина*
Корректор *Т. К. Кузина*

Сдано в набор 29/I 1971 г. Подписано к печати 14/IV 1971 г.
Формат 84 × 108[1]/32. Бум. № 1. Печ. л. 4,25. Усл. п. л. 7,14. Уч.-изд. л. 7,52.
Изд. № 2744. Тираж 10 000 экз. Зак. № 108. Цена 48 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 48 коп.